

Lao Bearolla

Бесконечная игра

6R

Lao Bearolla

Бесконечная игра. 6R

«Издательские решения»

Bearolla L.

Бесконечная игра. 6R / L. Bearolla — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964077-2

— Зачем читать эту книгу?— Ты будешь читать, и что-то в душе отзовется, — просто ответила Алиса.— А о чём она?— Душа? Или книга? Эта книга про любовь, вообще-то, всё в мире про любовь.

ISBN 978-5-44-964077-2

© Bearolla L.
© Издательские решения

Содержание

1. Всё про любовь...	6
2. Учитель	13
3. Кусачие собаки	18
4. ОБЖ	23
5. Пиво для маскировки	30
6. Красавица – офицер	32
7. Кто мы? Откуда мы пришли? Куда идем?	35
8. Разговор за обедом	37
9. Она очень устала	39
10. Обвинение	41
11. Встреча с сорокалетним	43
12. Препятствия на пути	46
13. Начало авантюры	48
14. Преодоления	51
15. Сложности понимания	55
16. Почему важно быть отдохнувшим	58
17. Sacrum	60
18. 18 +	62
19. Ловить на живца	64
20. Реки света или разговор, которого не было	69
21. Два Томаса	70
22. Грязные звери	75
23. Грустно	77
24. Разрыв шаблона N7	80
25. Письма, мысли, сообщения	82
26. Зачем ты зовёшь меня	84
27. Немного поэзии	88
28. Двойственность и недвойственность	91
29. Игры допусками	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Бесконечная игра 6R

Lao Bearolla

© Lao Bearolla, 2019

ISBN 978-5-4496-4077-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Всё про любовь...

«...самым важным элементом моего подхода является осознание того, что за любым поведением, даже за тем, которое кажется нам очень странным, стоит любовь...»

Берт Хеллинггер

Акварельные карандаши, альбомы, листы бумаги с детскими рисунками, творческий беспорядок. Алиса складывает карандаши в коробку.

– Вот ты говоришь, он любит меня. Если посмотреть с одной стороны, ты сказала глупость, а с другой стороны – правду. Вопрос: на сказанное можно ли посмотреть? И можно ли послушать одно и то же с разных сторон? Можно. – Алиса обращается к Рите и одновременно беседует сама с собой. Рита не очень понимает её. – У любви столько направлений, видов, подвидов, – продолжает Алиса, – я бы написала учебник про любовь для начальной школы, для старшей, и университетский курс, и ещё продвинутый. Про языки любви, её проявления, пути. Думаю, это может быть даже полезней математики. Математика нужна, очень. Но! Важно изучать именно любовь и про любовь. Я бы открыла такую школу. А математику можно факультативно, или как-нибудь дома, с родителями и родственниками, по пятнадцать минут в день перед ужином. А то ерунда в жизни получается. Всё перепутано. Математику все учат часами, формулы сложные пишут, правила зубрят, теоремы, а про любовь ничего не учат. Между тем, кого волнует математика так сильно? Какой процент мужчин и женщин из-за алгебры страдает и не спит ночами? Школьники с домашними и контрольными работами не в счёт. Кстати, они переживают не за алгебру, а за свои оценки, от которых, как они часто думают, любовь к ним зависит. Как всё запущено, – вздыхает Алиса. Рите не становится понятней. Алиса откладывает в сторону коробку с карандашами и принимается прибирать рисунки, добавляет, – Рита, ты если захочешь, можешь посмотреть очень спокойно и внимательно, и поймешь, кого он любит. Только надо быть в состоянии, когда ты именно смотришь, только смотришь, воспринимаешь, видишь, а не делаешь выводы!

Вечером Рита смотрела на играющих детей. Старалась внимательно. Только смотреть. Игры у них были очень тихие и сосредоточенные. Обычно дети шумнее.

Руслан сидел в кресле рядом. Он редко с детьми играл, это могли делать Алиса и Фома, но он присутствовал при игре. Просто был рядом.

Дети такие разные, внешне. Майкл смуглый очень, цвет кожи темнее чем у Руслана, глаза большие, красивые, черные, длинные черные ресницы, густые черные волосы. Был бы волшебный мальчик, если бы не тяжесть во взгляде. И ощущения от него у Риты – как от колдуна из страшной сказки. Майкл и есть колдун. Сидит себе и перекладывает с места на место не игрушки, а камни, иногда что-то строит, иногда гладит кота. Все занятия у него не очень-то и детские: наблюдает, думает, или следит за Русланом. Если смотреть на Майкла долго и пристально, может стать страшно. Колдун в доме, или демон. Никого, кроме папы не слушает. Никто с ним, кроме папы и не общается. Разве что Алиса.

Все зовут его на русский манер Мишка, а он Майкл. Жесткий, сильный, телом крепкий, рослый; видимо в Руслана. Даниэла ни на Майкла, ни на Руслана не похожа – хрупкая, нежная вся, светленькая, с тонкой кожей, шелковистыми вьющимися волосами очень редкого оттенка, с пепельным отливом. Глаза её светло-серые, иногда в ясный день голубыми кажутся. Как так? Мастями разные дети, всем разные. Характерами тоже. Майкл упертый и вредный, себе на уме, замкнутый, наглый, странный, не признающий правил приличия, вообще ничего и никого

не признающий, кроме Руслана. Даниэла – милая, общительная, когда освоится; скромная, приличная, вежливая, застенчивая, немного пугливая, аккуратная.

Наступает вечер – Руслан уложил детей спать, и спускается в гостиную, Рита спрашивает:

– Это точно твои дети?

– То есть? – он останавливается, смотрит на Риту удивленно.

– Это точно твои дети? Или приемные?

– Точно мои.

– От одной женщины? Ты уверен?

– Уверен.

– Могли ведь и подменить в роддоме, – серьезно говорит Рита. Уж слишком Майкл и Даниэла разные.

– Я видел, как они родились.

– Как?

– Как видел? Глазами.

Рита удивляется, очень.

– Ты был в роддоме?

– Дети родились дома.

– Почему?

– Так мы решили.

Любопытство сильнее ревности. Все те дети, которых Рита знала, рождались без присутствия пап, иногда вообще этих пап не было, да и вообще дети и роды – дело женское.

– Ты хочешь сказать, что присутствовал?

– Да, а что?

– Странно.

– Что странно?

– Все это, и то что ты был на родах, и дети странные. Как будто они из разных семей, я вообще ничего общего не вижу. Может быть все не так, как ты говоришь, не могут в одной женщине нормально жить такие разные дети. Не верю. И мужчин никогда в жизни не видела таких, которые бы на родах присутствовали; разве что по телевизору.

– Можешь посмотреть, – говорит Руслан.

Рита смотрит. В который раз пытаюсь понять, что в этом человеке её привлекло. Большой. Взрослый. Теплый, по ощущению. Сильный. Сила очень спокойная. Немного грустный, уставший. Это если заглянуть глубже. За его спокойствие. Красивый, несмотря на возраст. Захотелось подойти и обнять. Неужели она его любит. Глубоко. И все странные истории про них – правда?

В груди шевелится чувство, тепло, нежность... к нему. За этим теплым и нежным коварно поднимается ревность.

– Ты любишь Линду?

– Я не хочу это обсуждать, – очень спокойно, но твердо отвечает Руслан.

– А Алису?

Он не понимает.

– При чем тут Алиса? И Линда?

– От Линды у тебя дети. Да и к Ричарду ты явно не равнодушен. Она ведь так назовет ребенка. Алису ты любишь, заботишься о ней, волнуешься, даже больше чем за меня.

В словах провокация, и в голосе. Руслан смотрит спокойно, думает, что ответить. И ничего не отвечает.

– Почему ты молчишь?

– Думай, как хочешь.

– Я хочу, чтобы ты объяснил!

– А я буду как Миша, он вот никому ничего не объясняет; молчит и всё.

– Думаешь, кто-то сможет жить с человеком который ничего не объясняет, молчит и все?

Как с таким жить?

– Я же живу.

Она смотрит снова, долго, внимательно, потом говорит:

– Я не могу тебя понять.

– А ты хотела хоть раз меня понять? – спрашивает он. – Не требовать объяснений, а понять?

– Ты обиделся?

– С чего ты взяла?

– Голос странный, раньше ты не говорил таким тоном, – тихо отвечает она, глядя за его спокойствие, внешнее спокойствие.

– Может, – соглашается Руслан. – Но не переживай, это из прошлой жизни; я с этим разберусь.

– С чем?

– С обидами.

Руслан молчит, за окном слышно ветер. Грустно. И Руслан был грустный, очень глубоко внутри.

– Тебя любил кто-нибудь? – спрашивает Рита.

Он подумал немного и отвечает:

– Да.

– Кто?

– Мама с папой, друзья, дети.

– А Линда?

– Линда была моим другом.

– А твоя жена? Та, которая была раньше? – Было странно и невозможно сказать вслух: «я раньше», да и не верилось Рите в возможность всех этих «раньше», хотя чувствовалось, что это было, раньше и много раз.

И снова от неё вопрос звучит, как вызов:

– Твоя жена тебя любила?

И ответ:

– Нет.

Она пугается, не ответа, голоса. Разочарования. И спокойствия... начала холода.

Нужно тепло, чтоб подогреть, разогреть, раздуть огонь.

– Как же ты с ней жил, если она тебя не любила?

– Как мог, так и жил, я то её любил.

– А сейчас?

Он понимает, что начнется выяснение отношений, и говорит честно:

– У меня нет сейчас сил на этот разговор; и на любовь сил нет; я очень хочу спать, просто чтобы выспаться, – он встает, она боится, что он уйдет и оставит её одну. Он и так слишком закрыт сегодня.

– Ты куда?

– В душ и в кровать.

Рита поднимается, делает несколько шагов к Руслану. Смотрит ему в лицо, недовольно; изображает обиду, на то, что он вот так уходит, даже не хочет поговорить с ней. Верит в то, что подумала. Обижается. Руслан останавливается и тоже смотрит, внимательно и очень грустно. Минуты идут, и Рита понимает – всё, что Руслан сказал про то, что его любили было правдой, но осталось ближе к поверхности, а дальше, глубже, на внутренних слоях, он один. И никто его там не любил, и никогда не лез туда. Потому что повыше и тепло, и комфортно. На том уровне, где он отдает свою заботу, внимание, время, силы, доброе отношение. А под этим всем темнота. Не страшная. Непонятная очень. Еще несколько слоёв вглубь, и получается, что он снова добрый; и готов отдавать. Любовь. И ничего не попросить взамен. Он так всегда и делал, то, что у него было – отдавал другим, а о себе заботился сам, или не заботился. Оставался при этом открытым. Можно было зайти и взять. Любовь, даже жизнь можно было взять.

Рите становится страшно, как так? Без самолюбия совсем? Как он так может и зачем? И пустил её так глубоко. Неудобно. Неуютно. Она похожим образом чувствовала себя, когда они переехали в этот дом. Как будто дом лучше чем она, как будто она не достойна. Жить здесь. И она говорит:

– Зачем ты со мной? Я же плохая.

Он отвечает:

– Я не с тобой. Люди могут быть вместе только если хотят этого оба. Иначе ерунда получается, – и добавляет, приближаясь к ней, – ты сама выбираешь, какая ты. Каждый раз. Просто иногда не успеваешь понять, что это твой выбор. Делаешь что-то, и не замечаешь, что **время выбрать что делать – это иногда меньше секунды.**

– Как это?

– Не поняла? Давай еще раз.

Руслан наваливается спиной на стену и смотрит, не прерываясь. Ещё что-то делает. Ей так кажется, но она не понимает, что. Ведь он молчит и стоит неподвижно. Она пристальней на него смотрит, и начинается движение внутрь, под слои, где проходят его усталость, дальше – внешнее разочарование, небольшая закрытость, темнота, и опять Рита понимает, что он очень добрый. И можно взять любовь. И еще, что он очень открытый, и что он не защищается... совсем. Можно попросить бриллиантовое кольцо, можно сделать больно, можно развернуться и уйти. Тут на очень тонком уровне он легкодоступен. Для нее, для всего что она хочет. А что она хочет?

Бриллиантовое кольцо для начала. Как испытание. Если он любит, то не будет против. Рита решает попробовать. Она произносит: «Бриллиантовое кольцо», она прекрасно понимает, что он предлагает больше, он открыл сердце. Да и ей кольцо совсем не нужно, она наблюдает за реакцией.

Он отвечает откуда-то сверху, вопросом:

– Какое?

– Мы видели в магазине.

– На столе мой бумажник, там кредитки. Которая синего цвета, подойдет для покупки кольца, можешь взять, – это было очень отстраненно, внешне. Над их взглядами.

Она говорит ему тоже очень спокойно, под этот внешний уровень.

– Я хочу, чтобы ты мне подарил. Если ты меня любишь. Важно ведь не сколько на синей кредитке денег, а можешь ты оказать мне внимание, или нет. Хочешь или нет. Мне не нужны подачки. Мне нужен знак твоей любви, пусть он материальный; очень легко отправить водителя в магазин, или оплатить доставку. А сделать подарок искренне – это совсем другое.

Она ждет и наблюдает.

На искренность и подарки сил, казалось, у него не было. А потом появились. Еще под каким-то слоем. И Рита понимает, что он сейчас поедет покупать кольцо, говорит:

– Забудь, мне интересно знать совсем другое. В той странной книге, которую ты у меня забрал, там ведь было про тебя, и про меня. Это было давно, и ты делал мне больно.

Он растерялся, не спорил, не извинился, сказал только что был больной и нервный, и что он изменился.

– Думаешь этого достаточно? – ей хочется драмы, власти, и обвинять.

– Ничего не думаю, ты сможешь сделать все, что захочешь. Но позже. Когда вырастут дети.

– Потому что ты боишься?

– Потому что я отвечаю за них, когда я стану им не нужен, тогда...

– А если ты будешь нужен им все время? Ты решил прикрыться детьми.

– Нет. Это пройдет, когда они подрастут, будет легче, и ты подрастешь, научишься себя защищать сама, а пока потерпи.

Драмы не получается, он открыт и спокоен. Она понимает, что ему больно.

– Зачем ждать? С детьми справится Томас.

Он подумал, и отвечает:

– Сейчас нет. С Мишей Томас не справится, есть и другие причины. Можешь думать, как тебе удобнее, мне нет смысла ничего никому доказывать, пока – нет.

Все походит на приговор с отсрочкой исполнения. Он принял и вину, и то, что будет расплата. Сел на пол и молчит.

Рита вспоминает самое начало той странной книги, где он тоже смотрел на неё и был открытым, а она ударила. Он спросил «за что?». Сейчас был формальный повод, можно было бы сказать о поступках прошлого. А тогда повода не было. Тогда она ударила просто так. Потому что это можно было сделать безнаказанно. Она боялась других, а он был беззащитен. И за обиды от тех других она мстила ему.

Выбор за доли секунды. Он отдавал любовь, а получил от нее пощечину. И за всё это она внутри злилась на него, хотя надо было на себя. Он терпеливо ждёт, что будет дальше, удерживая свое странное состояние. Он показывает ей душу, где ни зла, ни агрессии, ни обид нет. Рита подходит ближе.

Снова выбор. Искушение. Ощущение власти. Понимание, что от её решения зависит очень-очень много.

Ему сложно. Сил мало.

Потом привиделось, будто от нее Руслана прикрыл кто-то другой, сильный и светлый. И сказал ей: «Джатаки про Белого слона». Рита не понимает что случилось, и откуда взялись эти слова. Руслан по-прежнему сидит рядом молча, смотрит на нее снизу.

Она подходит ещё на шаг, не зная, что она сделает, обнимет или ударит. Ещё шаг, ещё слой. А он остается открытым.

Любовь.

Рита опускается на пол рядом. Прижимается к его груди, и обнимает. Становится тепло.

Утром она понимает, что он так и спал сидя, навалившись на стену, без душа и кровати. Обнимая её. Всё, что вчера вечером было, вспоминается смутно. Его грусть, неверие,

опущенные руки. Ей казалось – она видела его. Было хорошо, когда засыпали. Как будто она была у него глубоко внутри. Сейчас это закончилось. И они снова – не «ближе, чем кожа», как в песне БГ, которую слушала Алиса.

Попасть туда сейчас как?

Рита уходит в свою комнату. Ищет в интернете слово «Джатаки». Через приоткрытую дверь слышит, как Руслан сказал Майклу что не будет делать зарядку, не пойдёт завтракать. Он отправляет детей на кухню. К нему заходит Алиса. Она его ругает, как маленького.

– Неужели ты не понимаешь? Нельзя такими делами заниматься!

Он отвечает очень спокойно, почти совсем без эмоций.

– Почему?

– Потому что это очень близко к центру, очень опасно.

– Зато теперь она знает.

– Что?

– Что я её люблю, и может выбрать, как ей поступать.

– Тебе зачем так рисковать было? – сердится Алиса.

– Я не рисковал. Я показал то, что есть.

– Конечно, есть такая история про Эсюн и «люби открыто». И есть трактовки этой истории, и упоминание про «Перчатку» Шиллера. Сплошные провокации и вызовы. Зачем? Может быть стоит себя беречь?

– Я не знаю или не помню ничего про перчатку Шиллера.

– А зря, это про то, как одна мадама, чтобы проверить любовь рыцаря, уронила перчатку к диким зверям и попросила её вернуть.

– И что?

– Нормально всё было с перчаткой. И все живы. Но ради чего было рисковать? Ради принципа?

– Я не рисковал.

– Если бы была провокация?

– Мне ж не восемнадцать лет, я понимаю, что она может провоцировать, и знаю, что риск сейчас не допустим.

– Тогда зачем? Мне кажется это эмоционально и душевно очень тяжелый эксперимент. Зачем тратить так много сил на это? Средневековый любовный детский сад! Где осознанность? Как же поиски волшебника?

– Она мне сказала, косвенно, что волшебник преступник. И он не ответил ещё за то, что он делал.

– А если она не права, если ответил? Да и к тому же, что такого ты сделал?

– В той книжке нормально было деятельности, – очень грустный голос у Руслана.

– На физическом уровне, – говорит Алиса.

– Откуда ты вообще всё это знаешь, и почему ты ругаешь меня? И так тяжело.

– Мы бы с Ричардом расстраивались и психовали, но решили, что не будем. Поэтому тебе спокойно говорю: Так нельзя! Защищать себя – это обязанность волшебника.

– Мне ничего не угрожает.

– То есть? Она захочет разрушить. А ты будешь играть в «белого слона»?

– Только тело она может разрушить.

– Отношения.

– Ну да; отношения зависят от двоих. Если она их разрушит – я уйду.

– Она тебя не любит, но ты и сам себя не любишь! – Алиса злится.

– Я буду учиться, – обещает он Алисе.

– Отлично, дойти до предела, потом учиться? Зачем так? Чтобы ненавидеть друг друга за причинённую боль?

– Нет ненависти, я ей благодарен, потому что я смог понять и почувствовать некоторые вещи.

– А теперь вспомни про то, что есть радость.

– Где?

– В мире.

– В ком? Во мне почти нет, в Мишке нет, в Даниэле нет, в Рите тоже нет.

– Правильно, потому что можно «любить и страдать», а можно «любить и радоваться».

Разные подходы. И последствия разные. И тут ТЫ выбираешь. Для себя. И для неё, как тебя любить или не любить. Если уж говорить об отработках старого – то найти волшебников, и помочь их радости – вот цель. Улыбка на губах того, кого ты любишь. Это ценность. Не искупление вины, не месть, не сведение счётов, не подсчёты, кто кому сколько раз сделал больно в какой жизни, чем и как, а начало пути к тому, чтобы почувствовать, что жизнь – это праздник. У тебя же всё для этого есть. А ты сам своим поведением провоцируешь её. На что? Зачем?

– Я устал.

– Ну так вперед, спать, плавать, гулять по лесу, делать массаж. Делать что-то для себя.

Превентивно, а не когда начнутся проблемы с телом.

– Хорошо. Переедем в Италию, и там.

– Почему в Италию?

– Вы же с Альдо выбрали Италию. Всем подошло; мне без разницы. Надо найти и купить дом. И жить спокойно.

– С камином? – с надеждой спрашивает Алиса.

– С камином, с бассейном, с садом, с хорошим видом из окон, с территорией.

– Что правда? – удивляется Алиса.

– Правда. Я же вам сказал несколько дней назад. Только сделайте все сами.

– Тогда надо ехать и искать! – обрадованный голос.

– По интернету. Поедем все вместе, когда все будет готово для сделки.

– А визы? Рите, Ане и Хэлфу?

– Откроем.

– Ты и правда устал.

– Скажи мне лучше про волшебников.

– Что сказать?

– Их приметы.

– Я не знаю приметы. Ты просто расслабься и пригласи их искать тебя тоже. Мысленно.

Вы с Ритой устроили внутреннее путешествие к центру чтобы выяснять отношения, а эти путешествия и пространства для другого существуют. Ты оттуда можешь позвать близких тебе волшебников, или друзей, и они услышат, и обязательно придут!

– Как?

– Как угодно, просто позови; и вам будут помогать сны, потоки, интуиция, всякие случайности. Надо дать этому шанс быть. Разрешить миру о тебе позаботиться! Понимаешь? Легко. Ты всё всегда сам, а тут немножко по-другому. Методом счастливых случайностей... проехать в одном метро; зайти в одно кафе. Такой жизненный surf. И не надо думать, что это ерунда. Этому учиться сложнее, чем всем твоим заботам о других. Когда ты позволяешь своей жизни течь – ты заботишься о себе, бережешь себя. Ты учишься честности, искренности, ответственности. Ты доверяешь жизни, и она начинает доверять тебе. И постепенно начинаются чудеса.

2. Учитель

– Я поеду в русскую школу, вдруг смогу договориться, и мы частично закроем вопрос с твоим обучением, почти прошла половина учебного года. Нужно, чтобы была аттестация, хоть какая-то, – сказал Руслан, одеваясь.

– А если я не смогу? – Рита испугалась, учеба давалась ей сложно.

– Посмотрим. Надеюсь, получится. Всё равно надо будет что-то Ирине Ивановне говорить. И оформлять документы в твоей школе. Или мы сможем доказать, что ты прошла программу или надо быть готовой поехать и пройти тесты, или сдать экзамены в России.

И он уехал. Отчасти потому, что хотел побыть один, прокатиться на машине, отчасти потому, что надо было выполнять составленный план.

Алиса занялась поиском дома, но оказалась привередой, и Руслан понимал, что выбор места жительства может сильно затянуться. То окна не в том стиле, то камин неправильно расположен, то плитка на полу темновата. Алисе нужен дом её мечты, и пока она его ищет – время не стоит на месте, у Риты проходят один за одним дни учебного года. Необходимо осваивать школьную программу, она пропустила уже слишком много. Его детям тоже надо заниматься. Руслан не знал, как всё устроить и решил поговорить с директором русской школы. Он отправился на встречу наудачу, без предварительного звонка, быстро доехал до города, нашел нужное здание, кабинет, и директора на месте не оказалось – секретарь попросила подождать. Руслан вышел в холл, устроился в кресле, расслабился и закрыл глаза.

– Вы тоже к директору? – спросил кто-то сбоку, и пришлось запланированный релакс отменить.

– Говорят, он будет не раньше, чем через полчаса, – рядом сидел молодой человек. Очень молодой. Совсем юный. Можно сказать, мальчик еще, хоть и не маленький. Руслан отметил приятное лицо, и то, что этот человек не похож на грека, но и на русского не похож.

– Я договаривался заранее, приехал к условленному времени, но всё задерживается, придется подождать, – вздохнул незнакомый молодой человек.

– Бывает, – посочувствовал Руслан.

– Хотел устроиться тут на работу, хотя понимаю, что это сложно в середине года.

– Почему именно здесь?

– Получилось так, что я оформил академический отпуск. И сейчас у меня свободное время. Но вдруг найдется какая-нибудь работа для практиканта. Я могу делать полезные для детей вещи: проводить дополнительные занятия после уроков, может быть спортивные, помогать какому-нибудь учителю; возможна ведь вакансия, для которой не требуется законченное образование. Может быть кому-то будет нужен репетитор. В любом случае разговор – это шанс. Я хорошо знаю два языка, даже три. Здесь это тоже может быть плюсом. – Молодой человек говорил на английском.

– Какие языки? – спросил Руслан, просто так.

– Французский и русский.

– Интересный набор.

– Так получилось.

Руслану чем-то очень понравился случайный собеседник. Открытостью, простотой, приятной внешностью, манерой говорить.

– Вы получаете педагогическое образование?

– Да. Но оно не закончено, пока. Точнее, я только начал учиться.

– Решили стать учителем?

– Это хорошая и нужная профессия. Я выбрал её, потому что мне нравится, и я думаю, что очень важно учить детей правильным вещам.

Руслан повернулся в кресле, чтобы рассмотреть собеседника получше: симпатичный такой студент, с рассуждениями о правильных вещах, знанием трех языков. Именно тех, что нужны. Конечно, если они купят дом в Италии, всем кроме Алисы и Альдо придется учить еще и итальянский, но это мелочи... Руслан даже подумал, что этот мальчик наверняка понравится Рите. И она начнет строить глазки.

– Сколько Вам лет?

Молодой человек смутился.

– Возраст же не главное, если получится найти контакт с детьми, я вполне могу работать.

– И все-таки?

– Семнадцать.

– Редко люди в Европе ищут работу в таком возрасте.

– Бывают разные обстоятельства. И мне интересно было бы начать работать сейчас.

Руслан смотрел на него и хотелось продолжить разговор. И все совпадало: случайная встреча здесь, пауза в обучении, его свободное время; желание Руслана найти учителя и для детей и репетитора для Риты; даже языки. Почему он ему так понравился? Все остальные парни, которых он встречал и приглашал работать, отличались от этого... очень сильно. Руслан старался понять, чем. Этот тоже вполне спортивный и крепкий, несмотря на возраст. Глубокий умный взгляд. Нечто неуловимое, что вызывает в нем интерес, доверие, и даже легкое волнение. Нечто необъяснимое, что отличает от сотен других таких же. Что-то особенное и близкое. То, что вызывает чувство, которое сложно осознать. Будто узнавание. Послушав подобное чувство он когда-то подошел в самолёте к Альдо Бранцони, решил что Вернер Хэлф подходящая кандидатура для того, чтобы охранять Риту и Алису, это же чувство помогло остановить выбор на Сергее Нилине, когда Руслан искал начальника охраны, принять на работу Томаса Халлика, подвезти до города Алекса Леггра. Чувство теперь схожее, но что-то не так. Руслан смотрел внимательно и понял. Альдо, Томас, Нилин, даже Хэлф были связаны со сферой силовой или военной. И Алекс Леггр. Все, как одна компания. Даже если в этой своей жизни они были мирными людьми, как минимум армия за плечами. И ещё что-то. В них чувствовался боевой опыт. Всё это получится объяснить, проанализировав Алисины рассказы, книгу Старика и некоторые его пояснения. В прошлом была команда. Военная. А этот мальчик – мирный. И к нему было тепло, безусловная симпатия, и совсем другие оттенки чувств, прямо в сердце.

Надо было соображать быстрее и действовать. Директор, к счастью, задерживался. У него случилось еще что-то, и секретарь предложила перенести встречу на завтра. Может быть, это тоже часть «случайности», которая должна позволить им договориться. В любом случае, как и сказал этот мальчик: «разговор – это шанс». Увлеченность и искреннее отношение к профессии куда важнее возраста, опыта и диплома об окончании вуза. Человеку нужна педагогическая практика. Руслану нужен человек.

– Как Вас зовут?

– Рэнди.

– У меня к Вам предложение, Рэнди. Раз уж директор задерживается. Пойдемте, пообедаем в городе, и поговорим. Если Вас заинтересует то, что я скажу – может быть директор и не понадобится, если нет – Вы встретитесь с ним позже.

Молодой человек согласился, предупредил секретаря, и они вышли из здания школы. И так хорошо и странно было идти вместе. Сели в машину.

– Какая кухня вам больше нравится? – спросил Руслан.

– Мне без разницы, я всё ем.

Руслан посмотрел Рэнди в глаза, с близкого расстояния. Глубокие, черные, и мягкие. Не как у Ричарда, без бешеных искр и колючек. И почему он вспомнил сейчас Ричарда?

«Расслабиться и позвать волшебников...»

Рэнди про себя говорил мало, уходил от ответов на личные вопросы, совсем неумело. Скрывал что-то. Но при этом не выглядел человеком, которому есть что скрывать.

Руслан рассказал про своих детей, и сложности их характеров; про то, что им научиться общаться друг с другом важнее, чем освоить всю школьную программу, рассказал, почему он выбрал для них домашнее образование; рассказал про Риту. Умолчал про мистику. Правда отметил, что дети особенные. И внимательно смотрел на Рэнди.

А потом спросил, перейдя «на ты»:

– Чего ты боишься?

Рэнди задумался.

– Вроде ничего.

– Точно? – тут Руслан немного давил, потому что проверял. На прочность. Может быть это была вынужденная мера, связанная с тёмными, может его старая привычка. И если человек обнаруживал внутреннюю слабость – он чувствовал это. Чувствовал муть, как с Олегом. Этот мальчик был спокойный, уверенный, и мягкий. Он отразил давление, поддался немного, но сохранил структуру. И ответил:

– Никто не может знать этого точно, потому что никто не знает, что с ним может случиться. Сам по себе страх – это просто чувство. И ничего в нём нет страшного. Или боязнь. Даже если они появляются – с ними можно работать. Преодолеть.

– Интересные рассуждения.

Ответы Рэнди Руслану нравились, не нравилось Руслану, как он сам начинает себя вести. Начинать думать про сложности, про проверки. Он пил воду и смотрел на Рэнди; тот молча ел. Руслан сказал просто:

– Ты искал работу; я искал того, кто бы мог быть учителем для моих детей и репетитором для Риты. Мне важно чтобы это был хороший и честный человек. И чтобы он мог делать свою работу с любовью. Стать членом семьи. Чтобы я мог ему доверять. Я понимаю, что я хочу достаточно много. Поэтому это не предложение работы. Деньги есть, и заключить договор на выгодных для тебя условиях – это самое простое. Я не знаю, как объяснить. Дело не в математике, и не в языке. Дело в том, что настоящий учитель действительно учит правильным вещам; как общаться с людьми, как слушать и слышать, как себя вести. Как взаимодействовать с миром. Я тебя не знаю, но мне кажется, что эта встреча не проста. Поэтому я предлагаю тебе сначала просто приехать в гости. На всех посмотреть. Познакомиться. И поговорить потом. Когда тебе будет удобно.

– Можно завтра.

– Хорошо. В любое время. Я почти всегда дома.

Руслан вернулся домой озадаченный, или озабоченный.

– Что с экзаменами? – спросила Рита.

– Я не говорил про экзамены, это немного позже.

Рита пожалала плечами, с утра её учеба была для Руслана такой важной, а сейчас он отмахнулся, как от пустяка.

Руслан позвал Томаса, и при Альдо сказал ему:

– Приедет человек, мальчик, по правде маленький. Он возможно будет заниматься с Дани и Мишей, и Фома, пожалуйста, я не хочу, чтобы ты его подковыривал, подкалывал и т. п. Понимаешь?

– А что ты его защищаешь, если это мальчик. Не девочка ведь.

– Томас!

– Почему я? Почему ты Хэлфа не инструктируешь?

– Потому что он более интеллигентный, а ты начинаешь сразу. И я тебя прошу – не начинай!

– Почему? – картинно удивлялся Томас.

– Потому что я хочу, чтобы он остался.

– Тем более человека надо проверить.

– Томас!

– Что ты так разволновался, Руслан? Ты же не девочку пригласил. Тебе как будто не всё равно? Ты куда вообще ездил? – не сдавал позиции Томас. Альдо наблюдал. Волнение и правда было. И его сложно было объяснить. Он еще не видел Руслана таким.

– Маленький – это сколько лет? – уточнил Альдо.

– Семнадцать.

– Ну это уже совсем большой, – сказал Томас Халлик.

– Фома, мне сорок; и поверь, семнадцать – это маленький.

– Я в семнадцать был большой.

– Ростом.

– Всем.

– Тогда пойми меня правильно.

– Стараюсь. Парню семнадцать лет; его нельзя подковыривать, он будет учить? Кого? Мишу? Ты смеешься? Или Риту? Ты издеваешься? – шепотом спросил Томас, – над кем только? Они на первом же уроке перейдут к прикладной...

– Не продолжай, пожалуйста, я понимаю, о чем ты говоришь, но не надо этих намеков.

– А зачем все это затевать, если ты понимаешь? Игры с огнем? Чему и кого может научить семнадцатилетний мальчик?

– Томас, дело не в возрасте!

– В чем?

– Я хочу, чтобы он приехал.

– И когда он приедет?

– Завтра с утра. Или днем.

– Странно... если ты так хочешь, почему не сегодня? Зачем ты отложил на завтра? Ты же у нас обычно быстрый.

– Фома, хватит издеваться, – сказал Руслан, стараясь прекратить этот разговор. А Томас не сдавался.

– Как его зовут?

– Рэнди.

Глаза у Томаса расширились и зафиксировались в таком состоянии. Альдо наблюдал. Томас смотрел на Руслана, потом сказал спокойно и серьезно, тоном, который возникал в рабочих ситуациях, когда пропадали безалаберность, шутки о пиве, подколы, легкая придурковатость и прочая шелуха, сопровождающая его обычно в любом общении.

– Опиши мне его. Внешне, кроме семнадцати лет, что ты можешь сказать?

Руслан тоже отследил изменения тона, напрягся немного и начал:

– Он чуть ниже, чем был Ричард, и покрепче, или пошире. Волосы и глаза черные.

– И?

– Что и?

– На кого он похож?

– Не знаю.

Томас странно молчал.

– Томас, что случилось? Ты его знаешь?

– А ты? – спросил Томас.

– Я – нет, – ответил Руслан.

– Позови Алису.

3. Кусачие собаки

Когда Олег Гаррис доехал до глухой российской деревушки, в которую его отправили искать собак, он ненавидел Руслана. За отношение к себе и собакам, за то, что ЦУ ему выдавал по телефону жесткий голос человека, именовавшего себя начальником службы безопасности. Хотя не было у Руслана никакой службы и никакой безопасности. Олег ненавидел Руслана за собачий декабрьский холод, который проникал под одежду, за снег по колени, за ледяной ветер. За то, что ему приходилось ходить по дворам и спрашивать у людей не видели ли они больших собак, белую и черную, объяснять, что он ищет их для Руслана и выслушивать потом вопросы: а как там Руслан? Как его здоровье? А почему он уехал, совсем дом забросил, когда он придет? Такой хороший человек, а собак нет, не видели. И такое несколько раз в разных домах с вариациями, просьбами передать привет, с угощением пирожками и даже с попытками выслать Руслану в гостинец банку варенья. Малинового, или еще какого-нибудь.

Олег был по происхождению русским, но таких русских в настоящих валенках он не видел давно, он общался с эмигрантами. И никто давно не угощал его малиновым вареньем или пирожками с капустой.

Его брала злость. Он не понимал, как Руслан мог купить дом в этом захолустье рядом с тайгой, будучи иностранцем перезнакомиться с таким количеством людей и оставить о себе хорошие воспоминания.

Олег не понимал, зачем Руслан отправил его искать в эту дыру собак. Время шло, подходящих собак не было; попадались в основном мелкие дворняги и прочие шавки, которые вылезали из-под заборов на улицу, громко и противно гавкали. Олег должен был быть здесь, в этом морозе, с дурацкой целью. Попадались люди, которые собак Руслана припоминали. Внутри у Олега росли раздражение, недовольство, и ненависть. По совету координатора, с которым он общался теперь, Олег несколько раз в день заходил во двор дома, где эти собаки жили раньше. Хотя во дворе не было конуры, не было никаких следов их пребывания. Правда, сосед открыл дом, и на полу в кухне обнаружили большие миски. И даже белая шерстинка на ковре.

Вечером на третий день, Олег Гаррис, ночевавший на туристической базе неподалеку, в очередной раз приехал в деревню и зашел во двор с проверкой. Он был тепло одет, но холодный ветер пробирал до костей. Он материл Руслана, все его поручения, дурацкую ситуацию, мороз, собак и необходимость быть здесь. Он хотел сделать что-то, чтобы отомстить за все свои страдания. Увидел крупные следы на снегу. Споткнулся о какую-то деревяшку. Выругался грубо, упал и услышал шум. Со стороны улицы появились два лохматых пса. Черный и белый. Белый, грязный, был скорее похож на медведя, чем на собаку. Черный начал громко лаять. Олег поднялся, и хотел позвать собак, или даже схватить за ошейник, хотя еще больше он хотел их просто пристрелить.

Неожиданно оба пса набросились на него и повалили в колючий снег. Олег закрыл лицо руками и не мог различать который зверь злобно рычал над ухом, а который противно и громко гавкал, и рвал куртку. Единственное, что защищало его от жутких пастей.

В ответ на это гавканье залаяла вся деревня. Это было ужасно. Прибежал сосед. Отогнал лохматых монстров и помог Олегу подняться. Собаки убежали. Рывкнув на соседа Олег сел в машину, захлопнул дверь и позвонил Руслану.

– Эти твои «...» твари здесь. Но они «...» бешеные. И я тебе, «...», гарантирую, что они ответят по полной. Я пришлю тебе запись как они будут скулить, умирая.

– Олег, что случилось? Остынь.

– Остыну. Напишу заявление в полицию. Ответишь ты, а твоих «...» псов просто пристрелят.

Руслан вышел из дома, потому что не хотел, чтобы угрозы с обилием мата из телефонной трубки слышал кто-то еще. Нецензурная брань продолжалась. Чтобы остановить поток пришлось сделать так же.

Он рывкнул в трубку:

– «...», прекрати истерить и скажи спокойно, что случилось.

Из дома следом вышел Халлик и остановился рядом. Его Руслан не слишком стеснялся. Когда разговор дошел до того, что Руслан сказал Олегу, что приедет, встрял Томас. Он знаком попросил разъединить связь, и сообщил Руслану:

– Не приедешь, или не сейчас.

– Почему?

– Что там случилось?

– Там Гаррис и собаки.

– Есть вещи поважнее.

– Говори.

– Подожди. Мне сначала надо поговорить с Алисой.

Руслан вспылал:

– Ты встречаешь в достаточно важный разговор, решаешь куда я поеду или нет, а на вопрос почему именно ответить не можешь потому что тебе надо поговорить с Алисой? Что за бред?!

– Сам ОСТЫНЬ, – внятно сказал Томас, повысив голос, – и подожди! Мне надо поговорить с Алисой, а потом с тобой, – он говорил спокойно и очень уверенно, и ушел. Это был такой наглый случай нарушения субординации. Руслан остался. Потому что Томас никогда не делал так раньше. Потому что Руслан чувствовал, что этот день «раздѣргивает» его на части. К имеющейся усталости добавляет тревогу. За собак, Олега, и еще одного человека, которого он встретил сегодня.

Томас и Алиса, глянув на него, сидящего на каменном парапете, отошли в противоположную сторону от входа. Томас закрывал Алису широкой спиной, и Руслану ничего не было видно. И слышно не было. Он старался успокоиться и ждал результатов их странного совещания. Вдыхал медленно и выдыхал еще медленней. Стало легче. Понял, что зря повышал голос на Томаса. Это Олег вылил на него кучу негатива и он, заразившись раздражением говорил плохо, не сдержанно, зря. Не страшно, но можно было и сдержаться. Он дышал. Потом смотрел на волны.

Алиса приблизилась не спеша, и спросила:

– У тебя есть телефон человека, который должен приехать завтра? Дай мне.

– Нет, я не записал. Я оставил ему свой.

Руслан собирался узнать зачем им его номер, но раздался звонок. Он достал из кармана свой телефон. Звонил Нилин. Рассказал про осложнения с Олегом и собаками, угрозы Гарриса заявить в полицию. Руслан думал, что делать. Получалось плохо. Зачем его собаке понадобилось нападать на человека? Самое ужасное было то, что он помнил их очень плохо этих собак. Какие они были, как оказались в России? Томас с сочувствием наблюдал за выражением лица Руслана потом забрал у него трубку. Посмотрел, кто звонит.

– Привет, это Халлик. Расскажи все мне.

Выслушал и сказал:

– На месте собак я поступил бы также. Мне Гаррис сразу не понравился, – и спросил у Руслана:

– Тебе зачем эти собаки?

– Не задавай глупых вопросов. Это наши собаки и в любом случае ответственность. Хоть перед собаками, хоть перед людьми. И я хочу забрать их.

– Пусть Нилин их заберет, и привезет сюда.

– Там проблема с Олегом. Он сейчас говорит, что собаки бешеные, и их надо ликвидировать, но они не бешеные.

– Почему ты отправил его?

– Он русский, ему там легче найти контакты, информацию.

– Ну вот нашли, теперь поручи это Нилину. Правда. Раз ему отзвонились, и сказали что произошло, значит он справится. Пусть даже придётся Гарриса покусать, прям там, чтоб не угрожал.

– Так нельзя с людьми, – сказал Руслан.

– Можно, – сказал Томас.

Когда приходит что-то нехорошее – оно обычно приходит не одно; а с компанией. Руслан понимал, что «завалил» ситуацию сам; и с собаками, и с Олегом. Сейчас ещё начиналась тревога от странных совещаний Алисы и Томаса, а они вынужденно по телефону занимались Олегом и собаками, и на Руслана смотрели, как на больного. А не чувствовал ничего, кроме усталости. Было стыдно за то, что ничего не сделал вовремя. Было неприятно, что не разглядел в Гаррисе злости. В то же время было Гарриса жалко, он пострадал от тёмных тут; сейчас там от его собак. Понятно, что подобные вещи не добавляют хорошего расположения духа. Но нежелание «простить животное» Руслан тоже понять не мог. Почему обязательно пристрелить или усыпить, когда неизвестно, было ли нападение следствием бешенства, или произошло что-то другое?

От перспектив того, что диагноз может подтвердиться становилось грустно. Решили, что Нилин отправится помочь Олегу и все проверить. Руслану пришлось рассказать все, и про компромат на американский период жизни Гарриса, и про его нехорошие контакты здесь, про откуп, про фото Риты.

– Его надо было просто передать полиции – ещё тогда, – жестко сказал Нилин.

– А если?

– Никаких если. Человек может исправиться даже в тюрьме, но если он занимался тёмными делами – то это случается крайне редко.

– Мы не знаем точно, чем он занимался. Вся его деятельность – на грани. Почему ты думаешь, что ему не надо дать шанс. Если он сядет – озлобится ещё больше.

– Подход к бешеным собакам очень жесткий, и изоляция до подтверждения диагноза. Потому что это поражение мозга. Если человек допустил возможность делать гадости – его уже не спасти.

Нилин весь был жесткий, не только в словах. Именно из-за этого случались его постоянные конфликты с Ричардом. Но сейчас он уже был в России, чтобы решать созданные Русланом проблемы.

– Пожалуйста, будь осторожен. Сам. Найди ветеринара сразу. Я не верю, что собаки бешеные.

– Я говорил не про твоих собак, а про принцип.

– В чём принцип? Не дать человеку шанса?

– Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты привез мне собак, если они здоровы. Договорился с Гаррисом, возмещение вреда, всё что нужно.

– Может его просто сдать полиции? Пока всё выглядит так, что он жертва, а собаки злодеи, и рискуешь ты, как хозяин. А ведь может быть так, что собаки задержали преступника.

– Скажи ему об этом. И предложи все решить миром. Можешь сказать, что это его шанс. Это моя просьба. Действуй по обстановке, я тебе доверяю. Белая собака была очень добрая, и любила детей. Миша её любит. Черная менее воспитанная, но я бы хотел, чтобы с ними всё

было хорошо. В то же время нельзя допустить, чтоб эти животные представляли опасность для других людей, если они заболели бешенством.

– Отлично, а теперь объясни почему к Гаррису другой подход. Откуда двойные стандарты? Он так же представляет опасность.

– У него должен быть шанс.

– И будет. Мы передадим его властям. А дальше всё будут решать правоохранительные органы.

– Там шанса уже не будет. Он пришел и попросил о помощи, если я его сдам – это будет конец. Он никому верить уже не будет. Пока у него есть возможность понять и что-то в своей жизни исправить.

– Я перезвоню, когда буду на месте, – сказал Нилин.

Руслан тяжело вздохнул, выбор для него был не простой. Он вспоминал разговоры с Олегом, вспоминал отрывки из сожженной книги. Старался прислушаться к ощущениям – не получалось.

Томас стоял, напротив. Дождался внимания к себе и спросил:

– Где ты видел того парня, где с ним был и где расстался?

– Он приедет завтра.

– Скажи мне. Ты же Нилину доверяешь, вот и я прошу о доверии.

– Почему ты не говоришь зачем тебе это?

– Я сначала должен проверить. Сам.

Руслан рассказал, где они встретились, обедали, где расстались. И Томас, ничего не объясняя, уехал.

– Давай ты выпьешь чего-нибудь успокоительного и просто пойдешь спать, – сказала Алиса, присаживаясь рядом.

– Что-то вы меня совсем списали, – сказал ей Руслан.

– Мы выписали тебе направление в санаторий. Тебе правда надо. Но ты не едешь. Это плохо. Так нельзя с людьми. В смысле с собой так нельзя. Это безответственно. Иди ложись сам, иначе я пожалуюсь Мише. Будет неудобно, если тебя усыпит ребенок. А так – ты просто начнешь отдыхать, и всё будет хорошо.

Томас нашел Рэнди в центре города; совершенно случайно. Увидел два припаркованных черных мерса и остановился. Рэнди сидел на скамейке у лица. И вертел что-то в руках. Неподалеку находились два мрачных типа. Наподобие тех, что уже навевались к ним. И еще двое курили у деревьев, с другой стороны. Томас осмотрелся. Людей других не было. Отправил Альдо геолокацию и смс: «проверка через 15 мин; просто напиши мне. 4 темных. Я пошел поговорить с тем парнем».

Он приблизился, рассмотрел Рэнди получше; почему-то ссадина на щеке. Подсел рядом:

– Привет. Ты меня помнишь?

Рэнди вглядывался в него, но не узнавал. Отрицательно помотал головой.

– И не важно. Зато я тебя помню.

Тут Томас рассмотрел в его руках сломанную кредитку.

– Дай посмотреть.

Карта оказалась не именная.

– Расскажи мне про твою семью?

Рэнди напрягся.

– Смелее. Это нужно. Я ведь выгляжу лучше этих, правда? – и кивнул в сторону темных.

Рэнди согласился.

После того, как Рэнди расстался с Русланом прошло минут десять, и его, как бы случайно, но вполне ощутимо и очень неожиданно толкнул очень мрачный тип, чем-то похожий на тех, что сейчас были рядом. Рэнди упал. Из его кармана выпал телефон. Второй такой же тип подошел спросить, всё ли нормально, но наступил на его телефон ногой, и телефон сломал. Пока Рэнди соображал, что делать, первый ушёл, но приблизился третий. Он помог ему подняться, но так резко, что стало больно, и две банковские карты, лежавшие в кармане, тоже оказались сломанными. После третий спросил, не вызвать ли полицию и не догнать ли злодея-первого. Между тем, было совершенно очевидно, что первый, второй и третий – одной масти; было одно неясно – зачем они здесь. Страшно не было. Неприятно. Тем более без телефона, и без денег. Все трое удалились, а потом, когда Рэнди сел на скамейку обдумать своё положение, появились им подобные. Четверо. Они различались мелочами, как человечки в какой-нибудь детской книжке с заданием «найди пять отличий». Рэнди всматривался в них, и казалось, что он не днём сидит в сквере в центре города, а тёмной безлунной ночью пробирается по развалинам какой-нибудь окраины, лидирующей в криминальных сводках. Когда эти типы появились рядом с ним в этом самом сквере, где он присел на скамейку, люди, гулявшие там, молодые, пожилые, компаниями и по одиночке просто разошлись в разные стороны.

Рэнди понимал, что эти мрачные типы, назвать их людьми не получалось, как-то связаны с ним. Не понимал, что им от него надо. И старался оставаться спокойным. Это было сложно. Ощущение от них было, как от готовых броситься в ответ на любое движение злых собак. Которые охраняют какую-то тайну, и порвут любого, кто к ней приблизится.

4. ОБЖ

Томас сказал, глядя в глаза Рэнди:

– Слушай меня внимательно. Первое: запомни адрес, ты должен в любом случае туда попасть; без стеснений и вариантов, в любое время суток, хоть ночью; чем скорее, тем лучше. Найдешь там Руслана или Алису.

– Руслан ничего не говорил про Алису.

– Не перебивай, пожалуйста, старших. Запомнил? Это очень просто. На машине пол часа отсюда на восток. Несколько маленьких вилл на самом берегу. Без заборов. Если стоять спиной к морю, то слева отель. Это запасной вариант. Второе: основная задача: надо пройти мимо этих типов и их не потревожить. Вместе со мной. Вон к той машине. Ты знаешь, как это сделать?

– Нет.

– Думай.

– Я не знаю, они как будто следят за мной.

– Следят. Думай.

– Они агрессивные.

– Пока нет. Если ты тут сидел с ними все это время и на тебе всего одна царапина – они не агрессивные.

– Сломанный телефон ещё.

– Нам надо пройти мимо. Начихать на телефон. Возьми мой. Там есть имена: Руслан, Алиса, Альдо и Вернер. Они, если что, помогут.

– Если что?

– Если ничего.

– Зачем Вы даете мне свой телефон, если мы пойдем вместе?

– Подержать, – улыбнулся Фома. – Эти только на вид такие, но представь, что их нет. Они меня не касаются, и тебя. Надо просто встать и пройти.

– А если?

– А вот пройти надо без если. Всё, что они могут – тебя спровоцировать. Если ты чистый – ты просто проходишь мимо. Готов?

– Нет пока. Если они пойдут за нами, получится, что мы приведем их к дому, а там, я понимаю, дети.

– Ты правильно думаешь, но к сожалению, те дети таких уже видели. Поэтому не страшно. Даже если они нас проводят. Главное, чтобы они тебя не цепляли. Никак и ни за что. Ты видел таких раньше?

– Нет.

– Вот и хорошо. Готовься и пойдём.

– Кто Вы? – спросил Рэнди.

– Вспоминай.

Рэнди смотрел на Томаса, и даже казалось, что они знакомы, но вспомнить не мог.

– Обсудим позже. Я работаю у Руслана. Сначала надо пройти мимо и не задеть их, и чтобы они не заделали тебя.

– Они приближаются.

– Они тебя проверяют. Это твои страхи. Точнее даже не твои. Думай про свою цель. Тебе надо попасть в дом и поговорить с Русланом или Алисой. Остальное не важно. Это препятствия. Как например деревья, или скамейки. Их просто надо обойти. Скажешь, когда будешь готов.

Рэнди молчал. Всё было непонятным. Странные темные мужчины, совсем не похожие на деревья или скамейки.

Начались странности в его жизни в самом конце лета. Он решил, что пропустит или отложит последний год в лицее, чтобы поехать помогать отцу. Сел в поезд, уснул, а когда проснулся – всё в мире немного *поменялось*. Как будто на ясный день напал туман. Всё стало размытым и не таким, как раньше.

Рэнди доехал до станции, где должен был сесть на другой поезд и не смог вспомнить, куда он ехал. Билета не нашел, хотя казалось, что билет был куплен. Его телефон сам собой скинул все настройки и стёр все контакты. Те номера, которые он старался вспомнить – по разным причинам не отвечали. Да и помнил он не все.

Рэнди начали преследовать ощущения и видения. Например, что раньше у него была другая фамилия. Но он не мог её вспомнить. Он не мог доверять документам, которые рассказывали его историю, но и себе доверять было сложно – слишком все было расплывчато и туманно. Он вспоминал свою семью, иногда казалось, что она была большой и дружной, иногда казалось что были проблемы и его понимала только его сестра, всплывали образы сильного отца, ласковой мамы, вредного и странного брата, потом еще каких-то детей и женщин, но более размыто и расплывчато. Еще он вспоминал девушку с глазами похожими на омут. И как будто за этими глазами начинался другой мир. В который он не хотел раньше верить, и который окружал его сейчас.

Рэнди продолжал искать обрывки своих воспоминаний и ощущений, старался восстановить в памяти места, где он бывал раньше. Это занимало время и требовало очень большой концентрации. Всё логичное в мире оказалось расплывчатым или разрушенным, не на кого и не на что кроме себя было опереться; кроме внутренних ощущений не осталось ничего. А жить этими чувствами и ощущениями было сложно. Он просто потерялся в мире. Ночевал в дешевых хостелах и старался вспомнить и найти свой дом. У него были деньги на карте, паспорт с мультивизами и больше ничего из личной истории.

Реальный мир снаружи, который стал странным, и странный мир внутри, который стал его единственной связью с настоящей реальностью.

Совмещались они плохо. Например, потому что внутри он помнил свою семью, причем разные её варианты – снаружи он был совершенно один. Полистав в одном из книжных магазинов учебники по психическим расстройствам, он решил, что разгадку всё-таки он найдет не в психиатрической клинике, и решил искать дальше самостоятельно. Он придумал сам себе что попал в фантастический роман, где цель героя – вернуться в то место и состояние, из которых он выпал, уснув в странном поезде.

В конце осени ему показалось, что он кое-что нашел. Рэнди добрался до нужного места, так похожего на дом, но увидел странную картину. Шла реконструкция всего того, что память называла домом. Люди, жившие рядом казались ему знакомыми, но его самого никто не помнил и не узнавал. Соседи рассказывали страшные истории про брошенный особняк – то место, куда он стремился попасть. Сначала было боязно, но он преодолел себя и решился. Рэнди перелез через забор очень рано утром, едва рассвело и пошел навстречу этим страхам. Но встретил только холодный остов двухэтажной виллы, совсем пустой внутри и большой заброшенный сад. Где находятся хозяева никто не знал.

Чем больше Рэнди погружался внутрь себя, стараясь понять кто он и почему потерялся так, тем больше понимал, что найти себя в мире очень сложно. Он просил ответа во сне, но сны выдавали в ответ изображения неизвестных пространств, людей и историй. Полиция не помогла. Он был готов даже идти искать помощи у бога – но богов и правил вокруг оказалось слишком много, и Рэнди запутался ещё больше.

Он был уверен только в том, что есть в мире добрые и хорошие люди, есть дружба, есть счастливые семьи и только это может быть опорой: доброе, светлое и человеческое. Он наблю-

дал за людьми и видел, что все стремления к богатству, славе, успеху – это мишура, которая расплывалась в тумане. И видел настоящую радость, доброту и любовь, которые оставались лучами света и рассеивали туман.

Лет Рэнди было мало, образования не было, запас денег, не смотря на экономию потихоньку уменьшался, и он решил, что пора искать работу. Было не слишком важно какую, он вполне мог бы работать продавцом в каком-нибудь Макдоналдсе, убирать урожай на фермах, или сидеть с детьми. Именно последнее и показалось ему нормальной идеей, потому что поступление на педагогический было вполне осознанным решением. Станным было только то, что он сам организовал себе в обучении перерыв. А потом он решил поехать на остров, поделенный на две части застарелым конфликтом. Покупка билетов туда была очередным актом доверия собственной интуиции. И вот перед первым своим собеседованием он встретил человека, Руслана. Который предложил ему работу. Они говорили в ресторане и Рэнди сам все запутал; вместо того, чтобы рассказать все честно, и может быть даже попросить совета или помощи, он сам напустил туману про свою практику, семью и жизненную ситуацию. В результате Руслан уехал, оставив телефон и адрес, и начались проблемы. Тёмные странные типы сломали его телефон, где содержалась вся полученная информация. Да так, что пострадал не только аппарат, но и сим карта. Тёмные типы сгущались вокруг, как сумерки наступающего вечера. Но появился ещё один человек, который теперь предлагал пройти мимо препятствий к определенной цели. Цели у них совпадали. Рэнди сделал несколько глубоких вдохов, внимательно посмотрел на незнакомца, внутренне поблагодарил его за помощь, посмотрел на тёмных типов вокруг и понял, что они действительно, всего лишь препятствия на пути, как деревья или скамейки, и сказал: «Я готов.»

Олег Гаррис отказался от помощи деревенских жителей, закрылся в машине, осмотрелся и понял, что собаки его не покусали. Серьезно пострадал только пуховик. Пух вылезал теперь из дыр, летал по салону и лез в нос. Было противно. Собаки убежали. Хотелось купить водки, согреться и забыться; как делают некоторые в регионе, где он находился. Но он был за рулём.

Приступ злости прошёл, гоняться за собаками по сугробам расхотелось. Ощущение своей продырявленной жизни угнетало.

Раздался телефонный звонок. Это был руслановский безопасник. Он очень сухо и холодно порекомендовал не делать глупостей, не заявлять в полицию о случившемся и никак не трогать собак до приезда ветеринара.

– Я пристрелю этих собак, – зло сказал Олег.

Но желаемой реакции не последовательно. Всё так же сухо и холодно, совсем без эмоций ему сообщили:

– Будешь дёргаться – сядешь, и за собак, и за все свои старые делишки.

Человек отключил связь не дожидаясь ответа, и тоска навалилась с новой силой. Всю жизнь бегать в страхе, что придется отвечать за старые делишки?

Открылась калитка неподалеку, и деревенский мужик в распахнутом ватнике направился в сторону Олега. Олег решил уехать.

Он остановился на трассе, в поле. Только белый снег вокруг. Холод и спускающаяся темнота. Света зимой тут совсем мало. Старался просчитать варианты дальнейших действий, и получалось, что при обращении в местную полицию шанс поиска собак в бескрайних сугробах минимален, местный охотник, который мог бы помочь слишком тепло относится к Руслану, да и вероятность того, что участковый поверит Олегу мала. А обращаться инстанцией выше – это риск. Вдруг Руслан принял его угрозы всерьёз и сообщил в полицию сам. И поручил все это безопаснику с сухим голосом. Чёрт знает, что это за человек, судя по голосу –

сдаст полиции и не поморщится. А может быть уже сдал. Из-за каких-то собак, как будто эти лохматые лающие твари лучше человека. Зачем они? Охранять дом? Гладить?

Темнота сгушалась и тоска тоже. Олега давно никто не гладил. Даже за деньги. Идея найти ночную бабочку показалось тёплой. Но вокруг была русская зима. Снежные поля и никого. Безысходность. Он смотрел на тоскливые просторы и вспомнил про Дика, вспомнил, что был уже в этой местности, когда искал монастырь.

Сергей Нилин проверял автомобиль в российском прокате. Чтобы очередной раз ехать в глухую деревушку, где когда-то жил Руслан. Нилин прилетел в Россию пару дней назад, предвидя что Гаррис ничего не сделает путного, или даже создаст проблемы. Так и случилось. Теперь ему предстояло их решать. Такая работа Нилину не сильно нравилось, но выбирать особо не приходилось. Перед тем как устроиться работать к Руслану, он возглавлял службу безопасности крупной коммерческой структуры, но из-за своей жесткости однажды не поладил с начальством, и оказался на улице. С плохими характеристиками и никому не нужный. В возрасте 35+, когда искать работу и ходить на собеседования не так уж и приятно. Семьи у него не было, сбережения имелись, поэтому он выбирал. Предложение работать у Руслана в той ситуации выглядело вполне привлекательно по деньгам и функциям. Но оказалось кошмаром на деле.

Нилин думал, что ему поручат отстроить с нуля и полностью всё, что связано с обеспечением безопасности в очень состоятельной семье, а в результате выяснилось, что бронированные машины – «дорого и незачем»; личная охрана главу семьи не интересует, современные системы наблюдения – «не очень-то и нужны», большой штат сотрудников тоже не нужен, и Томас Халлик, взявшийся непонятно откуда может работать и водителем, и телохранителем одновременно. И всё остальное в том же стиле. Единственное, что было хорошо – зарплата и уважительное отношение шефа, то есть Руслана; в отличие от всех предыдущих работодателей, которые видели в работнике скорее функцию, а не человека, Руслан видел в нём прежде всего человека. Хорошее отношение к себе Нилину нравилось, и он потому терпел безобразное отношение работодателя к безопасности.

Но была одна большая проблема – это сын шефа. Он мотал нервы отцу, Нилину и всем, с кем сталкивался при реализации своих дурацких планов. Парень был отмороженный. И он (не внешние враги, не мафия и не конкуренты), именно он серьёзно угрожал безопасности, прежде всего своей, а также репутации отца.

В тот период Нилин узнал, что у него самого есть нервы, и они не стальные; поведение его подопечного – Ричарда «цепляло» его сильнее, чем всё, что Нилин пережил за предыдущие годы работы в разных организациях и ситуациях.

Руслан однажды позволил себе странное высказывание о том, что все конфликты Нилина с подопечным являются для него уроком, и возможно учат его, может быть большей личной гибкости, может чему-то другому. Мысль эта была не очень приятной, а наглый и избалованный деньгами подросток по-прежнему доводил до бешенства. Всё осложнялось тем, что этот подросток хорошо соображал, разбирался в технике, имел отменную реакцию, и быстро бегал. Причем, другие дети шефа были вменяемые и нормальные. Иногда Нилину казалось, что Ричарда долго готовили в специальной школе, как диверсанта, и потом забросили в эту семью на горе отцу и ему лично. Руслан старался относиться к этому философски, Нилину было сложнее. Почти каждый день, когда он сталкивался с Ричардом, страдали его гордость, репутация специалиста, или уязвлялось самолюбие, или подвергался проверке профессионализм. Было тяжело. И досадно. Потому что тот самый Халлик, который едва бы сдал нормативы по бегу, ни разу за свои смены не упустил Ричарда. А Нилин упустил не раз.

Сын работодателя стал Нилину главным врагом, но потом все закончилось очень печальным образом, Ричард умер, Руслан с семьей уехал в Россию, отправив Нилина в оплачиваемый отпуск. Сказал, что охрана ему пока не нужна, волноваться не о чем, но пообещал помочь устроится на достойную работу. Однако ничего не сделал; деньги от Руслана приходили на карту раз в месяц в размере полной заработной платы, Нилину в отпуске было невероятно скучно. Самостоятельные попытки трудоустройства ни к чему не приводили, несмотря на нормальный послужной список. Может быть повлияло последнее увольнение.

В конце лета позвонил Руслан с известием о том, что произошло очень странное ЧП и пропали люди; некоторые члены его семьи, семьи другого, действительно крупного бизнесмена, а также семья жениха дочери этого бизнесмена целиком. Руслан сказал, что их надо искать. Всеми возможными способами, но не привлекая внимания официальных органов. И Нилин начал искать, не совсем понимая, что за тайная и могущественная мафия убрала людей настолько бесследно, что не осталось никаких зацепок и сведений, не осталось банковских счетов, идентификационных номеров и записей в архивах. Нилин делал новую работу добросовестно и методично, ничего не находил, но был занят. И теперь получал деньги уже не зря. Понять он не мог только отношения Руслана к собственной охране.

Когда Руслан уточнил задание и сказал, что нужно найти двух собак, Нилин был удивлен только тем, что собаки стали нужны спустя столь продолжительное время. Он сам, по собственной инициативе и не дожидаясь дополнительных указаний искал не только людей; он помнил, что на вилле содержалось несколько лошадей, среди которых были очень дорогостоящие. Одна из таких лошадей вполне могла послужить причиной возникших неприятностей, если приглянулась какому-нибудь шейху. А охрана на вилле и в конюшнях была все-таки недостаточно серьезная, не смотря на все рекомендации Нилина, которые Руслан частично игнорировал, считая, что ему бояться нечего.

Белую собаку Нилин помнил хорошо, она почти всегда лежала на ковре в гостиной, молча встречала и провожала проходящих, и была любима детьми. С черной было сложнее, потому что постоянного места жительства у черной не было; она путешествовала с Ричардом, чернокожей девушкой, или регулярно оказывалась никому не нужной и брошенной на попечение Руслана, а точнее его маленького сына.

Нилин обладал хорошей памятью и надеялся, что он узнает собак и не перепутает их с какими-нибудь другими представителями четвероногих друзей человека схожей породы. Он связался и договорился с ветеринаром, предусмотрев разные варианты развития событий, от печального, когда понадобится усыпление, если будет диагностирована неизлечимая болезнь, до самого хорошего, при котором потребуются оформление паспортов и прививочных сертификатов для перевозки животных владельцу. Потому как, где находятся документы белой собаки Руслан не знал, а про черную предположил, что в связи с безалаберностью её хозяев документов никогда и не было.

Нилин надеялся, что, поселившись в деревенском доме, он за несколько дней сумеет пригласить и поймать животных, раз уж они появились поблизости. Также надеялся и на разумность собак и их память, потому что известно, что хорошая собака запоминает человека с одного раза. Запасы все были сделаны, оставалось проверить транспорт и отправиться в путь.

Нилин, конечно же, хотел бы превентивно устранить возможное препятствие в виде неизвестного ему лично Олега Гарриса, но получил распоряжение не трогать его без особой необходимости. Это напрягало.

Еще немного напрягал Халлик.

Начать с того, что в самом начале работы Томас Халлик позволял себе много лишнего, постоянно вступал в неформальные отношения с Русланом и членами его семьи, мог кокетничать с женщинами, играть с детьми, и разводить панибратство с шефом. Он очень быстро перешел со всеми на ты, вместо дежурства на посту охраны сидел в гостиной на диване, или даже

лежал на этом диване, и принимал все предложения хозяев попить чаю, перекусить, пообедать или поужинать. А вскоре освоился настолько что и сам мог предложить кому-нибудь попить чаю. Руслан попустительствовал.

Нилин являлся непосредственным начальником Халлика, регулярно старался призвать его к порядку, Халлик всегда соглашался, кивал, садился к мониторам на посту охраны, но через пару дней, приходя в конце смены Халлика, Нилин опять обнаруживал его на диване в гостиной. Еще настораживало то, что в конце лета, когда случилось то самое ЧП, Халлик поехал к Руслану, а Нилин остался во Франции. Конечно поручение Нилина было очень ответственным, но личная безопасность Руслана вызывала опасения. И его халатное к ней отношение. Тот же самый Халлик позже рассказал, что Руслан нашел какого-то крутого спецназовца и безопасностью теперь занимается специально обученный человек. А последний разговор и вовсе вызывал недоумение, было уже совсем непонятно, кто раздает распоряжения, Руслан или Томас.

При этом Нилину ничего не сказали ни об увольнении, ни о понижении. Заводить разговоры об этом и выяснять отношения он считал не допустимым.

Добросовестно выполнял порученную работу и ждал, что будет дальше.

Альдо засек пятнадцать минут.

Они тянулись мучительно долго. В такие минуты ему не хватало как минимум четверых таких как он, или как Халлик. А лучше восьмерых, на случай если четверо заняты, устали, спят или еще что-нибудь. Одно дело ездить по городу и искать человека, совсем другое идти за ним туда, где есть серьезная потенциальная угроза. Эти тёмные, боевики, чьи?

Как Руслан попал в ситуацию, где в абсолютно мирной жизни он имеет конфликт с такой странной структурой?

Обсуждать ситуацию с ним сейчас – было жестоко, он выглядел и так очень уставшим; не обсуждать – граничило с халатностью.

Альдо поднимал раньше этот вопрос, но Руслан его успокоил, а в результате? Дни спокойной жизни внезапно сменялись форс-мажором, и не хватало людей; двоих минимум чтобы отправить прикрыть Томаса, и двоих оставить здесь.

Опять ЧП и всего один Томас, он, уставший Руслан и Хэлф. И при таком раскладе – отправить Хэлфа К Томасу или поехать самому и оставить Хэлфа в поддержку Руслану? И понимать, что Хэлф находится в состоянии, когда ему самому нужна поддержка. Конечно, в критической ситуации он соберется, как и Руслан, и выдаст то, что сможет. Но почему они живут в такой ситуации, где полноценных боевых единицы всего две; а враги легко выдают от четырех.

Тёмной лошадкой становилась Алиса; с ней совещался то Руслан, то Халлик. Почему? За неимением лучшего? Из-за нехватки личного состава? Или Алиса знала что-то особенное? Альдо не был сексистом, но обсуждать с женщиной, причем столь юной, вопросы такого характера, ему казалось странным. Выбирать дом можно, это запросто. Но безопасность? Однако, Альдо понимал, что Алиса не так проста, как кажется. И он, взглянув на часы, пошел к Алисе.

– Я хотел бы с тобой поговорить, наедине.

Алиса оставила детям рисование, и накинув куртку отправилась на улицу.

– Можно задать тебе несколько вопросов?

– Легко.

Было не легко.

– Правду говорит Халлик, что твой отец был олигарх?

– Ну да.

– У вас наверняка была охрана.

- Была.
- Ты знаешь сколько человек?
- Дома человек двадцать; на фирмах не знаю сколько. У каждой конторы были свои безопасники.
- А эти двадцать?
- Охрана на вилле, водители; типа водители, я знаю, что они все были с оружием. Но папа не говорил, что они телохранители. И их было много. Просто детей было много. Поэтому и людей много.
- И все пропали?
- Да.
- А у Руслана?
- Руслану это было не нужно. Тогда.
- А сейчас?
- Что сейчас?
- Сейчас, когда есть тёмные, ты же их видела, ты считаешь, что мы в безопасности?
- Тебе страшно? – удивленно спросила Алиса. Альдо стало неудобно. Это было удивление её реакции, непонимание, стыд за то, что девочка реагирует на ситуацию лучше, чем он.
- Если ты про тёмных, – спокойно продолжала она, – не обращай внимания. Как Фома. Фома вот в них не верит.
- Как не верит!?! – возмутился Альдо. – Посмотри сюда. – И показал ей смс. Алиса прочитала внимательно два раза. И сказала. – Я могу туда поехать.
- Ты кто? Беременная девочка! Куда ты можешь поехать, если я сомневаюсь в том, могу ли я отправить туда Хэлфа. А он все-таки специалист.
- Я тоже специалист, – тихо сказала Алиса.
- Какой? – скептически спросил Альдо. Алиса задумалась.
- Если я скажу, ты возможно будешь смеяться.
- Обещаю не смеяться. Скажи.
- Не могу, – сказала Алиса. – Мне самой смешно. Давай скажу потом. Сколько осталось минут?
- Шесть.
- Я помолчу. Ты не говори ничего; и меня не трогай; все будет хорошо; просто пожелай Фоме удачи. И Рэнди, и мне.
- Она села на парапет и закрыла глаза.

5. Пиво для маскировки

Руслан подошел к окну и смотрел вниз. Альдо разговаривает с Алисой, что-то происходит серьезное, а у Руслана не хватает ресурса контролировать и отслеживать ситуацию. Плохо. Стыдно. Безответственно. И усталость его не вовремя, усталость начала его побеждать. Он виноват сам. Но пойти и лечь спать, расслабиться когда Фома уехал, а эти двое устроили оперативку, для проведения которой вышли из дома (чтобы его не тревожить) – нереально.

Руслан видел, как Алиса села и сконцентрировалась. Альдо стоит и смотрит на часы.

«Пусть все будет хорошо; пусть хватит сил всем, кого он любит; пусть Фоме, Алисе и всем, кому они помогают, сопутствует удача».

А что он мог еще? Сейчас только пожелать удачи и ждать.

Алиса открыла глаза и встала; у Альдо пикнула смс-ка «все ок. мы едем». Руслан увидел как улыбнулась Алиса, выдохнул и расслабился Альдо и пошёл к детям; те рисовали в Алисиной комнате.

– Что ты делала? – спросил Альдо.

– Желала удачи. Это иногда очень важно. Мы все состоим из силы. Когда мы искренне желаем удачи – мы передаем человеку часть силы. Это работает.

Альдо посмотрел на нее подозрительно.

– Ты шесть с половиной минут желала удачи?

Алиса прекратила свое странное сосредоточенное сидение примерно одновременно с приходом смс о благополучном завершении халликовской спецоперации.

– Ты хотела сказать, какой ты специалист, – напомнил Альдо.

– Я пожелатель удачи.

– Я серьезно.

– Я тоже. Даже песня есть, – Алиса улыбнулась и весело спела на русском: «Они не в кого не верят и никогда не плачут; Бог, открывающий двери и ангел, приносящий удачу.»

– Я не понимаю.

– Я не могу быстро перевести с рифмой; в песне поется о том, что в мире есть специальные существа, которые приносят удачи и помогают в пути.

– Странные вы все, – сказал Альдо, и добавил, – я бы хотел, чтобы людей в службе безопасности у Руслана было в три раза больше.

– Дело не в количестве людей, а в качестве.

– Я понимаю.

– Скажи, думаю Руслан согласится. Просто нужны особенные люди.

– Что ты делала? Почему Халлик ходит совещаться с тобой, а не со мной? Откуда берутся эти темные? Что значит особенные люди? И что вы все от меня скрываете?

– Я? – ничего, – развела руками Алиса.

– Тогда ответь честно на все эти вопросы!

– Ты правда этого хочешь?

– Да.

Алиса усмехнулась.

– Пожалуйста, отвечаю: я настроилась на Халлика и на того человека, с которым он проходил мимо темных. Мне помогал Ричард. Ты с ним еще не знаком. Вместе у нас немного лучше получается помочь. Ричард находит, а я добавляю удачи. Так мы вместе немножко

помогаем нашим друзьям. Халлик ходит совещаться со мной по вопросам касающимся времени, когда вы еще не были знакомы. Только поэтому. Тёмные берутся из пространства в ответ на страхи и напряжения; они связаны больше всего с Ричардом и с Русланом. Все, кто начинает с ними дружить, вынуждены столкнуться с собственными страхами, осознать и победить их. По дороге к победе тёмные работают как сигнальная система. Они указывают на ошибки. К ним можно относиться как к двойкам в школе. Понимать за что, и исправлять. Особенные люди готовы осознавать, что они делают. Мы ничего от тебя не скрываем. Руслан сразу сказал тебе, что может быть опасно. Но может быть интересно, это увлекательная игра, всего лишь.

– Игра? Это всё игра? Вот это всё, с опасностью, с непонятными вещами, плохо укладываемыми в голове, с напряжением от которого сильный мужик почти валится с ног – это игра?

– Конечно игра; я тебе больше скажу – каждый выбирает во что играть сам! Можно играть в поиски удачи и силы, в наработку опыта, можно играть в трагедии. Можно играть, как Хэлф, в несчастную любовь, можно играть как Руслан в игру «дове́ди себя окончательно», можно играть во что-нибудь интересное и приятное. Можно играть в поиск радости. Можно искать любовь. И не смотри на меня так! Ты очаровываешься. Это опасная игра.

– Алиса, ты мне нравишься.

– Тебе нравится то, что я сказала. Потому что это дорога к твоей настоящей силе. Я здесь не при чём.

– Мы могли бы играть вместе.

– Мы и так играем вместе.

Халлик припарковал автомобиль рядом с домом и отправил Альдо третью смс: «идите внутрь, не выпускайте Руслана, чтобы не мешал, мне надо поговорить с человеком». А через пол-часа он поднялся наверх.

– Руслан, у меня для тебя две новости; одна сильно плохая, другая хорошая. Плохая новость, это то, что ты из-за стрессов и ещё какой-то фигни ни х... не помнишь. Может тебе даже к врачу надо.

Руслан мрачно молчал.

– А хорошая в том, что у тебя был ребёнок. В отличие от бешеного Ричарда – нормальный; вот просто нормальный хороший добрый мальчик. У него тоже небольшое расстройство памяти, но он тебя почти помнит. И ты его узнал, именно поэтому и говорил, что он должен остаться, и описывая его, сравнивал с Ричардом. То есть почти вспомнил. А я помню точно. И Алиса говорит, что я прав. Этот ребенок – Рэнди. Он на первом этаже.

Вдох. Выдох.

– Фома, ты работаешь ангелом по совместительству? – спросил Руслан.

– Почему по совместительству? Может быть это основное место работы, – ответил Томас Халлик.

– А как же пиво?

– Пиво для маскировки.

6. Красавица – офицер

Другой Томас, по фамилии Форш, в своём кабинете с утра скучал.

Существование его и работа стали не так интересны, как бы он хотел. Может быть, потому что сегодня всё было очень спокойно, а возможно наступил и сказывался кризис среднего возраста; краски профессиональной жизни поблекли, с женой Форш давно развёлся, единственный его сын вырос и был отпущен в полное чудных открытий студенчество. А между тем Томас Форш был ещё молод, вполне хорош собой и готов к приключениям.

Зашедшая в кабинет девушка вызвала улыбку. Эффектная брюнетка. Он прямо увидел в ней красавицу-офицера в униформе, с прекрасным послужным списком и киношной внешностью, как раз подходящей для того, чтобы играть в полицейском сериале красавицу-офицера. Смелый взгляд, великолепная осанка, и грудь тоже хороша.

Очень молодая девушка. Никакого опыта еще нет, но...

Безусловно, сейчас девушка положит на стол досье, и там будут свидетельства высокого уровня физической подготовки, может быть даже отличные показатели каких-нибудь специальных навыков, считающихся полезными в их ведомстве. Например меткости, или скорости реакции, а может пометка о том, что у девушки за спиной несколько лет занятий айкидо, или даже рукопашным боем. А как же иначе?

Такой человек – просто находка для любого подразделения, а для него сегодня – повод развлечься, ибо скучно.

– Присаживайтесь, красавица.

Ну вот. Немножко девушка смутилась. А что она думала? К ней будут обращаться «солдат Джейн»?

Она поздоровалась, представилась, села напротив, положила на стол досье.

– Отлично, Лейла Джейк. Какое интересное совпадение. Я тут кино вспомнил, солдат Джейн называется. Похоже ведь. Ну да ладно, к делу. Поговорим о Вашей личной жизни.

Говорят, что хорошее самообладание, это когда вместо того, чтобы повисить голос человек медленно поднимает бровь. Лейла подняла бровь.

– Именно о личной жизни, – подтвердил её сомнения Форш.

– Какое это имеет отношение к службе и тестам на профпригодность?

«Смелая такая девица, сразу вопросы задавать.»

– Прямое, милая девушка, я тут сижу не потому что имеются лишние бюджетные деньги, а чтобы выявлять у служащих психологические качества и состояния, препятствующие возможности несения ими службы, понимаете. А личная жизнь, особенно у женщин...

– Конечно влияет на эти состояния, – закончила за него девушка, – Давайте перейдем к тестам.

«Ну прям уже командир. Молодых курсантов будет строить на раз, пока они смотрят на её грудь.»

– В нашей конторе инновационные методики тестирования, возможно Вам не знакомые. Поэтому тест уже начался, – пошутил Форш. – Будьте внимательны и осторожны. Итак, я слушаю рассказ о личной жизни.

– Я не собираюсь в ближайшее время заводить семью и детей, а так же делать что-либо мешающее работе.

Томас продолжал атаку:

– И безусловно, у вас есть подходящий рыцарь, который одобрил такое решение.

Девушка и тут ответила спокойно:

– В настоящее время такого нет, но если он появится, я смогу контролировать чувства.

– Как пафосно звучит! – Форш откинулся на спинку стула. – Вспыхнет пламенем в груди любовь, а Вы её тут же приметесь контролировать.

Лейла Джейк молчала, глядя на него красивыми черными глазами. Страсть хорошо бы читалась в таких глазах.

Он поднялся, подошел ближе и присев на стол, чтобы быть выше, наклонился и начал вкрадчиво:

– Вот встречается Вам внезапно, в соседнем кабинете, или на улице неподалеку мужчины в полном расцвете сил, такой же привлекательный как я, и говорит: Милая! Ты пленила мое сердце! Ты прекрасна! Печь пирожки нашим детям и заботиться о домашнем уюте – это намного больше подходит тебе, чем состариться, гоняя наркоманов и мелких бандитов по неблагополучным кварталам. Оставь свой кольт на тумбочке в прихожей, давай предадимся страсти.

Томас смотрел за реакцией. Ни один мускул на лице девушки не дрогнул.

Лейла ответила коротко:

– Вы не в моем вкусе.

– Ах, зачем же так сразу переходить на личности, предположим такую речь произнесет жгучий брюнет. Или Вам нравятся высокие голубоглазые блондины?

– Мне нравятся психологи, которые нормально делают свою работу, – сказала Лейла.

– Скажите лучше, что Вам нравятся психологи, которые не делают свою работу, не задают вопросов, и на основании поверхностных и формальных тестов, выдают нужные заключения. Я не такой, – Форш улыбнулся.

– Задавайте Ваши вопросы, – недовольно согласилась Лейла.

– Любые? – уточнил Форш, – Или только те, которые Вы считаете нормальными?

– Любые.

Она приготовилась отвечать спокойно. Форш предположил, что она внесла его в список тех психологов, которых при случае надо пристрелить, за вредность и циничное отношение к людям.

– Вам нравятся жгучие брюнеты или голубоглазые блондины? – спросил с серьезным лицом Томас Форш, шатен.

– Главное, чтоб человек был хороший.

– Отвечайте, пожалуйста, чётко на поставленный вопрос.

– Брюнеты.

– Плохо, – веселясь про себя заключил Форш. – В патрулируемых районах большинство преступников брюнеты. А добропорядочные граждане часто блондины. Я не смогу дать Вам положительного заключения. Сожалею.

На лице девушки поднялись сразу две брови.

Форшу было весело. Но он с серьезным видом вернулся за стол и открыл её досье. Прекрасные показатели физической подготовки. Хорошая характеристика. Одна. Данные о семье, отец работал в силовых структурах, погиб. Печально... дочь своего отца. Идет продолжать правое дело, может быть даже мстить. А что мать? А мать умерла очень давно, еще более печально. Конечно же, при отсутствии материнской заботы девочку отдали не в танцы, и не в кружок вышивания. И теперь она обладает хорошо поставленными ударами, просто чудесно. Этот вид и образ «красавицы-офицера» – маска. А под ней ребенок. Но офицер может получиться хороший. Для таких сослуживцы становятся семьей, такие искренне преданы делу и без остатка отдаются работе. Надо только немного поддавить то, что внутри.

– Примите мое приглашение пообедать вместе, Лейла, – немного человечнее сказал Томас Форш. – Я расскажу Вам в неформальной обстановке кое-что. А потом, если Вы примите решение продолжать, мы проведем все необходимые тесты и Вы, вполне вероятно, получите положительное заключение.

– Для этого обязательно надо идти с Вами обедать?

– Поверьте, пообедать с мужчиной, просто пообедать, очень нужный навык. И для выбранной профессии тоже. Судя по Вашему характеру, Вас не устроит простое патрулирование улиц, захочется карьерного роста, сложных расследований, рискованных спецопераций, и мало ли где и с кем по долгу службы придется встречаться и обедать, так что решайтесь.

Она ответила с достоинством:

– Хорошо.

7. Кто мы? Откуда мы пришли? Куда идем?

– Кто мы? Откуда мы пришли? Куда мы идем? – я развлекалась на факультативе по философии, мне казалось тогда, что это бред и всё понятно и так; а оказалось, что философы не зря классифицировали вопросы про жизнь. О смысле жизни, о её сути, о принципах. Кант это делал, кажется, и другие тоже. Не помню, не могла я тогда представить, что окажусь на перекрестке миров, то есть в аэропорту, одна, без осознания куда идти. По уши в экзистенциализме и абсолютно без понятия что делать. Мне даже было страшно. А ты смелый, наверно скоро этот морок рассеется и память у всех станет ясной. Хорошо, что Фома тебя так быстро нашел.

Рэнди пил чай. Алиса сидела напротив. Альдо наблюдал со стороны. Аня поставила на стол горячие бутерброды.

Руслан медленно спустился со второго этажа в сопровождении Халлика.

– Я думаю, тёмные специально распылили какой-то забывательный газ, – сказала Алиса, – чтобы нам всем было сложнее найтись.

Очень поздним вечером, после первой неловкости, извинений, объятий, принятия и радостных ощущений от семейного ужина; после того, как в детской, за неимением других удобных помещений, организовали ещё одно спальное место; после укладывания мелких и старшего спать, долгого сидения у кровати, Руслан спросил Халлика:

– Почему ты не сказал мне раньше?

– Ты не спрашивал.

– Ты знал, что есть ребенок, которого рядом нет.

– Позвольте, всё последнее время ты был занят всякой всячиной и старшие дети жили совершенно самостоятельно. Я думал, он спокойно учится во Франции. Ты же не отчитывался мне по поводу того, регулярно ли тебе звонят твои дети или они вообще пропали.

– А я не помнила, – грустно сказала Алиса, – про Мюю помнила, а про Рэнди нет. Мы с ним не пересекались особо раньше.

– Я говорил тебе, что большой дом – не просто так, – сказал Руслан. Были ещё дети.

– Приёмные.

– Какая разница, Фома, перечисляй всех.

– Печаль в том, что я тоже не помню всех. Было два пацана, повёрнутых на лошадях, и девчонка – спортсменка. Светловолосая, вряд ли твоя. И может быть кто-то ещё. Пацаны тоже были не твои, один вроде вообще просто у тебя жил, – сказал Халлик.

– Бред какой-то, – Руслан был в шоке; понимать, что он абсолютно не помнит таких важных вещей, было ужасно.

– Не бред. Это был приемный ребенок Даджани, – сказала Алиса. – Раньше он жил у нас. Он плохо видел.

– Мне кажется, я тихо схожу с ума.

– Успокойся. Может быть на это и рассчитано. Чтобы все запутались; перестали доверять себе и друг другу, сходили с ума с разной скоростью. Тебе ведь всё верно подсказало твое сердце про Рэнди. И подскажет про других. Надо просто успокоиться, расслабиться, дать сердцу говорить; и собрать для начала всего семь волшебников. Вот спроси сейчас Фому как он нашел Рэнди, он тебе ответит, что ПРОСТО поехал и СЛУЧАЙНО нашел.

– Фома?

– Я просто поехал...

– Видишь, фокус в состоянии, важно знать, как попасть в это «просто», чтобы «просто поехать, просто встретить, просто найти», это нельзя сделать, когда напряжение избыточно.

– И как попасть в это «просто»?

– Расслабиться, поймать волну; тебе – выспаться для начала.

– Как, Алиса? Если я каждый день узнаю что-то настолько для себя новое? Я не помню что со мной было, с кем я жил, не помню детей, ни родных, ни приемных; вокруг всё меняется, как я могу расслабиться?

– Вопросы из серии «надо ли спать на войне, или подождать пока всё закончится» и «как сохранить боеспособность», – серьёзно сказала Алиса.

Альдо, стоявший рядом, хмыкнул.

– Ты всегда так рассуждаешь?

– Это не я, – отмахнулась Алиса, – но у меня есть предложение – сверить реальности. Прям табличку составить. Посчитать волшебников, приемных детей, друзей, всех. Спросить у всех. Но при этом понимать, что память носителей, то есть нас, частично испорчена, и сто-процентной гарантии нет. Каждый может что-то забыть или ошибаться.

– Документы могут быть изменены, – вставил Халлик. – Как у Рэнди, у него в паспорте другая фамилия.

– Документы – это детский сад, документы поменять легко, у нас даже пространства могут быть изменены. Как вилла Даджани, её нет ни в наличии, ни на карте, хотя я была там три месяца назад. И тела могут быть изменены. Как у Мяу и Риты.

– Интересный у вас детектив, – озабоченно сказал Альдо. – И как вы планируете узнавать людей?

– «По улыбке, и по цвету глаз», как в русской песенке поётся; итальянская песня про это тоже есть, – Алиса вернулась в романтическое настроение.

– Но ты ведь понимаешь, что состояние человека может меняться, будет не до улыбок, и раз уж меняются тела, чего я правда пока не могу понять, цвет глаз поменяется тоже.

– Ясен пень! Это же образно. Ежу понятно, что узнать можно только по внутреннему ощущению. Ничего внешнего. Тебе надо курс из русских сказок. Узнавание там – это стандартное задание для героя.

Альдо задумался, потом пошутил:

– Мне может уволиться, пока не поздно.

– Уже поздно, – засмеялась Алиса, ты опоздал на пару жизней, но ты можешь; хотя вряд ли ты захочешь жить без такой весёлой компании и без сказки.

– То есть все ЭТО уже не игра, а сказка? Что-то я не понимаю, что я делаю в сказке.

– Всё ж просто; ты тоже ищешь волшебника!

Приход наш и уход загадочны, – их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдём отселе?
«Рубай» Омар Хайям

8. Разговор за обедом

Ресторан Форш выбрал очень хороший. Во-первых, он мог себе это позволить, во-вторых, он сегодня так развлекался, в-третьих, он шел обедать с дамой, в-четвертых, он эту даму (возможного сотрудника) проверял. Именно за подобные моменты он свою работу любил, новые люди, новые истории, что-то интересное среди рутины. В-пятых, и за кадром – дама была очень молода, хороша собой и ему понравилась.

Она вела себя спокойно и достойно. Его совсем незаметный флирт не замечала, или игнорировала. Насладившись трапезой, он стал серьезней:

– Как работник конторы, я должен Вам честно сказать, что у Вас есть все шансы сделать в выбранном ведомстве карьеру. Смелость, чёткость, принципиальность, готовность рисковать. Внешние данные и личная жизнь не помеха, хотя с ними Вы могли бы пойти и в модельный бизнес.

Шутку она оставила почти без внимания, но он понял по выражению глаз, что модельный бизнес его спутницу не интересует совсем. И комплименты она слышала не раз. Он продолжал:

– Но если посмотреть иначе, с точки зрения той самой личной жизни... у меня сын примерно такого же возраста. И мне, как отцу, где-то внутри, не очень хочется, чтобы он каждый день рисковал жизнью. Даже из благородных побуждений и на пользу людям. Я прекрасно знаю о том, что это очень ответственная и нужная работа, и что каждый ребенок вырастает и реализует свою жизненную программу, а родитель не должен мешать. Но я говорю о чувствах родителя, и если предположить, что у меня была бы дочь – я бы сказал: «да, это круто, я буду тобой гордиться», но я бы подумал про себя: «девочка, война это не женское дело. Почему тебя тянет именно туда? Почему ты готова рисковать собой и не хочешь подарить мне лет через пять – семь пару внуков. Для силы и темперамента есть другие сферы применения. Я хочу видеть тебя счастливой. Я даже понимаю, что всё можно совмещать. Но зачем начинать с такой жести, которая незаметно сведёт на нет твою женственность и нежность; неужели это правда то, о чём ты мечтаешь?»

Лейла молчала. Потом ответила:

– У меня нет отца и никто такого не подумает.

Потом молчал Форш. То, что он сказал было, может быть, не слишком профессионально, но честно.

– Что с ним случилось?

– Он разбился на машине.

– И как Вы пережили это в таком юном возрасте? Извините, что я спрашиваю. Но вы собираетесь на работу, в которой человеческие трагедии – часть работы.

– Я не знаю.

– То есть?

– Мне не верится, что он погиб.

– Вот как? Тогда в чём мотив? Вы действительно хотите работать или просто получить доступ к информационным базам, оружию, ещё чему-то? Или есть секретные материалы, и Вы надеетесь найти их?

– Нет.

– Тогда что?

– Ничего, я сознательно ищу работу в подходящей мне сфере, но доступ к базам не мешал бы.

– И зачем он Вам?

– Собрать информацию об одном человеке.

– Очень интересно, а зачем?

– Это личное.

Она жестко ставила границы. Форш решил подойти к ним поближе:

– Предлагаю раскрыть карты. Особенно, если Вы хотите работать.

– Разговор и так зашел далеко. И я думаю, я легко найду такую работу в другом месте.

– А я думаю, работа сейчас для Вас не самое главное.

И тут Форш заметил, что самообладание начало девушку подводить. Какая-то проблемка была, и она зашевелилась внутри, задетая им. Однако юная леди старалась изо всех сил оставаться спокойной. А потом спросила:

– Ведь не принципиально получить заключение именно сегодня, и не важно, какое оно будет.

– Конечно. Может пройти несколько дней.

– В таком случае, благодарю Вас за обед, – и она ушла, качнув бедрами. Только каблук отмечали затихающим звуком удаляющиеся шаги.

Лейла. Высокая, красивая, резкая. Уверенная в себе. С секретом внутри.

9. Она очень устала

От того, что приходилось делить комнату с подругой, от нехватки денег, от неустроенности внутри и снаружи.

Лейла рано ушла из дома вслед за первой серьёзной влюбленностью, она горячо отстаивала свои права на свободу и отец сдался, Лейла выбрала место для жизни и обучения так, чтобы быть к любимому ближе, почти прекратила общаться с отцом, конечно же, хотела замуж, и не учла, что студенческие союзы часто недолговечны.

Он её бросил, ничего не объяснил, уехал, не отвечал на телефонные звонки. Лейла осталась одна. Признаться в личной трагедии было стыдно, и домой она не вернулась. Спустя время ей сказали девочки, что видели её любимого с другой, более томной и нежной.

Тогда Лейла перестала звонить на молчащий номер и уехала. Устроила себе путешествие, чтобы не страдать, а когда маленький отпуск закончился – перед ней открыла двери та самая взрослая жизнь, в которую Лейла так стремилась. Ответственная, самостоятельная, с необходимостью искать жилье и работу. Жизнь и сейчас предлагала массу перспектив и вариантов, только одного было нельзя. Вернуться домой. Так больно было понимать, что она сама несколько лет назад бросила семью ради любви, и осталась без семьи и без любви. Лейла поняла, что надеяться на мужчин глупо. Они могут уйти. Ушел к другой любимый, ушел из жизни отец. Про отца она узнала не сразу, когда его не стало – ей никто не сообщил! Она не могла даже попрощаться нормально. Они, её любимые мужчины, исчезли внезапно. Она почти ненавидела за это всех мужчин сразу и знала, что мужчины так же не могут надеяться на женщин – когда-то, совсем давно, от отца ушла её мама.

Со временем страсти внутри улеглись. Ненависть сошла на нет. Какая она была глупая. Когда Лейла поняла, что отца её нет – она осознала, насколько сильно она его любила, как бы ей сейчас хотелось просто быть рядом, беседовать за кухонным столом о жизни, пусть даже рассказать о скучных школьных оценках или о тренировках, быть хорошей девочкой и не доказывать больше, что она «большая», взрослая, самостоятельная, сильная и может позаботится о себе сама. Хотелось быть маленькой. Хотелось быть дочкой. Какая она была глупая. Тогда.

Сейчас все её подруги твердили про «замуж», парней, мужей, любовников. Почти все говорили о том, что это безумно важно. Даже Бирута, которая казалась сначала такой серьёзной, самодостаточной и сильной.

Лейла знала про себя, что она сильная. И внутри, и снаружи. Именно эта сила в подростковом возрасте увела её так далеко от семьи. Сила поддерживала её в сложных ситуациях, и сейчас тоже, но эта сила предательски оставляла Лейлу одну по вечерам под одеялом.

Иногда Лейла понимала, что это подводит её «женская часть». Она эту свою часть не понимала, не принимала, особенно в последнее время, хоть и использовала. Она знала как выглядеть привлекательно и стильно, но её вера в любовь сильно пострадала. И она «закрылась». Ей казалось, что людей привлекает только внешность, и ничего серьёзного в её жизни ни с кем уже не будет. И не хотела ничего серьёзного, не хотела чувств, бурь из эмоций, подкатывающих слез. Образ женщины-воина сложился сам собой.

Нужна была работа. Используя внешние данные она по совету подруги закончила курсы подготовки стюардесс и устроилась в авиакомпанию, но там узнала много нового и о подруге, и о нюансах такой красивой и романтичной работы. Она поняла, что ей не слишком хочется улыбаться людям, которые ей не приятны. И оставлять без отпора пошлые заигрывания. Тогда она начала думать о том, чтобы пойти в полицию, или в армию, или в органы государственной безопасности, в любую силовую структуру, где возраст и физические данные будут подходящими, а улыбки не требуются.

Из нескольких заигрываний и предложений разной степени пристойности, которые произошли во время её стажировки в качестве стюардессы – одно ей запомнилось особо ярко. Мужчина с русской девочкой, летевший в бизнес-классе, рейсом из Москвы. И эта девочка не была его дочкой! Это выяснилось по регистрационным данным пассажиров. Бирута, подруга Лейлы, как на зло, несколько раз его вспоминала, хотя это было лишним. Он и без того засел в памяти, он казался сначала красивым и даже благородным. Но то, что он сделал потом – было ужасно. Он оставил свой телефон, предлагая позвонить. И обсудить какие-то варианты. Как будто она, Лейла – девица легкого поведения и с ней так можно. Ещё и не только ей он оставил телефон, а ей с подругой. Это было возмутительно. И не только ей и подруге, ещё и Райнеру, молодому и очень симпатичному стюарду. Это было уже совсем... и слишком.

Образ богача-развратника завершился и подтвердился, когда Лейла случайно увидела его второй раз, выходящим из бизнес-джета; с другой девочкой, которая не стесняясь, обнималась с ним прямо на лётном поле. И было видно, как этой малышке нравится частый самолет, и как она готова за это благодарить своего «папика». Это тоже была не дочка, и доказательства тому легко были получены с помощью пары улыбок у офицера пограничной службы.

Бирута богатого развратника не слишком осуждала, и даже сказала, что союз молодой девушки и взрослого мужчины может быть весьма крепким, потому что с возрастом к мужчинам приходят деньги, понимание жизни и женщин, опыт, и умение ценить отношения; и этим они выгодно отличаются от юнцов.

Лейле было противно. В порыве гнева, она уже давно выбросила тот листок с телефонным номером. Противно было от другого. Она не могла забыть этого мужчину. Она вспоминала его, он ей даже снился. Лейла с ужасом поймала себя на мысли, что хотела бы оказаться на месте русской девочки, которую он заботливо усаживал к окну в салоне самолёта. Или второй девушки, которую обнял, когда смотрел на Лейлу на летном поле. Мысль о том, что он её, Лейлу, заметил, что она ему понравилась, не давала покоя.

Бирута не разделяла страданий подруги, шутила и предлагала позвонить и развлечься, говорила о том, что лучше сожалеть о сделанном, чем о не сделанном, и даже о том, что хороший секс с таким интересным мужчиной, пусть даже однажды – уже отлично для коллекции воспоминаний. Лейла возмутилась, и устранила возможность позвонить окончательно. Она стерла телефонный номер в контактах подруги. Но имя из своей памяти стереть не могла.

Бирута тогда смеялась, говорила что у Лейлы слишком горячая кровь и слишком уставшие взгляды на близкие отношения, и что нынешний век позволяет наслаждаться жизнью по полной; а Лейла расплакалась. И решила сменить работу. Она уволилась, уехала от Бируты, отправила резюме в несколько силовых структур и начала ходить по собеседованиям и комиссиям.

И никак не могла отделаться от мысли, высказанной подругой о том, что встречаться с сорокалетними иногда намного лучше, чем с молодыми.

10. Обвинение

Утро Риты было грустным. У Руслана появился Рэнди, на нее Руслан внимания теперь не обращал. Он наверху, в закрытой комнате, со своими детьми, она же Руслану теперь безразлична

Халлик, Альдо, Алиса и Хэлф уже давно сидели за столом, Аня всё приготовила к завтраку; а Руслана не было.

– Не будем ждать! – решил Томас, – небось вчера разговаривали ночью и теперь будут дрыхнуть до обеда.

– Поддерживаю, – Алиса заискивающе посмотрела на Аню. – Очень кушать хочется.

Рита чувствовала себя неуютно. Без Руслана с детьми ей было странно в компании больших мужчин. Алиса принялась за еду, Аня переживала, что нет Руслана и «всё остынет».

– Успокойся, пусть он выспится, – сказал Томас.

Вниз спустился с детьми Рэнди, Даниэлу он вёл за ручку. Мишка шёл самостоятельно. Немного смущаясь, Рэнди, поздоровался. Аня хлопотала вокруг, усадила его, деток, поинтересовалась, как чувствует себя Руслан.

Рита нервничала. Сейчас, когда Рэнди живет в одной комнате с Русланом, ей уже не прийти ночью. Если бы она помогала с этими мелкими, возможно Руслан не стал бы искать больше никого, а сейчас – шансов нет. И Рэнди умудрился с детьми подружиться, так быстро, даже с Майклом. Как? Сейчас он всегда будет жить в той комнате.

– Руслан сказал, что не будет завтракать. Хочет выспаться.

– Давно пора, – Халлик налил себе чай, посмотрел на Рэнди. Тот усаживал незнакомых ему вчера детей за стол так, как будто всегда это делал. Собственно, он это и делал раньше. Он был их братом. И угрюмый неконтактный Мишка, и застенчивая Даниэла приняли его легко и быстро.

– Ты меня вспомнил?

– Не очень.

– Это забывательный газ, Фома. Все надышались в разных дозировках. Предлагаю не париться. – Алиса придвинула к себе мёд.

– Странно как-то всё это, – произнес Халлик.

– Я вообще плохо понимаю, что у Вас происходит, – сказал Альдо.

– Не парься. Вот ты был знаком со всеми нами в прошлой жизни. И не помнишь. Тебя ведь это не очень тревожит. А они немного подзабыли, что было в этой. Неприятно, но пережить можно.

– Алиса, откуда ты это знаешь?

– Я чувствую.

– А доказательства?

– Они есть, но не знаю где.

– Очень сложно так, – вздохнул Альдо.

– Нормально. Привыкнешь. Действия в условиях частичной неопределенности. Это же всегда так, просто люди не всегда задумываются.

– Не слушай её, глупости она говорит, – сказал Халлик, – у нас футбол по расписанию, новый член в команде, почти профессионал, а вы – прошлые жизни, прошлые жизни. Алиса, не морочь никому голову!

Завтрак закончился, все, кроме Риты и Ани оделись и вышли на улицу. Хэлф остался у дома, остальные пошли гулять по берегу. Хэлф грустил с видом на море, пронаблюдав как удаляется Алиса, спорящая с Томасом и Альдо. А на него – ноль внимания.

Аня прибрала всё на кухне и ушла в магазин.

Рита грустила. Гулять она не пошла, учиться не хотелось.

Было около десяти часов с половиной, когда Руслан спустился, чуть более отдохнувший и расслабленный, чем вчера. Сказал просто «привет». Не подошёл, не обнял, не поинтересовался как она спала, как себя чувствует. Не успел он даже сесть за стол, Рита не выдержала:

– Ты меня совсем не любишь!

У дома остановилась машина. Раздался шум, быстро и резко вошли двое, в полицейской форме, следом не понимающий, что происходит Хэлф.

– Вы – Руслан?

– Да.

Полицейские были настроены очень решительно. Рите стало страшно.

– Вы обвиняетесь в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетней, в понуждении к действиям сексуального характера, поэтому проследуйте с нами.

11. Встреча с сорокалетним

Борьба со скукой шла полным ходом; Томас Форш решил собрать побольше информации про Лейлу, и изучив принесенное досье, начал проверять данные на её отца.

Файл с фотографией из архива не открылся четыре раза, после чего компьютер завис и отказался работать. Компьютер был поручен штатному специалисту; Форш пересел за второй и ситуация повторилась. Теперь у специалиста по компьютерам было две единицы техники для ремонта. Форш решил неувиденную фотографию отложить, и занялся изучением истории гибели мистера Джейка. Описание было странным. Самоубийство. Он, якобы, врезался на машине в отдельно стоящую колонку автоматической АЗС, располагавшуюся, условно, в чистом поле. Всё взорвалось и сгорело. Описание было невнятным. Опознание провели по каким-то кускам, без экспертиз. Как? Почему нет заключений специалистов? Кто видел, что именно случилось в чистом поле рядом с АЗС? С чего взяли, что это было самоубийство? Где достоверные данные о месте работы, и всё остальное, что предшествовало смерти?

Создавалось впечатление, что кто-то недовнёс информацию в систему, или наоборот, убрал информацию. Как интересно! Даже файл с фото поврежден. Как так? Отец Лейлы был полицейский, и такие скудные сведения о нём? Что за бред? Тайна, покрытая мраком.

Выискивая данные, Форш сделал пару запросов и решил перейти к расследованию другим путём, а именно: пригласить Лейлу поужинать. Рабочий день заканчивался, да и обед получился «смазанным». Форш набрал её номер, представился и сказал, что хотел бы поговорить об её отце. Не по телефону.

Встреча состоялась; кафе он выбрал вполне демократичное, уютное, удобное для разговора. Форш хотел, чтобы Лейла расслабилась. Расслабился сам; и после ужина, пригласил её домой. Разговор их, начавшийся на улице, продолжался за едой и после, и казалось, что Лейле не принципиально, где продолжать говорить об отце – они оказались у Форша дома.

На диване, предложив ей на выбор martini или кофе, он заключил, что вся имеющаяся информация о Лейлином отце, особенности её, количество и качество говорят о том, что ВСЁ ИНАЧЕ.

Форш попросил Лейлу описать то, из профессиональной деятельности родителя, что она помнит, и она рассказала – картинка выходила странной, не похоже было, что мистер Джейк работал в полиции.

Когда Форш предложил для обсуждения вывод о том, что всё сделано именно так, чтобы скрыть правду про жизнь её отца, и про его смерть тоже, вечер был уже неприлично поздним. Девушка рядом – привлекательной. Моральные установки – пошатнувшимися. У него. Да и мистер Джейк его интересовал только как повод к общению.

Томас Форш позволил себе лишнего, оправдывая сам себя тем, что это проверка, он к Лейле приблизился и провел рукой по плечу, жест был пограничным, мог бы быть растолкован как поддерживающий, общечеловеческий, но мог быть началом сексуальной игры.

Лейла закрыла глаза и откинулась на спинку дивана. Такого Форш не ждал. Кто кого проверяет? И как? Если он пойдет «дальше» – что потом? Горячая ночь? Удар коленом в челюсть? Рапорт его начальству? От неё ждать можно было всего. Форш остановился, не убрал руку, но и не продолжал. Она не открывала глаз. Тоже мастер провокаций. А потом расстегнула одну верхнюю пуговку на своей блузке. Что это? Ей стало жарко или приглашение к продолжению? Дурацкое было положение. Он должен был сейчас же прекратить, но хотелось продолжить. Но продолжать было рискованно.

Он спросил:

– Почему вы расстегнули пуговку?

– А почему вас это смутило? – ответила Лейла.

Не хватало только вопроса «хотите поговорить об этом?»

Форш хмыкнул. Она его проверяет? Может она и не устраиваться на работу пришла, может быть ОНА его ТЕСТ? Только вот кем назначенный? Кому могло понадобиться его проверять? Форш просчитывал варианты развития событий. Она сидела молча. И расстегнула еще одну пуговку. Безумие.

Или она уже готовый спецгент, его проверка, все эти истории про отца – выдумка; но ЗАЧЕМ? Кому он понадобился? Он, взрослый мужчина, опасается продолжить то, что начал сам... почему? Бойся удара в челюсть? Потерять работу за какое-нибудь моральное несоответствие занимаемой должности? Он никогда раньше не давал повода к такого рода проверкам. Да и будущих юных сотрудниц дальше столовой никуда не водил.

Эта девушка была особенная. Интересно, в мать или в отца, она такая красивая? Фото родителей у нее не сохранилось. Или сохранилось где-то? Он, по соображениям безопасности вынужден был вернуться к игре в следователей.

– Послушайте Лейла, Вы мне не рассказали. Где был ваш дом? До отъезда, где конкретно вы жили? Там может что-то быть из документов, фотографий, личных вещей и архивов?

– Нет, – не открывая глаз ответила Лейла, – Дом снимали, после того, как мы уехали, там произошла какая-то жуткая история. Точно ничего не сохранилось.

– Какая жуткая история?

– Самоубийство одного из жильцов. Не знаю. Дом пустовал; сейчас там капитальный ремонт.

– Самоубийство? В вашем доме? Чьё?

– Дом не наш.

– Чей?

– Не знаю.

– Адрес? Адрес то Вы знаете! Во всей Вашей странной истории с катастрофической нехваткой зацепок и конкретики должно быть хоть что-то настоящее. Например, адрес. Говорите!

Она назвала адрес. Форш вышел на балкон, извинившись, и позвонил другу.

– Сделай для меня одну вещь, пожалуйста! Мне нужны сведения. Проверить одну девицу. – Он рассказал про дом. – Что узнаешь, сообщи.

Вернулся.

– Два самоубийства в одной истории, и ничего не осталось – это странно. Впрочем, Вы хотели узнать ещё о каком-то человеке. Может быть назовете его имя?

Лейла задумалась. Застегнула пуговицы на блузке.

– Уже поздно, я поеду домой.

– Поздно, это не страшно. Вам ведь завтра не на работу. А когда Вы действительно решите вернуться домой – я Вас провожу.

– Это лишнее.

– Отнюдь. Вы молоды, привлекательны, времена нынче не спокойные и уже поздно. Этого достаточно для того, чтобы понять, что я Вас провожу.

Лейла усмехнулась.

– Оставайтесь пока. Мы ведь чуть не оказались в объятиях друг друга, но не обсудили самое важное. А кстати, если бы я продолжал? – любопытствовал Форш.

– Я бы не возражала.

– Почему? Вы ведь сказали днём, что я не в вашем вкусе.

Лейла усмехнулась еще раз. Смерила Форша взглядом.

– Одна подруга моя говорила, что встречаться с сорокалетними интереснее, чем с молодыми.

– Она была права, – улыбнулся Форш. – Что толку в молодых?

– А как бы Вы говорили, если бы Вам было двадцать?

Пришла его очередь усмехнуться.

– Если бы мне было двадцать, я б давно утащил Вас в спальню. А так готов рассматривать варианты. И даже спросить еще раз: о каком человеке Вы хотели бы узнать? И зачем? Может быть это связано со странной историей Вашего отца.

– Не связано совсем. Это личное, и то, что не нужно.

– Почему же не нужно, – он присел рядом и налил себе мартини, – если что-то Вас интересует, волнует, может быть тревожит – это ТО, что потребляет Ваш ресурс. Разберитесь с этим один раз – и станет легче. Может быть, я даже смогу помочь.

– Это вряд ли.

– Почему?

– Чем Вы можете помочь?

– Собрать информацию. Поменять отношение. Что я вижу, как только я задал вопрос об этом человеке – Вы напряглись и собрались домой – напряжение – первый и очень важный сигнал. У Вас есть проблема, она мешает Вам жить.

– Не мешает.

– Себя можете обманывать, а я не верю. Любые непроработанные вещи внутри мешают людям. Это закон. Обиженный человек таскает с собой обиды, и они утяжеляют его жизнь, влияют на его мысли, поведение. Неверящий в себя человек живет в обнимку со своим неверием и так далее. Вас что-то гнетёт, может быть такое, что вызывает стыд. Например, только например, Вам стыдно в чём-то признаться, Вы убедили себя, что это Вам не важно, замаскировали переживание от окружающих, но переживание никуда не делось. Оно ходит за Вами по пятам. Каждый день. Даже сейчас оно сидит рядом с Вами.

– Я не заказывала сеанс психотерапии.

– Это зря; Вам стало бы легче. Я не навязываюсь. Если Мы встретимся в моем рабочем кабинете – я сделаю предположение о том, на сколько этот Ваш секрет может мешать работе; если Вы решите вдруг не продолжать собеседование – я вздохну, может быть с сожалением, что мы потеряли перспективного сотрудника. Переживание Ваше – решать Вам. И жить Вам.

– Уж лучше бы Вам было двадцать, тогда бы уже все закончилось... в спальне.

– Но мне в два раза больше. Вы нравитесь мне как женщина мужчине, мы немного вышли за линию отделяющую формальные отношения от неформальных, я задаю себе вопросы: Что это? Почему? Что дальше? Не помешает ли связь, если она будет, моей и Вашей карьере? Цинизм.

– И правда, – согласилась Лейла.

– Заметьте, Вы сами пришли в организацию, деятельность которой связана с тёмными сторонами человеческой жизни. Цинизма добавится.

Лейла прошлась по комнате, постояла у окна. Обернулась.

Что в её душе? За блеском черных глаз, какие трагедии и тайны?

– Вы очень красивая, – сказал Форш, – правда. Если бы мне было двадцать, двадцать пять, даже тридцать, я бы продолжал комплименты. А так я вижу, что у Вас – незаконченная внутренняя работа, связанная с тем самым секретом, с вашей историей, и добавлять к этому еще и любовную интрижку, – надо ли? Хотя я – за.

12. Препятствия на пути

Вечер на заснеженную землю спустился морозный, темный, мрачный. Завывал ветер. По дороге, на которой отсутствовали фонари, Олег ехал к монастырю. Но вынужден был остановиться у поворота. Нехорошее предчувствие заставило заранее притормозить, Олег повернул и увидел: две машины бежевая, и темно-синяя, столкнулись, и перегородили дорогу. И объехать – никак; развернуться – не удобно. Людей не видно. Он вышел посмотреть, что случилось, и понял, что зря.

Как только он сделал первые три шага, фары его машины погасли. Заглох двигатель. Дверь захлопнулась. Стало жутко. Темнота сгущалась. Уплотнялась. Четверо тёмных окружили. Они появились как призраки, из ниоткуда. Похожие на тех, что избили его на острове, только одеты тепло.

– Привет, дорогой. Давно от тебя нет вестей! Ничего не сделал? Денежки взял, а отработать?

Холодный ветер пробирался под одежду, тёмные взгляды под кожу. Они наступали. Стало понятно, что если что-то нехорошее случится здесь – ему не помогут, даже не найдут. Световой день самый короткий в году. До ближайшего жилья – километров пятнадцать. Машины в этих местах проезжают редко, раз в час, если повезёт. Заметёт его тут белым снегом.

– Как же ты про нас забыл?

– Вы же сами..., – начал оправдываться Олег.

– Правильно, мы сами, и ты сам. Раз ничего не получилось там, поработай здесь. Мы тебе даже поможем. Надо только написать заявление, что Руслан тебе угрожал. И хотел убить. А почему? Потому что ты единственный свидетель его тёмных дел. Расскажешь, что он делает с Ритой, покажешь фотографии, где они обнимались на пляже. И ещё парочку, мы тут для тебя приготовили. Скажешь, что переживаешь за подростков, которых он развращает, использует в своих целях. Расскажешь, как все устроено, и как его головорезы не дают шагу ступить девочкам, погулять одних не отпускают, не то что в полицию заявить. Да и кто поверит сироткам. А тут еще и мальчика подобрал. Представляешь! Девчонок ему для развлечения мало, нашел симпатичного мальчишку. Воспользовался его положением. Разврат! Никаких моральных ценностей! Кстати, здесь, не очень далеко Рита раньше жила, здесь все думают, что Рита там лечится, а ничего подобного! И ты то правду всем и откроешь! Мы же не просто тебе деньги платили, теперь поборешься за справедливость. Пора закрыть этот притон! Должен Руслан получить по заслугам. Он ведь не в первый раз так, с малолетними сиротками. Так что сначала поработать, а потом уже в монастырь, отдыхать. Понял? Держи фотографии. И вот деньги, на расходы, и для пожертвований. Чтоб в монастырь потом взяли. И документы тебе новые. И все твои вклады в банках мы переоформим. Незачем в России с твоим паспортом ездить, искать тебя будут, старыми делами пугать. А мы сделаем так, что не найдут.

Олегу вручили пакет с документами, ключи от машины, даже новую куртку. Обо всем позаботились. И отправили с сопровождающим на тёмно-синей машине от монастыря в противоположную сторону.

Объяснив, куда и к кому заехать писать заявление.

– А уж ход делу мы дадим, не сомневайся. Сделай дело и гуляй смело, отдыхай спокойно! Затем и нужны независимые журналисты, как ты, чтобы акул империализма на чистую воду выводить!

Арендovanную машину они забрали, порванную собаками куртку и старые документы тоже.

Тот, кто сел к нему в машину сказал:

– Это не оттого, что тебе не доверяют, это на всякий случай, чтоб не случилось чего на дороге. Места малолюдные, дикие, опасно одному. Да и к нужному человеку я тебя провожу, чтоб не помешал никто, не чинил препятствий.

На трассе, в нескольких километрах от «собачьей» деревни, завидев свет фар встречного автомобиля, этот тёмный, в момент, когда автомобили почти поровнялись, неожиданно дёрнул руль, машина ехавшая напротив, тоже дёрнулась, избегая столкновения, попала колесами на ложную обочину, оставшуюся после прошедшего грейдера, и угодила в кювет.

Тёмный свою машину на дороге выровнял, вернул управление Олегу и сказал преспокойно:

– По твою душу пёс ехал, пусть отдохнет до утра; авось замёрзнет. Едем дальше, не переживай; у всех своя судьба.

Олег промолчал. На душе было погано.

Нилин ударился о руль. Подушки не сработали. Брякнули в багажнике приготовленные для собак разборные клетки. Машина носом мягко погрузилась в сугроб, заднее правое колесо смотрело в небо. Нилин вылез через заднюю дверь.

Стало понятно, что дорога шла по небольшой насыпи, и теперь самому автомобиль не вытащить. Нужен как минимум джип, как максимум трактор. Как на зло, на этом участке дороги сеть отсутствовала, телефон оказался бесполезен. Оставалось ждать редких попутных или встречных машин. Возможно до утра. И найти способ сохранить тепло.

13. Начало авантюры

Лейла ночевала одна, думала, что можно было принять предложение и остаться у Форша. Чем-то он был ей симпатичен, а может пугало одиночество. Она настояла на возвращении домой, он настоял на том, что её проводит. Он вызвал такси, довел её до самой квартиры. Лейла снимала маленькую студию на мансардном этаже. То, что Форш её проводил – было приятно. Сказал, что ждет её утром на работе; или днём в ресторане. Она и правда не знала, куда придёт и зачем, но стало ясно, что она встречается с сорокалетним. В два раза он был её старше. Мысли были всякие, о возможности и о недопустимости таких отношений со скуки, или чтобы не быть одной, или чтобы получить поддержку и расслабиться. Она готова была к близости вечером, у него дома, но он сам остановился. Наверное, к лучшему. Так нельзя. Для близости должны быть более веские причины, чем скука или одиночество.

Утро было серым, за окном мелкая морось, на душе зябко. Согрелась чаем, поняла, что не хочет сейчас никуда идти, никаких собеседований, тестов, проверок. Смотрела на убогую квартирку. Есть диван чтобы спать, есть стол и стулья, есть вода и чай, нет уюта. Нет денег, чтобы искать жилье лучше, да и не в деньгах дело. Уют он в душевной теплоте, его отсутствие – в любых помещениях, лишенных этой теплоты. У Форша дома было вполне просторно, прилично, даже красиво, но не уютно. Да и понятно, он приходил домой ночевать, питался в ресторанах, жил на работе.

Наводить порядок Лейле не хотелось, создавать уют желания не было. Она опять думала про Руслана, как он устраивал в самолете свою девочку, укрывал пледом. Зачем он дал ей телефон? Неужели он думал, что она соблазнится? Чем? Да и кто он такой?

Лейла набрала в поисковике его имя, в надежде на какую-нибудь информацию. Странно, как она не додумалась раньше. Современный мир с соцсетями, блогами и СМИ дает столько возможностей узнать человека, даже не общаясь с ним. Ей повезло. Появилось несколько ссылок. Она открыла первую, где значилось его имя, самую свежую, и прочитала: «Врач оказался преступником. Раствление малолетних. Смерти в семье и сексуальное рабство». Далее шло повествование о том, что он арестован. За связь с несовершеннолетней русской девочкой из приюта, которую под предлогом оказания медицинской помощи вывез за границу. Автор статьи делал прогноз, о том, что Руслану грозит несколько лет тюрьмы, девушку вернут в Россию. А далее шли сведения о том, что ранее этому человеку уже было предъявлено обвинение в изнасиловании несовершеннолетней, такой же оставшейся без родителей темнокожей девушки, за которую некому было заступиться. Злодей чудом избежал длительного тюремного заключения только потому, что жертва изменила показания. Рассказывалось про то, что два его ребенка и первая жена совершили самоубийство, не в силах находясь рядом с таким чудовищем. Его вторая гражданская жена, была очень юна, и пропала без вести, так же как и изнасилованная им темнокожая девушка. Преступник до сих пор на свободе. Говорилось о том, что ранее он жертвовал деньги на благотворительность с целью пустить всем пыль в глаза и завоевать сносную репутацию; сейчас он тратит деньги на развлечения, в доказательства прилагались фото, его, обнимавшего на пляже русскую девочку, фото с частным самолетом и другой девушкой, той, которую видела Лейла, их же фото в пустынном холле отеля премиум класса, его фото в ресторане с юношей. Автор выражал надежду на то, что на сей раз преступник не уйдет от правоохранителей, и никто из несовершеннолетних больше не пострадает.

Лейла рассматривала фотографии, было противно. Как он обнимал на пляже одну девушку, вёл по отелю держа за руку другую, разговаривал с юношей, вероятно пытаясь его соблазнить чем-то, и у всех его жертв – приятные, еще совсем детские, наивные и несчастные лица, на них следы страха, печали, растерянности.

Как можно лениться и мечтать нежится в кровати, или создавать домашний уют, когда такие ублюдки разгуливают по свету? Лейла собралась быстро и поехала к Форшу, полная решимости пройти все формальности, и приступить к обучению.

– Утро доброе, Лейла, вижу Ваше настроение сильно поменялось.

– Не сильно. Но я хочу получить положительное заключение!

– Мне интересно, зачем? Что такого произошло за ночь? – Форш в своей манере тянул время, задавал вопросы и наблюдал. – Вы так решительно настроены.

– Хотите знать? Я вам скажу! Я действительно хотела получить информацию об одном человеке. Я встретила его случайно, в самолёте. Он вел себя очень цинично и нагло. И еще он увозил из страны детдомовского ребенка. Мне ещё тогда всё это не понравилось. А сегодня я информацию получила, и я думаю отследить это дело, поскольку я была очевидцем некоторых событий – я дам показания! Преступник должен сидеть в тюрьме!

– Я заинтригован, – улыбнулся Форш, – кто же у нас этот злодей, вызывающий праведный гнев, и откуда у вас информация?

– Весь интернет пишет об этом.

– Да? Я видимо плохо слушал утренние новости.

– Я понимаю, что работа в силовых структурах может быть не женское дело, но пока существуют такие сволочи...

– Он как будто Вас лично чем-то задел, – заметил Форш, просматривая на экране монитора новостную ленту и не замечая ничего особенного.

– Именно!

– Покажите мне, – Форш сделал жест в сторону второго компьютера, починенного вчера после странной поломки. Пододвинул Лейле клавиатуру. И присел рядом.

Она набрала имя и открыла одну из похожих статей. Текст был изменен, суть и фотографии те же.

– Чем и как он успел обидеть Вас лично?

– Мне, моей подруге, и одному молодому человеку, также оставшемуся без родителей, он предлагал связаться с ним, встретиться и обсудить какие-то совместные проекты! Как он только понимает, у кого есть родители, а у кого нет! Всё рассчитано на то, что жертва сирота, и её никто никогда не будет искать! – возмущённо говорила Лейла.

– Чудесно!

– Что же тут чудесного? Отвратительно!!!

– Конечно, чудесно то, что есть шанс помочь следствию, если всё действительно так, как Вы говорите. – Форш сделал паузу и продолжил, глядя ей в глаза, – Видите ли, во всех статьях размытые формулировки, как будто следствие не определилось с обвинением. Написано так, чтобы потрясти умы домохозяек! А на деле – ничего не понятно. Не учтен возраст полового согласия. Путаница. Юридически странно выглядит. Может быть просто человек давно под прицелом, но реально на него ничего нет. Может быть кто-то из конкурентов для того, чтобы получить неизвестную нам выгоду заинтересован в том, чтобы очернить человека?

– Как нет? Он уже привлекался за изнасилование. Две девушки пропали без вести; И сейчас! Три подростка сразу, не много ли?

– Судя по фотографиям всем подросткам есть по шестнадцать. А это значит что никаких развратных действий нет, и все может быть добровольно. То, что юных дев могут привлечь деньги зрелых мужчин – не секрет. Так было всегда.

– Вы его защищаете?

– Я размышляю, – Форш покликал разные ссылки, – информация однообразная; текст почти один, автор не указан, все источники – с репутацией желтой прессы, и никаких официальных заявлений. Странно для серьёзного дела.

– Вы его защищаете!

– Да нет же, не кипятитесь! Я анализирую информацию, рассматриваю фотографии, и за Вашей реакцией тоже наблюдаю. Однозначно одно, Вы к нему не равнодушны.

– Как можно быть равнодушной к злодею!?

– А как Вы вчера ко мне? Сказали тут холодно «Вы не в моем вкусе» вполне профессионально. А этот брюнет, что же, в Вашем вкусе? Вполне приятный на вид, может быть все его так называемые жертвы – добровольно согласились быть с ним, а эти статьи, например, про иски конкурентов, чтобы создать человеку проблемы и вышвырнуть из какого-нибудь доходного бизнеса. Это я вас, Лейла, учу! Никогда в таких делах не стоит поддаваться эмоциям. СМИ почему называют четвертой властью, потому что информация управляет людьми. Пара гневных статей – и вы готовы засадить человека в тюрьму и лично давать показания против. А что Вы о нём знаете? Что Вы знаете о том, кто написал такую статью? С таким подходом, как у Вас не далеко до следственной ошибки! Ум должен оставаться холодным!

– Как? Пока кто-то насилует девочек?

– Да! Но здесь не сказано пока о насилии!

– Темнокожая.

– Его оправдали!

– За деньги! Он подкупил следствие, а свою жертву сначала заставил поменять показания, а потом просто убил!

– Возможно. И всё-таки, я Вам рекомендую, никогда не делать выводов, когда Вы даже не видите автора публикации и участников событий в реальности! Основная беда нашего времени – люди увидят что-нибудь в интернете и сразу же верят!

– Дело не в интернете!

– В чем же?

– В данном случае, я уверена!

– Что это? Ваше профессиональное чутье?

– Да!

Томас Форш задумался, он долго изучал фотографии, тексты, смотрел на Лейлу и наконец произнес:

– У меня тоже есть чутье. И поэтому я на полном серьезе предлагаю Вам пари! Я считаю, что этого человека оговаривают, и он не виновен. Дело выглядит очень странно и любопытно. Мое чутье против Вашего! Осталось решить, на что мы поспорим!

– На что хотите!

– А Вы на что хотите? Что Вы готовы поставить?

– Что у меня есть?

– Давайте так, – предложил Форш, – если Вы проиграете, Вы не пойдете работать в силовые структуры!

– А если Вы проиграете?

– То я признаю свой непрофессионализм и напишу рапорт об увольнении. Устроит?

– Устроит! Но как мы выясним, кто прав, кто нет?

– Очень просто! Вы свободны, я возьму отпуск и мы отправимся понаблюдать за этим делом поближе. Мне правда любопытно.

– У меня нет сейчас денег на путешествия.

– Значит Вам придется пока принять мою помощь, не переживайте, отдадите деньгами через пару лет. Если у Вас будет хорошо работает чутье, будет и работа, и хорошая зарплата, ну так что, идет? Поиграем в собственное расследование? Соглашайтесь! Это намного интереснее, и полезнее, чем курсы, на которые Вы собрались!

14. Преодоления

Нилин стоял под холодным ветром и думал, что делать? Ждать в машине и жечь бензин – неудобно и опасно. Просто ждать – холодно. Жечь костер, надеясь, что проедет попутка – можно, но ненадежно. Есть риск пригреться и уснуть. По его расчетам до деревни оставалось километров пятнадцать, и он решил идти. Если будет попутка – ему повезёт, если до утра никто не проедет – есть шанс, что за три – четыре часа он доберётся до населенного пункта, или места, где телефон начнет ловить сеть.

После Европы русские просторы с темнотой, холодом, снегом, отсутствием освещения, людей и машин воспринимались странно. Страх не было. Возникло ощущение нереальности происходящего, будто из обычного «цивилизованного» привычного мира он попал в дикий, древний, другой. Враждебный и опасный.

Отойдя метров на пятьсот от заваленного в кювет и бесполезного сейчас авто, Нилин думал правильно ли он поступил, что решил идти? В этом бесконечном сугробе он был один. Водителя, буквально столкнувшую его с дороги, и цинично умчавшуюся в снежную даль, он посчитал пьяным. Зла не было. Досада была. Ведь до места оставалось так не долго на транспорте и так долго пешком; но идти лучше, чем сидеть и ждать. Он знал страшные истории про шофёров, север и холод. Но в его случае населенный пункт был всего в нескольких часах размеренного шага, и он шёл. Надеясь на то, что ему не встретится на дороге волков.

Рита позвонила Алисе:

– Где вы? Мне страшно! Руслана сейчас арестуют и посадят в тюрьму, а меня отправят в Россию. Я боюсь, очень.

– Что случилось?

– Приехали полицейские, сказали что его арестуют и посадят в тюрьму, а меня отправят в Россию.

– Рита, думай о том, что всё будет хорошо. – Алиса схватила за руку Мишку, посмотрела на Альдо, – ЧП, надо вернуться, – и очень быстрым шагом пошла домой. Бежать мешал живот.

Она приблизилась к дому и увидела полицейских, их автомобиль, и напряженную сцену. Руслан стоял, выдерживая напор, два сотрудника полиции явно давили. Она ворвалась в ситуацию огненным толстым драконом. Неожиданно для полицейских, Руслана и даже для себя.

– Что здесь происходит? Я общественный защитник! Кто вы? Какие у Вас есть основания приезжать сюда?

– Этот человек должен проследовать с нами!

– На основании чего?

– Для дачи объяснений!

– На основании чего? Не подставляйте себя и свое начальство! Скорее всего дело, по которому вы здесь – сфабриковано, а значит у вас будут проблемы. Поэтому давайте разбираться на основании чего вы здесь.

– Мы имеем право проводить любые проверки!

– Не любые! Ваши полномочия ограничены законом! Тут гражданин Франции! Вы уведомили посольство? Собрали нужную информацию? Скажите мне внятно, на основании чего вы здесь находитесь? Не можете? Я вам объясню. Очень завистливый и запутавшийся в жизни человек сказал ложь! Вы поверили лжи и совершаете серьёзные ошибки.

Полицейские немного растерялись. Оттого, что на них теперь давил большой огненный дракон в форме беременной девочки, оттого, что маленький мальчик подошёл, обнял отца

за ноги и смотрел на них снизу вверх большими тёмными глазами, находится в поле его взгляда становилось некомфортно. Один, что помоложе, даже отступил на шаг.

Алиса глянула на Мишку и продолжала.

– Сейчас я запишу ваши данные, имена, телефоны и уезжайте. С Вами свяжется адвокат и мы преодолеем все препятствия. Вы поймете, что ошибались. У нас всё хорошо, всё спокойно и законно.

– Выдвинуто обвинение в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетних, – уже менее решительно сказал старший.

– Кем? Все несовершеннолетние здесь, учат математику с физикой, законные представители несовершеннолетних говорят о том, что всё хорошо. Сначала разберитесь с ситуацией. Вас подставляют! Понимаете?

– Девушка, Вы оказываете сопротивление представителям власти!

– Я вам объясняю, что с Вами свяжется адвокат, и мой, и Руслана, и всех, кого надо. Зачем вы приехали? У вас нет оснований, нет полномочий! Зачем вы здесь?

– Провести проверку!

– Провели? Провели, пишите что всё хорошо и уезжайте! Я звоню в посольство и говорю, что власти в вашем лице нарушают конституционные права граждан иностранного государства. Вам лучше поговорить с адвокатами, чтобы разобраться, что проблемы нет, а есть провокация. И делать честно свою работу! В данном случае вас втягивают в неприятную историю, а я стараюсь вас защитить!

– Сигнал пришел из России! Там тоже подключится посольство.

– Конечно! Потому что один идиот уехал в Россию и оттуда мутит воду! Вот и ищите его и проверяйте его! Или поручите это компетентным органам и не втягивайтесь в международный скандал!

Миша держался за папу и плотно дышал. Алисе стало весело. Она усилием воли скрыла эмоцию, и сделав серьёзное лицо сказала очень мягко:

– Пожалуйста, пожалейте себя и свое начальство. Вам не нужно ведь огромное количество жалоб и скандалов на пустом месте. Вы проверили адрес – здесь всё спокойно. С источником информации разберутся компетентные люди. Это старый древний конфликт, вам надо просто сделать запросы во все официальные службы, чтобы всё понять!

– Девушка! Поступила информация, что на территории нашего участка совершается преступление в отношении несовершеннолетней.

– Какое?

– Сексуального характера!

– С дуба рухнули? Ей шестнадцать лет. В этом возрасте можно всё! И если несовершеннолетняя чем-то недовольна – она сама об этом скажет! А вам сказал мужчина! Совершеннолетний! Который сам хотел эту несовершеннолетнюю, понимаете? Он не смог с ней ничего сделать, уехал в Россию, его там покусали собаки, он тронулся мозгом и строчит доносы.

– Материал независимого расследования!

– Какого расследования? Я вам точно говорю, Руслан – уважаемый человек, а ваш материал – это бред сбежавшего маньяка! Смотрите ЗА свой материал, кто за ним, и что человек хочет. Ему конечно пофиг, если вас уволят за профнепригодность. А вам? Вы разумные люди.

Тут Мишка очередной раз надулся, вдохнул и выдыхать начал колючую, почти видимую силу. Молодой полицейский пошатнулся, как от внезапного головокружения. Тот, что постарше выдал последнее:

– Российская девушка...

– Сидит и учит уроки, – закончила Алиса, – всё у нас тут хорошо, добровольно и законно. Так и напишите. Проверка проведена, сведения не подтвердились! Так лучше будет всем. А все формальности – с адвокатами. Оставляйте телефоны и закончим это!

Мишка выдохнул ещё раз и полицейский постарше почувствовал неприятные позывы в разных частях ЖКТ.

Он взялся за живот.

– Вас отравили информацией! Вы же смотрите, что вы едите! Надо ещё понимать, что вы читаете и слушаете! До свидания! Всё будет хорошо! Давайте я распишусь где-нибудь!

– Попозже! Мы приедем позже, – заторопился старший полицейский.

– Туалет в доме, – показала рукой Алиса.

Старший удалился, младший, пошатываясь, дошел до автомобиля.

– Покажите мне ваши бумаги, – сказала Алиса ласково, почти обнимая молодого.

– Сейчас старший вернется ... – молодому было тяжело.

В доме, увидев растерянную девушку и молодого человека полицейский, скрывая смущение спросил: «где туалет»? Рита и Хэлф неуверенно показали на нужную дверь.

Его рвало.

Рита вышла на улицу. Увидела Руслана и Мишку, держащего папу за ногу, испугалась ещё больше, того, что Руслана сейчас увезут. В это время подошли Альдо, Фома и Даниэла с Рэнди. Томас неуверенно приблизился к полицейской машине.

– Похоже Гаррис написал какую-то гадость, – объяснила Алиса, отодвигаясь от молодого стража порядка.

– И что теперь?

– Теперь протоколы, адвокаты и наказание виновных. Кого-нибудь точно уволим, возможно, не Вас, – она очаровательно улыбнулась полицейскому, и потом продолжила, снова обращаясь к нему:

– Вы же нам помогали; или кто-то из Вашего подразделения. Проверите потом, был вызов на этот адрес, потому что неизвестные бандиты или наркоманы избили другого наркомана. И всё перед нашим домом. А теперь тот самый наркоман влюбился в нашу девочку – вон, видите, она стоит, поехал в Россию и там пакостит. Дурак. Но вы то, разумные люди! Во всём разберетесь. А Руслан очень хороший и добрый человек, это запомните; любит детей! А не то, что вы подумали.

– Алиса! Что ты творишь? – тихо сказал Руслан.

Отпуск был уже оформлен, когда Форшу позвонила Лейла.

– Я подумала спокойно, и поняла, что вынуждена отказаться.

– Ну здравствуйте. Почему? Вы поняли, что проиграли пари?

– Нет.

– Бойтесь проиграть?

– Нет, у меня сейчас нет денег на путешествие, и я не хочу быть Вам обязанной.

– Бросьте, Лейла. Это глупости.

– Потребуются билеты, деньги на проживание и еду. У меня нет таких средств.

– Потребуются также деньги на вашу маскировку. Но это не проблема. Давайте считать, что это подарок от Санта Клауса. Скоро рождество, каждый имеет права на рождественскую премию.

– Мне неудобно принимать такие подарки.

– Это обмен. Скажу честно, мне было скучно, и я не знал, чем развлечь себя перед рождеством. Вы подарили мне прекрасную детективную историю, а также подарите возможность обсуждать с Вами её детали в режиме реального времени. Я принимаю этот подарок. И приглашаю Вас в маленькое приключение по мотивам нашего спора. Поверьте, деньги не проблема, особенно когда они есть.

– У меня-то их нет, и это проблема, – твердила Лейла.

– Не выдумывайте! – не сдавался Форш. – Вы просто боитесь, что однажды после ужина я приглашу Вас к себе в номер, не бойтесь! Я могу даже пообещать, что не приглашу! Я ведь не в Вашем вкусе, к тому же старый. Хотите пообещать? И давайте уже собирайтесь. Надо заняться вашей неузнаваемостью. Кроме того, мы поможем восстановить справедливость и защитим общество от опасного маньяка – стоит ли жалеть время и деньги на такую благородную цель?

– Мне действительно интересно поехать. Давайте договоримся, что при первой же возможности я верну Вам потраченные на меня деньги, и Вы их примете.

– Хорошо, обещаю, что ещё? Пообещать не приставать к Вам?

– Это тоже!

– Торжественно обещаю не приставать! Но для конспирации нам иногда придётся изображать супружескую пару. Не в постели разумеется, только в ресторане, – он рассмеялся.

– Вы пообещали!

– Конечно. Я заеду через час. Готовьтесь.

Форш положил трубку, а Лейла продолжила сомневаться. Все затеянное было безумием! Лететь в другую страну с малознакомым мужчиной, проводить независимое расследование деятельности другого мужчины, не имея ни опыта, ни средств, ни специальных полномочий. Она позвонила еще раз:

– Послушайте, Мистер Форш! Надо остановиться! Как мы будем добывать нужную нам информацию, не имея никаких прав? Вы придумали какую-то авантюру и втягиваете меня. Давайте никуда не поедем.

– Боже мой! Вы же так молоды, должны быть легки на подъём. Не хотите ехать со мной в авантюру – давайте поедем в отпуск! Найдем мы, как добыть информацию. Общение с людьми, просто общение – вот главный кладёзь информации. Мы сделаем так, что не надо будет ничего добывать. Информация сама потечёт нам в руки, или в уши, или в глаза, Лейла, собирайтесь уже, я выезжаю.

И второй раз у неё не получилась отказаться. Странное волнение мешало сосредоточиться на подготовке к путешествию. К волнению примешивалось любопытство, авантюризм, которого никогда не было заметно раньше, и еще какая-то непонятная ей легкая радость. С чего вдруг? Весь этот коктейль бурлил и мешал быть сконцентрированной и серьёзной. Минуты до приезда Форша стремительно летели, их оставалось всё меньше. Лейла с трудом взяла себя в руки, аккуратно сложила немногочисленные вещи, и всё, что нужно в дорогу, но успокоиться не могла. Мысли о том, что их поездка может оказаться полезной и помочь несчастным детям или работникам правоохранительных органов никак не приживалась в голове, вместо этого появлялись ощущения, что всё это безумие и бред. Появился даже мимолетный страх, и Лейла подумала, что они могут столкнуться с настоящей мафией и опасностью, и их, знающих правду, устроят так же, как и пропавших без вести двух молодых женщин, но она решила не бояться.

– Вы понимаете, что мы серьезно рискуем? – сказала она приехавшему Форшу.

– Разумеется! Кто не рискует, тот не пьет шампанского! Вы, надеюсь, любите шампанское?

– Я не употребляю алкоголь, – строго сказала Лейла.

– Бывает, – философски произнес Томас Форш, взял собранную Лейлой сумку и пошел вниз.

15. Сложности понимания

Гаррис сделал всё, как просили, и снова остался один. Одиночество сдавливало виски, противно было на душе, и ни в какой монастырь, конечно, уже не хотелось. Да и что за бред ехать в монастырь к калеке. Олег поехал в город – найти гостиницу, алкоголя и покупного женского тепла. Мысли о том, что Рита останется одна, вернётся в Россию и может быть даже достанется ему, стали приятны. Он летел по заснеженной дороге и мечтал о нежном, когда раздался телефонный звонок. Это был Нилин. Олег долго думал отвечать или нет, и брать трубку не стал.

Порвать с прошлым. Всех забыть. Вызов повторился несколько раз и прекратился. Потом пришло СМС: «Олег, если ты рядом с домом Руслана отзовись, нужна помощь».

«Разводка или ловушка», – подумал Олег и поехал дальше.

Он добрался до города, и уже лёжа в теплой ванне вспомнил об оставленной на пустой дороге машине, которая вчера вечером слетела в кювет. Кто там был? Нужна ли была помощь или человек справился сам? Или человек из машины выбрался невредимым, но не дожид до утра. Какая разница? Это ведь сделал не он. Это дела тёмных. Олег просто сидел рядом, лишь на секунду упустив руль. Телу было тепло и приятно. И никаких женщин уже было не нужно – только спать.

Нилину не спалось. И вот почему: он провел интенсивную походную ночь и добрался до жилья. Когда рассвело, ему помогли достать машину, он вернулся в деревню, нашёл нужный дом, взял у соседей ключи. Растопил печи, его угостили вкусной горячей едой, рассказали все местные новости, предлагали оставаться в тепле, и ждать, пока прогреется пустовавший несколько месяцев дом. Нилин посидел немного и ушёл. Он проверил печи, особым образом разложил на улице приманки для собак и собирался немного отдохнуть, когда пришло сообщение от Халлика: «Будь осторожен, у Руслана заморочки с полицией, Алиса подозревает, что это Гаррис напакостил».

До недавнего времени Нилин считал Халлика подчинённым и сообщение в таком тоне и виде ему не понравилось. Но он стерпел. Надо было следить за печами, за улицей, принести воды, развесить сушиться покрытые ледяной коркой вещи. Он даже решил, что растопит баню, чтобы погреться вечером. И отвлекался на мысли об этом, но его снова потревожили.

Томас Халлик по телефону спросил:

– Почему ты вчера не сообщил, как прибыл на место?

Это было уже слишком и Нилин возмущенно ответил:

– Я прибыл очень поздно, почему я должен отчитываться?

– Руслан волнуется.

– Я не ребенок, чтобы за меня волноваться!

– Все мы дети божьи, – пошутил Халлик, и добавил: – давай теперь, просто сообщай где ты.

– Кому? – еле сдерживая раздражение спросил Нилин.

– Лучше всего Альдо.

– Это кто так решил?

– Руслан, и он попросил меня с тобой поговорить.

– Он так занимается кадрами?

– Ты только не огорчайся, но кадрами теперь занимается Алиса, – судя по голосу, Халлику было весело.

– Что значит Алиса? Какая?

– Девочка. Часто бывала у Руслана в гостях. Ты наверняка помнишь. Та самая.

– Девочка? Занимается кадрами? Ты пьян?

– Спокойно. Тут у нас всякие сложные события, ты меня просто послушай пока; потом приедешь и изложишь письменно все свои претензии и предложения по кадровой политике.

– Томас, ты не много на себя берешь?! – не выдержал Нилин.

– Вообще я взял на себя только детей. Ты послушай. У нас серьезные изменения. По жизни попадают странные типы, которые провоцируют, вредят, угрожают, разводят. Ощущения от них неприятные. Руслан говорит, что с ними нельзя вступать в конфликт и выяснять отношения. Лучше уходить, убегать, вызывать полицию. Я считаю, что их надо игнорировать. Чтобы не цепляли совсем. Алиса считает, что они проявляются в ответ на напряжения и питаются нашими страхами, как в фильмах ужасов. Из того, что я знаю точно: они могут внезапно оказаться рядом в самый неподходящий момент, нечаянно толкнуть в бок, отчего например разобьётся телефон с нужным контактом, или ещё что-нибудь испортится важное. При этом будут делать вид, что они хорошие. Но если смотреть на них внимательно и долго – становится ясно – они убийцы. Ты меня понял? Такие злобные качки, обычно одеты в тёмное. У нас появляются на чёрных мерседесах. Видел таких?

Нилин хотел ответить «нет» и обвинить Халлика в том, что он много пьёт и бредит, но вспомнил вечерний инцидент с автомобилем, водителя которого он посчитал пьяным. А по сути, его просто столкнули с дороги.

– Слушай дальше, и не говори что я спятил. Есть версия, что они питаются негативными эмоциями; и есть еще одна версия – они не люди. Раньше тебе не говорили, потому что они касаются только Руслана. Но сейчас ты поехал по его делам и поэтому ты тоже рискуешь. Руслан не сказал тебе сразу, потому что он... короче, совсем не прав. Но сейчас это важно знать. Нилин, ты понял? Подумай обо всем хорошо, твоя задача никого не трогать, ни на кого не реагировать, найти собак и приехать к нам. Если есть опасения, нужна страховка или поддержка – пожалуйста, скажи. У нас мало людей, но что-нибудь придумаем. Альдо считает, что ты не должен был ехать один. Но в общем сейчас уже такая фигня получилась... короче, надо думать, как тебе вернуться. Давай я приеду.

– Я не понял, Руслан мне не доверяет?!

– Ты ни х... я не понял, Нилин! Демоны по дорогам ходят. Настоящие!

– Халлик, ты меня разыгрываешь?

– Нет. Я тебе на полном серьёзе говорю, что есть неизвестные странные типы, представляющие опасность. Как в кино про монстров, только они не в кино, а рядом с нами. Если тебе нужна поддержка – я приеду. Я спрашиваю потому, что тут три подростка, женщина и два маленьких ребенка, нас трое, и Руслан пока не боец. Плюс проблемы с полицией. То есть, по честному сказать, будет хорошо, если ты привезешь собак сам, но если ты чувствуешь угрозу или ещё что-то – ты должен сказать.

– Ты в своем уме, Томас? Это равносильно тому, что я должен тебе сказать, что мне страшно. Такого не будет.

– Вот ты упёртый, Нилин. Сказать, что страшно и принять меры – лучше, чем молча накрутиться об этот страх. Нилин, давай без обид и левых понтов. Если ты чувствуешь тревогу, страх, опасность, ты должен доверять этим чувствам! Ты пройдешь только если ты чистый совсем и тебя ничего не цепляет! В любом случае, ты должен регулярно сообщать где ты.

– Я не верю тому, что ты говоришь, – сказал Нилин.

– Пошел в ж... пу, – Халлик бросил трубку. И Руслану сидящему рядом:

– Где ты его такого дубового нашел?

Руслан устало посмотрел на Халлика и перезвонил Нилину:

– Томас сказал правду.

– Почему ты не сказал сам?

– У меня бы получилось ещё хуже. Пожалуйста, будь осторожен, и если нужна поддержка или страховка – обязательно сообщи. Прости, что я не сказал раньше.

– Кто сейчас старший? – недовольно спросил Нилин.

– Сейчас сложная ситуация; каждый сам себе старший; все вместе и каждый сам по себе. Это не работа, Сергей. Это – моя просьба помочь. Мы столкнулись с такой силой, что я не могу действовать, как в армии. Не имею права. Я и так уже совершил очень много ошибок. Сейчас каждый решает сам. В любой момент каждый может выйти из игры чтобы отдохнуть, остаться живым или по любым личным соображениям. Эти проблемы связаны со мной, Алиса считает что с Ричардом. Я должен был тебя предупредить раньше. Предупреждаю сейчас. Это очень серьёзно. И опасно. Подумай. Сейчас не время для ложной гордости, жёсткости и демонстраций. Я очень тебя ценю, но я не знаю насколько ты готов к тому, во что мы вляпались.

И тут случилось нечто, что добило Нилина окончательно.

– Что вы развели сопли и его пугаете? Отдай мне телефон, – раздался молодой звонкий женский голос. – Это Алиса. Всё будет хорошо, Вы встретите собак и спокойно привезёте их к нам. Если захочется делать это в компании – скажите. Если есть желание ничего не делать – тоже скажите. Любое неправильное действие – серьёзный риск, любое правильное действие – правильное. Всего доброго! До связи, – и женщина положила трубку.

Нилин сидел и тупо смотрел на замолчавший телефон.

– Супер, – сказал Альдо. – Ты думаешь, твоя последняя фраза как-то человеку поможет? Так с ума сойти можно! У тебя получилось ещё хуже, чем у Фомы и Руслана.

– Как бы ты сказал? – поинтересовалась Алиса.

– Я его совсем не знаю, – Альдо в ответ только развел руками.

– Он хороший, военный и такой жёсткий. Немного как поезд, – пояснила Алиса.

– Ну и пусть прёт, как поезд.

– Нельзя, – включился Руслан, – на любую агрессию или жёсткость тёмные усиливаются; а их не взять просто силой. Я тебе гарантирую. Тёмные разводят на физический конфликт, на столкновение, в котором они победят. Надо действовать внутренним спокойствием.

Альдо долго и очень внимательно смотрел на Руслана и ему показалось, что он заглянул в его внутренне спокойствие, которое было за усталостью, за внешним волнением, за пониманием опасности, и как почудилось, ЗА СМЕРТЬЮ. Там, в том измерении было круто, но сделать шаг туда – страшно. На том самом внутреннем уровне. Альдо стряхнул наваждение и отвёл взгляд.

– Я знаю, – сказала Алиса. – Это касается качеств воина Духа.

Она снова взяла трубку и позвонила Нилину:

– Сергей! Ты очень сильный, внутри! Когда ты посмотришь внутрь, за свою броню, жесткость и лишние принципы, за «можно» и «нельзя», ты найдешь там свой Дух и настоящую силу! Ты справишься! До встречи.

Альдо почувствовал, что у него медленно дымится крыша.

Томас подошел к холодильнику и достал бутылочку пива.

Хэлф взялся за голову.

Руслан поднял глаза на Алису.

– А что? – оправдываясь, развела руками Алиса, – так ведь всё и будет...

16. Почему важно быть отдохнувшим

Когда на Руслана «наезжали» полицейские, сами плохо понимая за что именно, Руслан слушал, соображая медленно и соотнося в голове вопросы территорий, подследственности, статей уголовного кодекса, своего гражданства, гражданства и возраста Риты; он собирался возражать, но появилась Алиса. С Майклом.

Алиса сильно не раздумывала, она начала сыпать вопросами и контраргументами сразу; бодро, быстро, уверенно, резко. Миша стоял и молча сообщал Руслану уверенность. Потом началось что-то странное, что Руслан плохо понимал, но полицейских просто «выдавили» с территории. Руслан догадался, что не только словами. Словами Алиса помогала.

Они отразили первую атаку и выиграли время.

Когда полицейские уехали, на Руслана «наезжала» Алиса, за то, что он хронически не в форме, довёл себя до ручки, плохо соображает, у него элементарно не хватает энергии на защиту, и его пробивают все кому не лень, даже полицейские.

Алиса сказала, что нужен адвокат и созвонилась с ним, потребовав от Руслана денег.

Потом звонила Ирина Ивановна, нервная и очень нелогичная, почти в истерике, и Руслан долго объяснял ей что у Риты всё хорошо.

Рита кричала, что не поедет в Россию.

Потом звонил инспектор, и Руслан снова разговаривал с Ириной Ивановной, Ритой, и этим русским инспектором по делам непонятно чего, предлагал им включить скайп и увидеть своими глазами что всё в порядке. Посмотреть на Риту и условия её проживания.

После разговаривал с консулом.

Олег Гаррис на звонки не отвечал, Нилин тоже.

За Нилина Руслан волновался, сказал об этом вслух, в результате на него «наезжал» уже Альдо; говорил, что у них мало людей, и в такие поездки человек не должен направляться один. Вспоминая свою встречу с тёмными на бескрайних русских просторах, Руслан очень чётко осознал, что Альдо прав... да, один не должен... но было поздно.

Потом снова Ирина Ивановна и инспектор, со скайпом.

Риту успокоили, объяснили что ей надо спокойно рассказать о том, как она живет, учиться и себя чувствует. Рита показала свою комнату, учебники, кухню, себя, пляж, улицу, снова дом, Майкла и Даниэлу; Ирина Ивановна немного успокоилась.

Руслан говорил с врачом, потом с Ритой. Нашёл переводчика, чтобы врач смог позвонить Ирине Ивановне и российскому инспектору.

Потом беседа с адвокатом, адвоката с местным инспектором, и Руслана с местным инспектором.

Разговор с друзьями из полиции.

Разговор с адвокатом.

Звонок в деревню в Россию, чтобы узнать что с Нилиным всё в порядке.

Вечером разговор с парнями про тёмных, Нилина и все эти недоразумения с полицией; было стыдно за то, как получилось, Нилина заранее не предупредили, а потом загрузили так, что стало ещё тревожней.

И вот, когда все разговоры безумного и длинного дня были закончены, и хотелось просто упасть на кровать и ничего больше не слышать и не говорить, Руслан на лестнице увидел Риту. И она сказала:

– Ты меня не любишь!

С этого утро началось, он помнил; за день у Риты накопилось, что сказать, обросло эмоциями, домыслами, подробностями, материалами и бесспорными доказательствами. Рита гово-

рила. Очень хотелось не слушать, и ответить ей что-то вроде: «я внимательно ознакомлюсь и отправлю ответ на электронную почту» или «с Вами свяжется мой адвокат».

– Тебя не интересует ничего кроме моей учебы, ты даже ни разу меня не поцеловал. Ты едешь в массажный салон, чтобы...

– Не продолжай.

– Спишь с разными негритянками, лишь бы...

– Остановись.

– Я вообще тебе не нравлюсь, если тебе нравятся блондинки, так и скажи!!!

– Какие блондинки?

Голова медленно раскалывалась, Руслан пошёл вниз, чтобы попросить у кого-нибудь таблетку аспирина.

– Если я тебя совсем не интересую как женщина, то так и скажи! – Рита спускалась следом и остановить её не представлялось возможным.

Все участники совещания по вопросам Нилина ещё сидели за столом и синхронно повернули головы в сторону Риты. Рита увидела Фому, Хэлфа и Альдо и вдруг её истерика начала трансформироваться в напряжение другого типа. Ночь действовала на неё странно. Ночь затекала в нее, зажигала глаза странным блеском, меняла позу, наливала алым губы...

Всё происходит как бы само собой... и вот уже с лестницы на мужчин смотрит не нервный ребенок, а юная нимфоманка, девочка – демон, и стреляет бездонными черными глазами прицельно... на поражение...

Фома ориентируется быстрее всех: «Ладно, я спать», и хмыкнув, проходит мимо Руслана и Риты. Руслан понимает, что сейчас начнется нечто похуже, чем просто истерика. Альдо отводит взгляд. Только Хэлф не обращает на Риту внимания, потому что его страдания по другому субъекту еще не завершились.

Поднявшись по лестнице вверх и обойдя Риту, Томас оборачивается, стоя за её спиной смотрит на Руслана, достаёт свой телефон и что-то пишет. У Руслана сигнал пришедшего смс. Он читает: «Где ты таких берешь, любитель экстрима?» После букв – смайлики, они смеются, плачут, и снова смеются.

17. Sacrum

Сначала – почти отчаяние. Руслан видел, чего Рита хочет. Просто секса. «Венера отправляется гулять», и не важно с кем. Ему важна любовь, ей сейчас – только удовольствие, без мыслей о целях и последствиях. Ей плевать на то, что Руслан устал, она хочет тепла.

Следующей странной стадией его состояния стала благодарность Артуру за его книгу. «Предупрежден, значит вооружен», всё бешенство Руслана, все похождения Риммы по бесконечным любовникам, описанные там, вся история непонимания и разрушения их пары – как на ладони. Они разные! Их интересует разное, ей надо в одну сторону, ему в другую. Честность, порядочность, приличия, нравственность, верность – эти понятия совсем ей не интересны. Ей нужен только секс. Что он делает рядом с этой женщиной? Зачем?

Она давно, раньше, умудрилась пройти через постель половины его знакомых. Он не мог понять, как он это выдержал. Противно.

Сейчас – стыдно перед парнями за её нескромную позу и слишком откровенный взгляд. А что было раньше? Если его не было? Она отправлялась в объятия любого, кто согласится первый!?

Захотелось отправить Риту в Россию, объяснить, показать что он устал, от гадостей прошлого, от сегодняшнего дня, от её неблагодарности и эгоизма; хотелось увезти её из своей жизни и никогда не встречаться с ней больше. Сказать о том, что на неё он зря тратит время, нервы и деньги; что для того, чтобы заниматься сексом, не надо учить историю и математику, заканчивать школу, размышлять о реализации. Можно прямо сейчас бездумно нырять в ту грязь и отсутствие жизненных перспектив, туда, откуда он предлагает ей выбраться. Руслан хотел сказать, что сотни девушек мечтают о такой жизни, как у Риты сейчас, о возможностях, которые Рита не ценит.

Руслан думал, как это выразить, добрых слов не подбиралось, и он понимал – для Риты выйдет обидно. Молчал. Думал.

Несколько мыслей спустя у него получилось, что Рита не виновата в том, что с ней происходит. Она сейчас ребенок, без опыта, без понимания себя и своей безумной сексуальности; она ощущает энергию на уровне половых органов и ничего не осознавая, идет за инстинктом... а Руслан, такой взрослый и умный, стоит и Риту осуждает, обвиняя в безнравственности.

Риту никто не любил в детстве, не обнимал и не рассказывал добрых сказок; ей никто не дал нормальной базы, уверенности и ощущения себя; она выросла так и теперь Сила находит Риту, поднимается от Земли по ногам, возбуждает, и не пробившись никуда дальше, её же и губит.

Она, как любой ребенок ищет любви и тепла, но сталкиваясь с первым проявлением недетского в себе наивно отдает это первому встречному, не понимая, что это; не ценя себя, не защищая; она думает, что секс – это и есть любовь.

Сколько таких, совсем еще юных существ, не осознав ни себя, ни очарования своей женственности, оказываются в грязи, даже не начав сиять.

Как часто бывает так, что люди мнут цветы раньше, чем те распустятся. Обрывают лепестки и нежные листья, совсем без надобности, просто проходя мимо. Некоторые цветы защищаются, ядом или шипами; некоторые не защищаются ничем. Так и девушки, попадают в грубые руки, остаются искалеченными, то, что расцвело в них, не видит света. Секс, в своей самой простой и грубой форме, делает их женщинами. Нежность умирает, оставляя только тоску в душе. Общество осуждает таких женщин, как бесчувственных или развратных. И всё это длится веками.

Каждая рождается, чтобы быть счастливой и украшать мир любовью, но...

Сейчас,

Рита искренне открывает то, что появилось, то что есть... без приличий, ритуалов, правил...

Руслан подошел и Риту обнял. Закрыв от всех. Он стоял ступенькой ниже, чувствовал её тело. Конечно, хотелось быть вместе, но после тем визитов и разговоров сегодняшнего дня, в голову лезли «развратные действия, растление малолетних, склонение к действиям...»;

вдох – выдох

он провел рукой по Ритиным волосам, плечам, спине... оставил ладонь там, где её крестец, тот самый, что по латыни называется sacrum, и сказал Рите на ушко: «ты чувствуешь что-нибудь здесь – подними это выше...»

Рита подняла на него полные непонимания удивленные глаза.

«... то, что ты чувствуешь, как возбуждение – проведи сейчас наверх... внутри, через живот, сердце, шею... Вместе со вдохом, представляй и пробуй...»

Рита поверила, вдохнула, и у нее закружилась голова.

18. 18 +

– Можно тебя спросить...

– Спрашивай.

Руслан спустился вниз во второй раз, теперь без Риты, искать ту самую заветную таблетку аспирина. Он таблетку не нашел, налил себе воды, добавил лимона и сахара. Сел напротив. Посмотрел Альдо в глаза. Тот был... озадачен.

– Что это было? С Ритой... и что ты сделал? – спросил Альдо.

– А что ты видел? – Руслан держал в руках стакан с водой, – это серьезный вопрос. От того, что ты видел зависит то, что я отвечу.

– Я видел, как она... – Альдо не знал, как описать словами; Руслан ждал, пил маленькими глотками воду с лимоном.

– Я видел..., – дальше наступило несвойственное Альдо смущение, то, что он легко и пошло сказал бы про Риту любому другому, сказать Руслану оказалось сложно.

– Ты её любишь? – спросил Альдо.

– Мы обсуждали то, ЧТО ты ВИДЕЛ, – Руслан вернул его к месту заминки.

– Сложно сказать приличными словами.

– Скажи какими можешь, мне больше восемнадцати лет.

Альдо задумался. Потом произнес:

– Точно, про 18..., она сначала была в своем стиле, а потом стала как будто 18+; я понял почему ушел Халлик, у него это называется «сейчас начнётся», он видимо пятой точкой чувствует проблемы, разборки, скандалы... и..., – Альдо опять замялся, – всё было так, так выглядело, как будто она...

– Давай скажи уже, тебе ведь тоже 18+.

– Не могу.

– Почему?

– А если я не скажу...

– Сделаем вид, будто ничего не было.

– А если скажу и тебе это не понравится?

– Ты задал вопрос; чтобы ответить тебе я тоже задал вопрос, уточняющий. Понравится мне или нет твой ответ не очень сейчас важно. Реши сам, что тебе лучше получить ответ или не знать.

Альдо встал резко, собираясь уходить, но понял, что он уснуть не сможет, ЭТО будет свербить в нем до утра. Осознания были не очень приятные, но бояться он не привык, да и наглости было не занимать.

– Хорошо, я скажу. Она смотрела так, что если бы я тебя не знал, не знал что она с тобой, и она бы так подошла ко мне – я бы с ней переспал.

Стало легче оттого что сказал, но неприятно оттого, что будет теперь. Немного стыдно.

«Ты бы и знал, переспал бы с ней», – подумал про себя Руслан. Мерзкие эмоции из прошлого, от той самой книги, от рассказов Алисы про Мяу; от возможного варианта развития событий этой жизни. Рита в прошлом спала с тем, кто оказывался рядом в момент, когда ей этого хотелось. Она плевала на всех и всё, просто получала удовольствие. От понимания этого волной поднимались и закипали все разом: ревность, злость, гнев, отвращение, обида, отчаяние; взрывались, бурлили и копошились внутри, и сейчас, и раньше. Раздирали его на части.

А люди не могли ей отказать. Римме. Мяу. Рите. Или той силе, которую она проводила через себя?

Руслан эмоции свои прогнал. Сделал несколько медленных выдохов, несколько глотков. И спросил спокойно:

– Что ты увидел потом?

Альдо облегченно выдохнул. После своего признания, он готов был как минимум к драке.

– Потом ты к ней подошел, её обнял, и она как будто поплыла. Как газом на нее действовали, и вы ушли наверх. Вот что я видел.

– Назовём то, что ты увидел – «режим 18 +», – начал Руслан, он пообещал, теперь он должен был объяснить, – Рита включила этот режим, точнее он включился сам. Когда сексуальная энергия начинает действовать, подростки, чаще всего, не понимают, что именно с ними происходит. Сказать «половое созревание» – ничего не сказать. Очень часто как в мультиках; объект, желание и сердечки из глаз. Это бывает. Потому что сексуальная энергия – это самое сильное что у нас есть. Она базируется внизу, ниже энергетического центра отвечающего за безопасность и благополучие, ниже сердца, ниже мозгов. Эта энергия захватывает власть и говорит человеку «давай сделаем это» в народе нынче это обозначается не очень приятным словом «трахаться». Это происходит, энергия растрачивается на уровне низа. А на самом деле человек сложное создание, у него есть разные энергетические каналы, разные центры, и эта самая энергия могла бы быть питанием для того, что выше. Но это всё сложно; этим надо заниматься, это надо чувствовать, изучать, осознавать. Люди обычно не парятся, они просто трахаются. И не развиваются дальше. Но ЭТО к людям приходит. С разной степенью интенсивности. Иногда сильно. Как к Рите.

Я когда подошел к Рите, я сказал ей про канал. Про то, что силу, которую она чувствует как возбуждение, можно поднять вверх, и немного помог. Но Рита была не готова, и канал не готов, ей стало плохо. Вот и всё. Теперь она спит.

– Какой канал? – Альдо смотрел на Руслана как на инопланетянина.

– Ты ведь не думаешь, что ты состоишь только из скелета, нервов и мышц, и не считаешь, что индусы и китайцы на своих картинках о строении человека рисовали ерунду.

– Что они рисовали?

– Энергетические каналы и центры; и скажу тебе сразу, они это делали много лет назад, и вот настало время, когда физики подтвердили – каналы есть, по ним текут токи, которые можно отслеживать и фиксировать приборами. Что некоторые и делают. Так что последние годы всё это – «научно».

Альдо переваривал информацию, как мог.

– Хочешь сказать, что все эти крутые боевики, где нажимом пальца на одну точку человека вырубает – это не фантастика?

– Разное бывает кино. Бывает такое, где правда близко.

– Ты всё это знаешь?

– Никто не знает ВСЁ ЭТО... я немного этим занимался. Раньше. Совсем чуть-чуть.

– Если ты мне сделаешь так же как Рите, у меня тоже ноги ватными станут?

– Мы потом проверим, если ты захочешь. Но сейчас я устал. Я, если честно, полгода назад устал, если не больше. Поговори с Алисой. У неё, наверно, лучше выйдет объяснить.

– Она знает про такие вещи?

– Она много чего знает.

– Эта девчонка?

– Ты с ней поговори. Я тебе обещал рассказать, что было. Я ответил на твой вопрос? Было через Риту электричество одного типа, я немного вмешался, оно начало движение и трансформацию, и у Риты предохранитель перегорел. И не важно сексуальная энергия пошла в ход, или какая-нибудь другая... ЭТО = СИЛА.

19. Ловить на живца

Идея ловить на живца родилась внезапно. Она пришла в голову Лейле, проверять Руслана по настоящему. И информацию получить тоже настоящую, а не наблюдать, замаскировавшись со стороны. Форш предлагал изменить внешность, и играть, например, супругов; Лейла предпочла играть саму себя. Форш отметил, что идея рискованная, но после обсуждения согласился.

И вот, ночью, когда Руслан собирался дойти от Альдо до кровати, и наконец-то на кровать лечь, раздался звонок. Номер был ему не знаком.

– Да.

– Здравствуйте. Вам удобно говорить? Там, где вы находитесь, ещё не слишком поздно?

Руслан не узнал женский голос. Подумал, что это кто-то из полиции, или из консульства, или ещё откуда-нибудь в продолжении этого безумного дня. Хотя была уже глубокая ночь.

– Говорите. Всё нормально.

– Это Лейла. Вы помните, мы встретились в самолёте. Вы мне оставили номер.

– Да. Здравствуйте. Очень хорошо, что Вы позвонили. Я рад.

Его голос был совсем не радостный. Почти как у автоответчика. Совсем без эмоций. Это отметил Форш, сидящий рядом с Лейлой, и слышавший разговор, и Альдо, от которого Руслан далеко отойти не успел.

– Вы говорили, что мы могли бы встретиться и обсудить что-то...

– Да.

– А как?

– Где Вы находитесь, Лейла?

– Во Франции.

– Было бы очень хорошо, чтобы Вы прилетели. Потому что я не смогу сейчас сделать это сам. Но очень хочу встретиться. Если у Вас есть время – я куплю Вам билет. Тогда мы сможем увидеться и поговорить.

– Я уволилась из авиакомпании, и у меня никого нет, кто мог бы помочь. Я хотела устроиться на работу, но один мужчина, от которого зависело, примут меня или нет, он начал ко мне приставать, и он забрал часть моих документов.

– Паспорт у Вас остался?

– Паспорт да.

– Прилетайте, пожалуйста. Будет легче решить всё при личной встрече. Если это возможно. У Вас получится спокойно добраться до аэропорта? Или нужна помощь?

– Надеюсь. Но мне не на что купить билет.

– Не беспокойтесь. Деньги не проблема. Если у Вас есть время...

– Время – единственное, что есть. Мне немного страшно приезжать. Согласитесь, все так необычно... я долго не могла решиться и позвонить, но сейчас такая ситуация.

– Какая?

– Мне не на что жить, и я уже сказала, тот мужчина... у меня никого нет, ни родителей, ни родственников...

Это подчеркивалось специально, по плану; чтобы «развязать маньяку руки». И шло всё по плану, как и предполагалось, Руслан отвечал:

– Лейла, приезжайте. Выберите удобный рейс, я куплю Вам билет, здесь я Вас встречу, и надеюсь смогу Вам помочь. Все будет хорошо, не бойтесь. Вы сможете доехать до аэропорта или он за Вами следит? Угрожает?

– Смогу.

Билет был куплен.

- Руслан, кто тебе звонил?
- Девушка. Незнакомая. Мне надо с ней поговорить.
- Ты уверен? – недоверчиво уточнил Альдо. После всего, что сегодня было еще нужно говорить с девушками? Это не к добру. Не боишься?
- Ей уже есть восемнадцать.

Руслан пообещал встретить Лейлу в аэропорту.

До вылета прямо в зале ожидания Лейла обсуждала с Форшем детали связи с ним во время их спецоперации. Форш, разумеется, летел этим же рейсом. Они сидели в стороне от людей у окна и разговаривали очень тихо, но внезапно Форш поднялся и ушёл в неизвестном направлении. Он перезвонил через пару минут:

– План корректируется. Нам придётся прямо тут делать вид, что мы не знакомы. Не ищите меня глазами, просто слушайте. Недалеко от вас молодой мужчина, с кожаным портфелем, в темно синем костюме. Шатен. Видите? Теперь смотрите дальше, как будто ищите взглядом другого человека, и идите. Просто гуляйте, будто скучаете и смотрите по сторонам. А я расскажу. Первая приятная неожиданность уже есть. Этот с портфелем, которого Вы видели, адвокат, он работал с Русланом по делу с темнокожей. Не смотрите на него больше, разве что вскользь. Не исключено, что он летит в нашу сторону. Видать, заварушка есть.

– Откуда знаете?

– О Руслане я собрал доступную информацию. Этот человек с ним знаком. А мы не знакомы. Случайно окажемся на соседних креслах, я лечу в отпуск, Вы по своим делам, в самолёте и познакомимся; до встречи.

Лейла сделала круг по залу ожидания, посмотрела на витрины Duty free, и присела недалеко от того самого адвоката, чтобы получше его рассмотреть. Он и правда был молодой, в отличие от основной массы пассажиров читал не электронную книгу, а печатное издание, выглядел весьма официально, видимо летел работать. Лейла отметила, что Форш поступил схожим образом, изображая скуку он прошел мимо и сел тоже так, чтобы рассмотреть получше нового персонажа.

При посадке оказалось, что персонаж летел бизнес-классом. Обсуждать они это не стали, ведь были ещё не знакомы, но отметили оба. Перед самым вылетом Руслан перезвонил Лейле, извинился, что не сможет её встретить лично, сослался на дела, которые никак нельзя отложить, важную встречу, и сказал, что ждать её в аэропорту будет некто Вернер Хэлф, который проводит её до отеля. Изображая испуг, Лейла уточнила что за отель, якобы для того, чтобы сообщить подруге. Сообщила конечно же Форшу. Он совершенно случайно забронировал там номер для себя.

Прилетев, передвигаясь медленно, наблюдая за адвокатом и не упуская Форша из вида, Лейла нашла своего встречающего, самого обычного парня, в светлой куртке и джинсах; никаких черных костюмов мафиозных секьюрити – всё было просто: парень вежливо поздоровался, взял сумку, и повел Лейлу к машине. Адвокат укатил в неизвестном направлении на такси. Форш поехал на другом такси за Лейлой.

Её приключение началось. Страшно не было. Она чувствовала себя вполне уверенно, даже с незнакомым мужчиной, направляясь в неизвестное ей место. Она понимала риск, понимала, что в самом крайнем случае она может столкнуться с силами и ситуацией, с которыми ей не справиться в одиночку и она может пострадать, но надеялась на Форша и на справедливость, которая в любом случае восторжествует. Лейла молчала, глядя в окно на пейзажи южного острова.

– Руслан занят, – сказал ей парень, – он позвонит, как только освободится. Сейчас заедем в супермаркет, там можно купить чего-нибудь покушать, рестораны в Вороклини почти все

закрыты, сейчас не сезон, а до ужина несколько часов. Но если хотите – можно пообедать в городе.

– Спасибо, я не хочу.

Лейла в магазине скромничала, в результате парень сам выбрал и купил для неё две пятилитровых бутылки воды, чай, кофе, пакет молока, местный йогурт в глиняном плоском сосуде, закрытом бумагой, мёд, хлеб, печенье, какой-то соус, масло, сыр и овощи.

С этим набором он отвез её в небольшой отель. Номер оказался двухкомнатным: гостиная соединенная с кухней и маленькая спальня. Вернер оставил её вещи на диване, пакет с продуктами поместил на обеденный стол, обошёл её новое жилище, проверил, работают ли краны и выключатели, выглянул в окно; извинился за Руслана еще раз, попрощался и уехал, оставив свой телефон для связи, если вдруг понадобится что-либо.

Через несколько минут совершенно случайно в этот же отель заселился Форш. Они встретились на соседних балконах. И решили спуститься вниз, для беседы.

– Водитель его на вид грустный. Видимо чувствует, что нехорошему делу помогает, – поделилась впечатлением Лейла.

– Что говорил по дороге?

– Ничего. Почти не говорил. В ресторан предлагал заехать, еды мне купил. Могу чаем теперь угостить. Если это не опасно?

– И что может быть опасного? – поинтересовался Форш.

– Вдруг жучки в номере.

– Я про это и не подумал. Вы смотрели много шпионских фильмов, должно быть. Приходите в мой номер, там нет жучков. Мало ли, за сахаром к соседу зашли. По легенде. Сахара то он купил?

– Нет.

Они пили чай у Форша и обсуждали отель – вполне уютные апартаменты, совсем недалеко от нужного адреса. Никаких замков с подвалами, к которым морально готовилась Лейла. Потом внизу начался шум – оказалось в отеле жили спортсмены, какая-то молодежная сборная, они собирались на тренировку, галдели внизу.

Но Лейла была уверена – всё это – лишь для того, чтобы её расслабить и заманить в настоящую ловушку. Руслан позвонил через три часа, сказал что заедет и они смогут поужинать. Лейла волновалась и ждала внизу. Форш скучал в холле.

Руслан приехал на такси. Выглядел уставшим и совсем не похожим на того богача-злодея, которого рисовало Лейле воображение все последние дни.

Он спросил, как она долетела, сказал что очень рад встрече, поинтересовался, какую кухню она предпочитает.

– На Ваш вкус, – играя, сказала она.

В такси он молчал. Не проявлял никаких особых эмоций. Думал о своём. Говорить начал только в ресторане. Приятный и «тёплый» был у него голос.

– Тогда в самолёте, я случайно услышал часть Вашей истории. Мне очень жаль. Вы так молоды.

«Конечно», – подумала Лейла, – «именно это тебе и нравится. То, что меня некому защитить».

– Расскажите что-нибудь. Что случилось у Вас с работой?

– Я сейчас ищу другую. Я много могу делать. Хоть пол мыть.

– Глупости. Если Вас взяли на работу в авиакомпанию, значит Ваши способности и перспективы достаточно хороши.

– Но уволили.

– Это не важно. Не надо нигде мыть пол. Вы молодая, красивая девушка. Надо выбрать то, чем хочется заниматься. Профессию по душе.

– Что толку выбирать? Везде одно и то же.

– Не везде. Я понимаю, что Вы столкнулись с неприятным Вам домогательством.

Но не все мужчины такие.

– Вы думаете?

– Да. Вам надо несколько дней отдохнуть, расслабиться, послушать себя, понять чего же Вам хочется.

– Даже смешно, – сказала Лейла. – Миру наплевать на то, что мне хочется.

– Это Вы сейчас так говорите, потому что в себя не верите, – возразил Руслан.

– Я не знаю, как это мне верить в себя.

Он чуть было не взял её ладони в свои, жест был такой, будто он хочет это сделать, но он остановился.

Лейла отмечала детали и продолжала игру. Отлучилась в туалет, чтобы отправить Форшу геопозицию и смс с названием ресторана. Вернулась. Руслан молчал. Сказал потом:

– Я понимаю, то, что я сделал тогда в самолёте – глупо. Но времени ничего придумать лучше у меня не было. Вы мне очень понравились, поэтому я и оставил телефон. И правда рад, что Вы приехали.

– А что будет сейчас?

– Я пока не знаю. Зависит от того, что Вы хотите, что Вам нравится.

– Я Вас не понимаю.

– Извините. Я никогда раньше не был в такой ситуации. С мужчинами мне как-то проще.

– Проще что? – удивленно спросила Лейла.

– Проще разговаривать. Проще договориться.

– О чём, если не секрет?

– Не секрет. Но давайте о Вас. Если Вам нужна помощь – я готов Вам помочь, если Вы можете пожить тут какое-то время – тоже хорошо. Мы сможем познакомиться и лучше узнать друг друга. Может быть, я даже вспомню, где мы раньше встречались.

– Мы встречались? – спросила Лейла.

– Есть ощущение, что да. Кроме того раза, в самолёте. Это чувство меня и побудило оставить телефон.

«Сколько хитрости», – думала она, – «и всё ради чего?». Лейла решила перейти в наступление.

– Тогда вы летели с девушкой, это ваша дочь?

– Нет.

– А кто она Вам?

– Не знаю, как объяснить, я сопровождал её сюда. По доверенности. Ей мало лет.

– Зачем ей быть здесь. Она же русская?

– Это сложная история. Она тут живёт, учится, а я выполняю функцию опекуна. Она из России, но здесь ей лучше.

Лейла смотрела удивленно.

– Понимаю, что странно звучит.

– А где она сейчас?

– Недалеко от того места, где Ваш отель, я снимаю дом. Хотите, поедem к нам. Вы сможете с ней познакомиться.

– Хочу, – сказала Лейла, – мне плохо одной.

Это было правдой только отчасти. Ей надо было любой ценой попасть в его дом.

– У нас как раз ситуация, когда сложно остаться одному.

– Почему?

– Дом не большой, очень хотелось жить на самом берегу, и лучше варианта не нашлось, и сейчас там дети, подруга, Рита, парни.

– У Вас есть дети? Им сколько лет?

– Четыре. Они близнецы.

Лейла хотела задать каверзный вопрос про исчезнувшую молодую мать, но Руслан сказал сам:

– Их мать пропала без вести несколько месяцев назад. Поэтому сейчас я уже думаю о том, что если Вам нужна помощь – я могу постараться помочь Вам, но не сильно близко знакомясь. Вокруг меня последнее время происходят странные события. Близкое знакомство может быть опасным. Но у меня есть друзья во Франции. Есть возможность помочь Вам с учёбой.

– Я не понимаю, зачем Вам это! Вы все время говорите помочь, помочь... чем и как вы можете мне помочь?

– На самом деле всё просто и пошло, – грустно сказал Руслан. – Я могу оплатить обучение, решить вопросы с жильем, может быть где-то посодействовать с трудоустройством. У меня во Франции много знакомых. И всё. Больше я ничего и не могу.

– Зачем Вам это? Я не понимаю.

– Я раньше был в руководстве крупного благотворительного фонда. Фонд существует, работает и выделяет деньги.

– Я Вас не понимаю, – Лейла начинала злиться. – Вы же не будете устраивать мою жизнь просто так.

– Не буду. Я же сказал, все что я сейчас могу – это только помочь финансами.

– А что взамен? Так не бывает. Не зачем тратить деньги просто так, – она всё ждала, что Руслан скажет ей о компенсации интимного плана, но услышала.

– Вот послушайте. Вы молодая, умная, красивая девушка. У Вас сейчас нет средств на образование. У меня они есть. Точнее у Фонда. Допустим, Вы хотите быть врачом. Или учителем, или тренером, не знаю... Вы потратите деньги на обучение, Вы заканчиваете университет, получаете хорошую специальность, именно ту, которую хотите, и, например, лечите детей. А может быть строите хорошие дома. Или изобретаете новую технологию, полезную для общества. И когда-нибудь, вы тоже помогаете кому-то. Вы отдаете деньги не мне, вы передаете их дальше, тем, кому это будет нужно. И если я узнаю, что Вы добились успеха – это будет приятно; даже кино про это есть. Помогать людям – это нормально.

– Я Вам не верю, – сказала Лейла.

– Тогда зачем Вы приехали? – просто спросил Руслан. – Если к этому вынудила Ваша жизненная ситуация – верить не надо. Надо воспользоваться шансом её исправить, вот и всё.

Этот мужчина нарушал все её планы! Никаких домогательств, грязных намеков, хоть чего-нибудь...

Звонить и кричать Форшу, что этот маньяк совсем сумасшедший и предлагает ей учиться?

– Наверно мне будет легче, если я поговорю с той русской девушкой, живым человеком, которому Вы помогли...

– Думаю не будет, – со странной улыбкой сказал Руслан, – но поговорить Вы можете. Только она плохо говорит на английском.

– Я хорошо говорю на русском.

– Здорово.

Он расплатился. Лейла снова ушла в туалет писать Форшу, что они едут к Руслану домой. Надежда на продолжение спецоперации снова появилась.

20. Реки света или разговор, которого не было

- Алиса расскажи мне, какие бывают каналы?
- Бывает Босфор и бывает срединный. Тебе про какой рассказать?
- Алиса хитро улыбнулась.
- А где находится срединный канал?
- Где-где, посередине.
- А ещё что есть? Из этой же области. Расскажи, – попросил Альдо.
- Чудесные меридианы.
- Ты издеваешься? Я серьёзно ведь.
- Альдо, я серьёзно ответила. Срединный канал посередине. Это точно. Его именно поэтому так и назвали.
- И что это такое?
- Невидимый шланг внутри тебя. Образно выражаясь. На самом деле не шланг, такая штука типа трубки, но её сложно увидеть и потрогать.
- Ты откуда знаешь, что он есть?
- Альдо, тебе зачем? – подозрительно глядя ему в глаза спросила Алиса.
- И ты знаешь про энергетические центры?
- Ты курил?
- Причём тут это?
- Тебя вчера срединный канал не интересовал. Иногда человек покурит чего-нибудь странного, увидит что-нибудь ещё более странное и спрашивает: что это за светящаяся фигня? А другой странный человек ему скажет – это срединный канал.
- Ты издеваешься?
- Нет. Извини. Я смеюсь. Но так бывает. Человек светится. Знаешь, как индейцы каналы называли? Реки света. Правда ведь красиво!
- Какие реки, Алиса?
- По человеку текут реки, как бы, и он светится. Как если бы фосфора переел. Но не так.
- Ты смеешься?
- Не очень... это всё Ричард.
- Что Ричард?
- Мой ребенок, Ричард. Он видит иногда реки света, и иногда смеётся. А я хватаю от него.
- Что? Как? Я ничего не понимаю.
- Мы все связаны, даже когда напрямую не связаны. Как огромная паутина. Как интернет. Всё связано со всем, все со всеми.
- Всё, замолчи! Не говори больше ничего такого! Я сейчас отойду, и будем считать, что я никогда у тебя ничего такого не спрашивал.
- Хорошо, договорились, – мило улыбнулась Алиса.

21. Два Томаса

Собрались ехать к Руслану. Форш был предупрежден, Лейла готова, вечер темён. Когда сели в такси Руслану позвонил мужчина. Лейла слушала очень внимательно:

– Да, Бик.

– Необходимо встретиться ещё раз. Это срочно.

– Минут через сорок я подъеду, – сказал Руслан.

«Все решится за сорок минут?» – с удивлением подумала Лейла.

Руслан посмотрел на неё грустно. Он думал о том, что все эти юридические разборки очень его отвлекают, сложно расслабиться и поговорить спокойно, сложно переключаться с одной задачи на другую. Скомкан разговор в ресторане с Лейлой. Сейчас придётся снова ехать к адвокату, а может быть ещё куда-то. Несмотря на то, что вечер. Он пригласил Лейлу в гости и в результате оставит её одну с обитателями их дома. И что там будет? Спасало только то, что сентименты сил не было. Он рассудил так, если предупредить Лейлу заранее – она откажется ехать, и решил не предупреждать.

Таксист остановил машину у маленькой виллы на берегу. Внутри горел свет.

– Главное, ничему не удивляйтесь.

Лейла приготовилась увидеть декорации из триллера. Руслан открыл дверь. Из холла просматривалась обычная гостиная, соединенная с кухней и обеденной зоной с большим овальным столом. За столом сидел светловолосый круглолицый мужчина. Вполне мирного и добродушного вида. В противоположной части помещения, на диване, девушка. Та, которая была на фото с частным самолетом. Сейчас она была с ноутбуком.

– Алиса! У меня к тебе огромная просьба, – начал Руслан.

Девушка медленно поставила ноутбук на диван и поднялась. Лейла увидела, что девушка беременна.

– Лейла, это Алиса. Она побудет с Вами, со всеми познакомит, всё расскажет. Мне очень надо уехать. Дождитесь меня, пожалуйста. Извините, что так получилось. Алиса, позаботься о нашей гостье, пожалуйста. Я скоро вернусь, – сказал Руслан и ушел.

Беременная Алиса не спеша приближалась, круглолицый мужчина остался сидеть за столом.

Стало тревожно. Лейла была одна, в незнакомом доме. Рядом странная беременная девица и явно человек из охраны. За добродушным видом Лейла разглядела крепкую фигуру. Если он один – возможно она с ним и справится. Обилие окон оставляло надежду на побег. А если не один?

Алиса подошла к ней, мило улыбнулась, но в глазах её Лейла увидела включившийся «сканер». Алиса явно проверяла... но что? На что? Глаза её содержали в себе как будто сложный просвечивающий прибор, ощущения у Лейлы были такие, что с неё считали все штрих-коды, проверили паспорт и ИНН, отправили на рентген и электрокардиограмму. После чего Алиса сказала себе под нос «ну ну». И снова мило улыбнулась. Очень коварной улыбкой. И спросила:

– Давно путешествуешь одна?

– Не очень, – напрягаясь внутри ответила Лейла.

– Чай, кофе, сигареты?

– Я не курю, – ответила Лейла.

– Ну ну, – снова сказала себе под нос Алиса и жестом пригласила Лейлу к столу. – Можно ведь на ты? – уточнила она.

– Конечно, – кивнула Лейла.

Алиса обошла круглолицего мужчину и приобняв его сзади, сказала:

– Это у нас Фомочка, он хороший.

– Сто процентов гарантии, – подтвердил мужчина. Он был очень крепкий. Алиса повисла на нём, обхватив за шею сзади.

«С таким нелегко будет», – думала Лейла. – «Зато если он захочет сделать что-нибудь нехорошее – легко справится. Громила.»

– Хочешь покушать? – ласково спросила Алиса, обходя громилу, которого она назвала Фомочкой.

– Нет, спасибо. Мы были в ресторане, – сдержано ответила Лейла.

– Круто. Тогда надо выпить за знакомство, – и Алиса достала бутылку красного вина.

И три бокала.

– Я не пью, – сказала Лейла.

– Что, вообще нету вредных привычек? – удивленно спросила Алиса, – человек без вредных привычек – не натуральный. Я вот: пью, курю. Фома, что ещё?

– Врёшь, – добавил громила.

– Вру, – согласилась Алиса, – я бы лучше сказала: иногда выдумываю, фантазирую, прикалываюсь, но у нас не принято спорить с Фомочкой; раз он сказал я вру – значит вру; но в остальном – я Ангел, как и Фома. Если с нами дружить – жизнь будет очень хорошей. – Алиса улыбнулась.

Все это выглядело для Лейлы как установление правил для новичков, как в сериалах о преступных сообществах. Во время отсутствия шефа ей объясняли, кто главный. Девушка держалась очень нагло. Она была такой еще молодой, с большим животом, и уже совсем бесстыжей. Не исключено, что именно её Руслан назвал подругой, а значит она помогает ему в тёмных делах. Она снова обошла крупного и казавшегося Лейле грозным добряка Фомочку, с которым не принято спорить, внимательно и зловеще посмотрела Лейле в глаза и спросила страшным голосом, прямо у него над ухом:

– Зелёного чаю или черного?

– Алис, ты чё? – удивился тот.

– Расслабься, я знаю, что делаю, – она слегка и с удовольствием помяла его плечи, – и налей мне винца, please.

«Какая развратная», – подумала про Алису Лейла.

Громила послушно начал открывать бутылку. Когда он вставал за штопором, Лейла отметила, что он высокий. Должно быть очень сильный. Но медленный. Не спеша он вытащил пробку, понюхал её и вопросительно посмотрел на Лейлу, жестом предлагая выпить. Она сделала отрицательный жест.

– Зелёный чай, – сказала Алиса, – выводит токсины. Полезен для ЗОЖ.

– ЗОЖ это что за зверь? – поинтересовался громила, наливая вино себе и Алисе.

– Это, ну типа кто не курит и не пьёт, тот здоровенький помрёт.

В их притоне этот стишок в исполнении беременной девушки с бокалом вина в руке прозвучал особенно цинично. Но Лейла держалась. За кружку с зелёным чаем.

Алиса медленно пила вино.

– Что ж, надо познакомиться. И всё объяснить. Кажется так сказал Руслан. Лейла, что тебе не понятно? – Алиса смеялась.

«Издевается. Думает, ей всё можно. Значит, отвечать будет вместе с подельником», – думала Лейла.

Алиса мелкопакостным тоном продолжала:

– Итак, милая Лейла. Чтобы всё объяснить надо понимать, что уже успел объяснить Руслан, и что хочешь понять ты.

– Руслан сказал, что может помочь.

– О да, это он может, он только и делает что всем помогает, – перебила Алиса. – заслуженный помощник, – и уточнила, – а помочь кому и в чём?

– У меня возникли сложности с работой. Дело в том, что один мужчина, используя служебное положение, ко мне приставал, – начала Лейла пересказывать легенду.

– И? – заинтересовалась Алиса, – ты уложила его ударом одной левой? Приставателя?

– Нет.

– А как? Ногой с разворота?

Громила хмыкнул.

Лейла начинала Алису тихо ненавидеть.

– Хорошая подсечка тоже вариант, а потом..., – не унималась Алиса.

Всё стало ясно. Эта мафия её рассекретила. Поэтому они ведут себя так, уехал Руслан, ей не верят. Интересно только, что будет дальше? Заманят в глухое место, запутают следы и убьют?

– Извините, есть у вас туалет? – спросила Лейла.

– Был, – засмеялась Алиса, и показала направление.

Форшу ушло сообщение: «В доме тихо. Р. уехал. Один громила „Фома“ и противная девица „Алиса“, беременная, пьёт, с фото с самолетом. Похоже знают, что я хорошо дерусь. Откуда?»

Форш задумался. Слово «громила» ему не понравилось.

Он написал ей: «Можешь выйти? Наш отель близко. Метров 500. Выходишь лицом к морю, поворачиваешь направо, от моря вверх через дорогу переходишь и налево. Посмотри карту. Придумай что-нибудь, пока нет главного. Пообещай вернуться. Сообщения удаляй сразу». Карту с маршрутом он прислал. Их разделяло несколько строений.

Лейла вышла, и подозвала Алису.

– Мне надо ненадолго в отель. Здесь рядом. Я скоро вернусь.

– Зачем? – спросила Алиса.

– Надо.

– Зачем?

– Просто взять одну вещь. Это иногда бывает внезапно, ты как женщина должна меня понять. Я вернусь.

– Может быть я смогу найти то, что тебе нужно здесь? – поинтересовалась Алиса.

– Нет, я скоро вернусь.

– Ну ну, – сказала Алиса, и позвонила Руслану, – твоя Лейла собралась в отель, говорит что вернётся. Что делать?

– Пусть кто-нибудь проводит, – прозвучал ответ.

– Фомочка, прогуляйся с девушкой. Ладно? Она что-то забыла в номере у себя, и возвращайтесь.

Громила снова послушался, встал, одел куртку и вышел с Лейлой на улицу. Шли к отелю молча. Ждать Лейлу он остался в внизу, в холле. Лейла быстра поднялась по лестнице и поступалась в номер к Форшу.

– У них там просто логово; охрана; меня не отпускают одну; эта Алиса, видимо потому что беременна от главного, себя считает такой же, и командует; ему отчитывается. Он приехал и поручил меня ей. Громила её слушается, когда я захотела выйти – она сразу же стала звонить Руслану. Там такая обстановка, как в притоне. Я отказалась выпить, эта девица сказала: кто не курит и не пьёт, тот здоровенький помрёт, они пьют и считают это нормой; при том что она беременна. Громила ждёт меня внизу в холле.

– Успокойся. Давай подумаем спокойно насколько это опасно, и надо ли тебе продолжать.

– Конечно надо. Именно так они и заманивают детей.

– Сомневаюсь, конечно. Я случайный постоялец отеля. Спустишь-ка я вниз, погляжу на твоего громилу. А ты выходи минут через десять. Если я сделаю вот так, – Форш показал условный знак, – операция отменяется. Небольшой риск есть, и я не хочу чтобы ты рисковала собой.

– Нет, мы должны довести это дело до конца. Если испугаюсь я – то как еще вывести их на чистую воду? Будем продолжать..

– Хорошо, по обстановке посмотрим, – сказал Томас Форш.

Томас Халлик, ожидая Лейлу, изучал журнал. Он сидел на маленьком диванчике, разглядывая рекламу на пестрых глянцевых страницах, когда заметил, что по лестнице спустился мужчина, заглянул в пустой бар, потом в сторону выхода к бассейну и наконец направился к нему.

– Зажигалки не найдется?

Томас Халлик отрицательно помотал головой и пояснил:

– ЗОЖ.

– Извините, я не понял, – Томас Форш подошел поближе, для него неформальный ответ был хорошим поводом просто рассмотреть громилу.

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, – ответил громила, и тоже стал его изучать, ещё более откровенно.

Так они смотрели друг на друга и казались друг другу немного знакомыми и очень странными. Они оба отследили в себе чувства, которые не смогли определить, и обозначили их также – странными.

Потом Форш присел рядом.

– Вы недавно приехали?

– Давно, – ответил Халлик, – это наш остров, мы тут живем. А вот Вас я раньше здесь не видел.

– Дня два я здесь, – соврал Форш, – так у Вас нет зажигалки?

– Я же сказал, ЗОЖ. Шеф вредных привычек не одобряет... – пояснил Халлик.

– Шеф? – удивился Форш. Вы тут на работе?

– Да, – грустно ответил Фома. – Не все тут на курорте. Я – несчастное подневольное существо. Пашу с утра до вечера. Нету выходных на войне.

«Бред какой-то», – подумал Томас Форш. Казалось, громила просто прикалывается. И казалось одновременно, что он говорит честно. И оставалась вероятность, что это – игра, маска.

– Без отдыха плохо, – сказал Форш. – Я вот приехал отдохнуть в тишине.

– Везёт, а нам покой только снится, – снова пожаловался Томас Халлик.

– Что же за работа у вас такая? – участливо спросил Томас Форш.

– Тяжелая... шеф заставляет работать за троих; но ничего, всемером справляемся. Точнее наоборот.

«Разрыв шаблона», – диагностировал Форш, – «Тип странный. И непонятно, кто с кем играет.»

– Курить хочу, не могу, – сказал он и поднялся. А потом спросил:

– Что за работа такая, сидеть в холле отеля?

– Девчонку сторожу, чтоб не убежала, – вздохнул Халлик, – убежит девчонка, а мне – голова с плеч.

Форш поднялся наверх и зашел в свой номер. Лейла ждала его там.

– Не нравится мне этот тип. У меня ощущение, что я его видел раньше. Не помню, где. Знаю, что он работал в службе безопасности у Руслана несколько лет. У него есть разрешение на ношение оружия. Добрым увальнем он просто прикидывается. Тебе не надо к ним ходить.

– У нас был план! Мы должны...

– План меняется. Ты уходишь в тень, контактировать буду я.

– Нет.

– Да. Послушай старших. Мы не будем тобой рисковать!

– То есть Вы признаете, что я была права?

– Ещё нет, но лишний риск не нужен!

– Я не согласна.

У Лейлы позвонил телефон. Номер был незнакомый.

– Бери, – скомандовал Форш.

– Я слушаю.

Из трубки раздался голос громилы:

– У Вас всё в порядке? Это Томас, в смысле тот который Фомочка.

– Да, да, всё хорошо, еще пара минут и я спускаюсь.

– Ладно, не торопитесь, просто я заволновался, вдруг что не так.

– Скоро иду.

Лейла отключилась:

– Что значит этот звонок? Они дают, жестко меня контролируют. Этому я не давала свой телефон, но он мне звонит. Это не просто так всё!

– Согласен; поэтому ты никуда не идешь! Ты звонила мне из туалета, звони говори, что плохо себя чувствуешь, типа желудок расстроился, или без подробностей, пообещай, что придешь завтра.

– Мы их спугнём?

– Мы подумаем. Сейчас я спущусь вниз. Пришлю тебе смс. Когда смс придет – звони громиле. Я понаблюдаю, что он будет делать. Иди в свой номер.

Форш спустился вместе с сигаретами, зажигалкой и опять уселся рядом с Халликом.

– Вот, нашёл. А как ваша девчонка? Не убежала?

– Вот не знаю, – ответил Халлик, – или у нее запор, или убежала.

Форшу стало смешно. По легенде они придумали «понос».

– Тут много красивых девчонок, – продолжал вступать в контакт Форш.

– Знаю, – сказал Халлик, – велосипедистки. Они тут живут зимой и тренируются.

Когда Лейла позвонила Фоме и сообщила, что вернётся завтра, он озадачился. Вышел на улицу. Разговаривал с кем-то по телефону. Ждал. Снова разговаривал. Выглядел слегка встревоженным. Подозрительно. Форш вышел покурить, Халлик отошел поговорить подальше. Чтобы было не слышно. Очень подозрительно. Есть что скрывать.

Томас Халлик звонил еще кому-то, а потом пошел прочь. Томас Форш прогулочным шагом за ним. Повернув за угол, Халлик остановился и дождавшись Форша спросил в лоб:

– Вы что, за мной следите?

– Вы что, боитесь слежки? – парировал Форш.

Два Томаса снова стояли друг напротив друга и друг друга подозревали.

22. Грязные звери

Когда во дворе послышался шум, стало ясно – появились собаки. Нилин вышел на мороз, и увидел: Белая собака была серой, нечёсаной, страшной на вид, но подходила уверенно и с надеждой заглядывала в глаза. Черный пёс, лохматый, со свалывшейся шестью, скакал вокруг и подгавкивал. Они его не боялись, и бешеными не выглядели.

Нилин засомневался, пускать ли таких грязных зверей в дом, закрыл их в сених, сфотографировал, отправил фото на почту Руслану, дал собакам еды и позвонил ветеринару. Ветеринар приехал спустя время, осмотрел животных и уехал оформлять документы, необходимые для перевозки.

Отмыть чудовищ оказалось делом не легким. В этой русской глуши вода добывалась из скважины, и была ледяной. Подогревалась в бане. Нилин не мог понять, как Руслану пришлось в голову жить в этой дыре без водопровода; без бойлера, с удобствами на улице и с такими длинношерстыми собаками. Собаки расставаться с грязью не хотели, в ход пошли сначала объяснения, потом намордники и строгие ошейники, но было не просто.

Нилин с трудом намылил белую собаку, но смыть с шерсти пену от антиблошиного шампуня оказалось намного сложнее, чем нанести её. Чудовище стряхивало воду, грязные брызги летели во все стороны. Нилин понимал, что никакие деньги в мире не окупят его страданий. Но domыть собаку было делом чести. Потом он понял, что кончается горячая вода, которую он разводил в большом тазу, и что надо оставить воды, чтобы помыться самому. Нагреть новой воды – часа полтора.

Когда первая собака была почти чистой и почти сухой, он отвел её в дом, вымылся сам, обливаясь из ковшика и ругаясь про себя на Руслана, что в доме нет ни бойлера, ни душа.

Когда Нилин чистый возвращался из бани в дом, черный грязный пес в приливе одному псу известных чувств начал прыгать на Нилина, стараясь повалить и лизнуть в лицо, и его снова испачкал, еще и больно поцарапал когтями.

«Чтоб ты сдох», выругался Нилин, привязал собаку за поводок к толстому чугунному крюку и снова пошел в баню.

Главное, что Нилин понял, что на мытье второй собаки у него нет ни героизма, ни желания. Он устраивался работать начальником охраны, у него специальное образование, опыт, стаж, он готов к работе в условиях реальной опасности и мыть блохастых тварей не намерен.

Нилин ополоснулся остатками теплой воды, зашёл в дом, согрел чайник и сел в кресло, отдохнуть и проверить электронную почту. Было одно письмо с неизвестного адреса, Нилин когда-то отправлял резюме в поисках работы, уже не помнил куда точно. В теме значилось «по поводу работы».

Нилин открыл письмо, нажал на ссылку внутри и прочитал заголовок статьи «прикрывавшийся благотворительностью миллионер держал взаперти несовершеннолетнюю девочку». «Что за бред?» – подумал Нилин. Поискал свежие новости по теме – в разных вариантах попадались статьи о Руслане, новом уголовном деле, детдомовской девочке из России, и его тёмном прошлом, одна хлеще другой.

Теперь стало понятно, почему никто не берет Нилина на работу. Вовсе не предыдущее увольнение, а работа у Руслана – вот несмываемое пятно на репутации. Но верить только интернету было нельзя. Нилин позвонил Халлику.

– Привет. Расскажи мне про девочку Руслана.

– Про которую?

– У него несколько? – удивился Нилин. Это подтверждало интернетные статьи и самые неприятные догадки.

– Да фиг его знает, – сказал Томас.

- Про русскую.
- Что ты хочешь знать?
- Он спит с ней?
- Не видел.
- Томас, тебе не противно всё это?
- Мне то что?
- Девочка же несовершеннолетняя.
- Ой, да ладно. Она такая девочка...
- Всё с тобой ясно, Халлик, – сказал Нилин и положил трубку.
- Сам дурак, – сказал себе под нос Томас Халлик, и продолжил гляделки с Томасом

Форшем.

- Вижу у Вас проблемы, не буду больше Вас отвлекать, – сказал Форш, отступая.
- И правильно, свидимся ещё, – ответил Халлик и ушел.

– Нилин, что ты хотел узнать? Я не мог говорить нормально. – Халлик перезвонил сам.
– Уже ничего, Томас, мне всё ясно. Скажи Руслану, что я нашёл его собак. Они в доме. Ключи я оставлю на столе. Здесь такая глушь и мороз – в дом никто не зайдет. Сосед считает, что Руслан «очень хороший человек», вот пусть он с его собаками и возится. Мне от связи с Русланом проблем хватит. Я увольняюсь.

- Нилин, тебя там укусил кто-то? Что случилось?
- Хочешь работать у Руслана – работай; я уйду. Всё.
- Ты что, испугался?
- Думай, как хочешь. И предупреди Руслана про собак. Они в намордниках на привязи в доме, чтоб никого не покусали. Я на него больше не работаю, – сказал Нилин и бросил трубку.

Разочарование противная вещь. Считал человека нормальным, а человек оказался...

Нилин оставил ключи, выложил на видное место корм для собак, купленные по совету ветеринара медикаменты, клетки для перевозки. Выключил свет и вышел из дома, плотно прикрыв дверь и калитку. Мороз был кусучий, ветер злой. В голове – только одна мысль, чтоб Руслан катился к чертям вместе со своими девочками, детьми, собаками...

Когда Нилин подходил к машине, на заснеженной улице послышался шум колёс, и из темноты выкатилась прямо на него темная BMW, с выключенными фарами.

– Эй, братан. Руслана не видел? – спросил неприятный, пьяный на вид тип, опустив стекло.

– Я его больше не знаю. А вам пить меньше надо, без света ездите, – ответил Нилин, сел в свою машину и уехал.

Стального блеска в глазах у водителя BMW Нилин не разглядел, и двух глухих выстрелов, прозвучавших в доме минут через пять, он не слышал.

23. Грустно

Томас Халлик шёл домой грустный. Как сказать Руслану про Нилина, он не знал, а сказать было надо. Добавить проблем к уже имеющимся. С Лейлой получилось странно. Они показались ему даже чем-то похожи, Нилин и Лейла. Ещё и этот странный мужик из отеля.

Дома было спокойно; все вернулись с вечерней прогулки, Рэнди укладывал детей спать, Рита ушла к себе, Альдо сидел внизу. Но что толку, Нилина он не знает. Фомка заглянул к Ане, поговорил с ней и вышел на улицу.

Руслан приехал, когда было около 22:00. Вышел из такси. Было видно, что уставший. Ещё бы. Время шло – проблем только прибавлялось. Увидел Халлика на пороге.

– Что дома?

– Дома всё нормально; Лейла в отеле.

– Где ненормально?

– В РФ.

– Что?

– Нилин позвонил, сказал что нашёл и закрыл собак в доме, и что он увольняется. Бросил трубку. Я не знаю, что случилось. Про Риту спрашивал.

– Плохо.

– Ещё мужик один странный завелся рядом; такое ощущение, что он за мной следил... хотя может это у меня мания преследования. Кстати, вон он, – Томас Халлик показал в сторону, – Томас Форш делал вид, что прогуливается по пустынной набережной. Дорожка вдоль моря была единственная и шла мимо их дома. Форш приближался. Когда он подошёл совсем близко, он поприветствовал Фому, картинно сняв воображаемую шляпу, а потом задержал взгляд на лице Руслана. Поздоровался и пошел дальше.

– Странный, – сказал Фома.

– Это всё? – спросил Руслан.

– Вроде да.

– Почему Нилин увольняется, он сказал?

– Нет. Точно не сказал. Он лепил что-то про несовершеннолетнюю русскую девочку.

– Он прочитал статьи в интернете, – спокойно сказал Руслан. – Плохо. И на внятное опровержение нужно время. Уже поздно, я позвоню завтра в Россию, и Нилину.

– Я думал, ты расстроишься...

– Я расстроился. Но что толку? Там уже глубокая ночь, все спят. Хорошо, что он нашел собак. Мишка обрадуется. Я не говорил ему раньше, пока не найдутся.

– И не говори.

– Почему?

– Привезут, тогда скажешь. Кто это сделает?

– Я поговорю завтра с Нилиным.

– Мне кажется, не выйдет. Он слился.

– Я не верю. Это нервы. Пройдет.

– У Нилина нервы? Вряд ли. Он их забыл где-то в прошлой жизни, вместе с чувством юмора.

– Он нормальный, Томас. Просто немножко жесткий.

– Немножко? Ну да, как поезд, – хмыкнул Фома, – А что было в статьях в интернете?

– Про меня и Риту. Всякое.

– Что у тебя с Ритой, Руслан? – Халлик смотрел на него внимательно. Было очень темно и тихо вокруг. Моря почти не слышно. Руслан молчал, Халлик ждал.

– Любовь у меня с Ритой... из прошлой жизни... тяжелая и нервная любовь.

- А с Линдой что было?
- Ты тоже решил поиграть в следователя?
- Ты ведь понимаешь, что есть повод, – серьёзно сказал Фома.
- Понимаю. С Линдой у меня общие дети. Так получилось.
- А с этой Лейлой что?
- Не знаю... не помню... я её встретил в тот же день, что и Альдо. В том же самолёте.

Когда летел с Ритой из Москвы.

- Странно всё это.
- Да, – согласился Руслан. – И с Алисой у меня дружба. Если тебе что-то не нравится – говори лучше сразу.

Халлик помолчал с минуту, потом ответил:

- Я не хотел тебя огорчать, Руслан. Иди спать. Утром снова взойдет солнце, а ты помятый...

Руслан спать сразу не пошел, позвонил Нилину. Долго слушал гудки. Потом получил смс:

- Я всё сказал Халлику. Разговаривать с тобой мне не приятно. И не надо ничего объяснять. Всё понятно и так.

Теперь действительно было понятно. Час назад адвокат объяснял Руслану, что всякая ерунда в интернете, это не ерунда; а влияние на общественное мнение, и эти статьи Руслану вредят. Руслану было не ясно, как ему может вредить написанная кем-то ложь.

Руслан говорил, что те, кто его знает – всё поймут сами, и про него, и про эти статьи; адвокат возражал. Говорил, что необходимо убрать и вычистить в интернете то, что можно. Предоставлять противоположную информацию. Готовить опровержения и делать официальные заявления. Руслан считал, что это лишнее, он уже давно не публичная фигура и никому не интересно, что там про него пишут. Оказалось, адвокат был прав.

Руслан написал смс Лейле: «Добрый вечер, простите, пожалуйста, что так получилось. Я только освободился. Надеюсь Вам лучше. Если что-то понадобится срочно – звоните мне, Вернеру или Томасу. Я позвоню завтра. Спокойной ночи».

Форш прогулялся вдоль набережной и возвращался по берегу моря. У дома, за которым он наблюдал, по-прежнему сидел Руслан. Уже один. Форш прошел мимо, но взгляда было достаточно, чтобы понять, что у человека очень много проблем. Но каких и в чём их причина, было неясно. Или человек грустит от того, что его оговаривают, или от того, что «хорошо прижали». Неприятно и то, и другое. Да и дыма без огня не бывает.

Форш обернулся, чтобы рассмотреть Руслана получше. Просто стоял и смотрел. Так могут делать дети. Взрослые считают это неприличным.

Руслан спокойно ждал. Не кричал, не нервничал, не вызывал охрану. Это было странно. Человек, загнанный в угол, обычно теряет способность к спокойным реакциям на происходящее вокруг. Начинает дёргаться. Особенно в ответ на такое откровенное действие. Форш провоцировал – реакции не было.

Форш решил проверять дальше. Он подошел к Руслану поближе и сказал:

- Я видел Ваше фото в новостях... сегодня.
- И что?

– Как Вам не стыдно?

Руслан пожал плечами. Стыдно ему не было. Было тяжело, неприятно, грустно. Хотя может быть и стыдно. Если бы он раньше вел себя умнее, этой ситуации бы не случилось. И плохо даже не то, что будут узнавать его, как сейчас; плохо то, что это коснется его детей, его друзей, людей которые с ним общаются. Стыдно будет им – за него. И вот от этого тоже было грустно.

Незнакомый мужчина не уходил, стоял напротив рассматривая его, как картинку.

– Хотите что-то узнать? – спросил Руслан.

– Хочу, – ответил Форш, – про эту русскую девочку.

– Можете спросить, сейчас, видимо, многих будет интересовать русская девочка.

– Это правда, что она не выходит из дома без охраны?

– Правда.

«Разрыв шаблона номер два» – отметил про себя Форш. Реакции были не типичными. По сути, это было признанием ограничения свободы. Статьи писали не про те статьи.

– Очень легко ограничить свободу человека, за которого некому заступиться.

– Да.

«Наглый, но выдержанный, циничный, шикарная стрессоустойчивость» – рисовал про себя психологический портрет Форш.

– Любите развлекаться, придётся и ответить за это, – старался поддеть Форш.

– Разумеется, – соглашался Руслан.

– Только это будет уже не так приятно, как развлекаться.

– Конечно.

«Технично уходит от конфликтных вопросов, не спорит. Не цепляется».

– Вы так спокойно говорите? Думаете Вам удастся избежать ответственности?

– Думаю, зачем Вы спрашиваете?

«Первая активность, хорошо, еще немного и он покажет себя»

– Мне интересно.

– Интересно что?

– Как чувствует себя человек, который обижает ребенка?

Руслан усмехнулся. Подумал. Ответил:

– Очень плохо... если человек делает кому-то больно или плохо – ему очень плохо самому. Вы вот прочитали несколько статей и задаёте вопросы. Не мне ведь, себе... Вам интересно. Вы цинично и нагло вторгаетесь в чужую личную жизнь. Ищите ответы для себя. Так в чём вопрос?

Форш усмехнулся. Он в который раз поймал себя на ощущении, что играют с ним, хотя ему казалось вначале, что игру начинал он сам. Он приписал наглость и циничность Руслану – ему вернули эти же характеристики в отношении его поведения.

– Я хочу знать, что с этой русской девочкой?

– Зачем? Что Вы с этой информацией будете делать? Я скажу, что всё хорошо – и Вы не поверите, будете считать, что я злодей. Я скажу, что всё плохо, и Вы опять не поверите. Потому что если кому-то плохо, и Вы об этом знаете – Вы должны что-то сделать! По человечески. Не пройти мимо. А как тут не пройти мимо, когда возникнет куча проблем. Лучше думать, что всё хорошо. Или нормально. Так легче будет уснуть.

«Разрыв шаблона номер 3. Сильный аргумент» – снова отметил про себя Форш и продолжил:

– Так что с ней?

– Я не знаю. Я не видел её несколько часов.

– Кот Шредингера? – пошутил Форш.

– Кошка; это ещё сложнее, чем кот.

24. Разрыв шаблона N7

Вышел Томас Халлик и закричал:

– Руслан, блин! Иди спать! Какого лешего ты болтаешь с подозрительными типами? Ты думаешь, что усталость пройдет сама собой во время разговора? Соображаешь своей башкой или нет?

«Разрыв шаблона номер 4. Громила мило беседует с боссом. Странное нарушение субординации или наличие сильных неформальных связей» – очередная пометка в голове у Форша.

Форшу тоже досталось:

– Что Вы тут ходите? Вам же сказали, что у нас проблемы! Идите спать отсюда!

Потом из дома выплыла очень странной фигуры девушка, должно быть, та самая беременная Алиса, укрытая пледом, как плащом и сказала громиле:

– Что ты орешь на всю улицу? Пусть поговорят, – она приблизилась и усталилась на Форша. Так, как могут дети. Без приличий и стеснений. И выдала заключение:

– Интересно. Должно быть мы встречались в прошлой жизни. Иди, Руслан, спать, а мы с товарищем побеседуем.

«Разрыв шаблона N 5. Командирша. Очень не простой человек»

– Подержите плед, – девушка вручила плед Форшу и удалилась. Вернулась через минуту с двумя подушками.

– Мне нельзя переохлаждаться, присаживайтесь, – она вручила Форшу одну подушку, села на вторую и забрала плед. Громила стоял у порога. Форш ждал продолжения.

– А хотите будем варить глинтвейн прямо на пляже?

Громила был задействован в обустройстве незаконного костра. Девушка принесла кастрюлю с фруктами и специями, две кружки, бутылку вина и спички.

– Пожалуйста, оставь меня со странным субъектом наедине, – попросила она громилу, – ты ведь всё равно любишь пиво.

Громила удалился.

– Интересно тут у вас, – отметил Форш, наблюдая как командирша разводит огонь.

– Да; с нами не соскучишься, – мило, мягко говорила она, а потом резко, – зачем Вы приставали к Руслану?

Вопрос попал Форшу прямо в лоб и опять возникло ощущение, что играют с ним.

– Отвечайте честно. Огонь будет свидетелем! – она достала из кармана пузырек с чем-то и огонь вспыхнул.

«Начало магического действия. Наваждение. Бред»

– Сомневаетесь? – спросила девушка, – вино это символ крови. Вино тоже будет свидетелем. Помните, что кровь течет в ваших венах и всё слышит. Говорите правду!

«Да у них тут секта сатанистов. РШ N 6; число дьявола» – подумал Форш.

– Кто вы? – спросил Форш.

– Я первая задала вопрос.

– Мы не знакомы.

– Знакомы; давно; Вы просто не помните. Отвечайте зачем приставали к Руслану. От этого зависит Ваша судьба!

«Опять наваждение. Бред. Дешевый спектакль. Секта сумасшедших»

– Какой Вы вредный, – сказала Алиса Форшу в лицо. И дальше, в пустоту: – Артур, если ты меня слышишь! Если есть в тебе ко мне хоть что-то тёплое. Доставь мне удовольствие, явись сейчас, хотя бы на секунду, чтобы показать этому субъекту, что у нас интересно. Я понимаю, что это шалость. Прости мои капризы и тогда я тебя поцелую. Огонь будет моим свидетелем!

«Бред, бред, бред... сумасшедшая беременная девчонка, зачем всё это» – думал Форш, когда увидел, что прямо из темноты рядом с ним возникла из воздуха человеческая фигура. Это был не дьявол, не привидение, не демон, а странный старик с грустными серыми глазами, высокий, одетый в элегантный серый костюм. Он печально посмотрел на Форша, обернулся к девушке и сказал: «зачем ты шутишь так жестоко, Алиса?»

– Я не шучу, я обещала, я очень благодарна тебе, – она улыбнулась довольная, победно посмотрела на Форша и потянулась к старику. Форш видел как очень милое на вид юное создание обняло за шею пожилого мужчину, и приподнимаясь на цыпочки приоткрытыми губами приблизилось к его старому морщинистому лицу. Алиса коснулась губами губ старика и старик растворился.

– Я пойду домой, – единственное, что смог сказать Форш.

Юная сектантка сложила руки в намасте, и наклонилась к костру.

– Спасибо тебе, Дух огня.

«N 7»

25. Письма, мысли, сообщения

Утром Руслан услышал по телефону от своего деревенского соседа, что собак убили. Черного нашли уже холодным, белая ещё дышит.

- Схожу к Михалычу за ружьем, пристрелю, чтоб не мучилась. Не жилец она.
- Нет. Я приеду...

Нилин получил смс: «Зачем так? Если претензии ко мне – разбираться надо было со мной! Собаки и маленький ребёнок, который их очень любил, не виноваты!»

Руслан ни с кем не разговаривал за завтраком, его никто не трогал.

Мишка подошел к Фоме и сказал:

- Покажи на карте, где мы сейчас.

Это было событие. Мишка говорил очень редко. Фомка показал. Мишка смотрел долго на закрасненное синим пространство между островом и материком.

- Большая белая собака позвала меня ночью, она далеко, болеет. Я поеду её лечить.

Руслану пришлось всё рассказать.

- Не поедешь один, – сказал Фома.

- С Мишей, – сказал Руслан.

- С Альдо.

- Здесь остаются Даниэла и Рита. И поэтому остаешься ты и Альдо. Я поеду один.

- Хэлфа бери хотя бы.

- Нет, Хэлф с вами, поеду только с Мишей. Всё будет хорошо.

- Вали куда хочешь, – согласился Фома.

Лейле принесли конверт, там было письмо: «Лейла! Мне пришлось уехать. Я скоро вернусь. Заходите в гости, Алиса ждет Вас. Простите, что так получилось. Отель оплачен. Если что-то понадобится – позвоните мне или Вернеру Хелфу. Деньги на карманные расходы. Руслан» и пятьсот евро наличными.

От Форша ей пришла смс: «Никуда пока не ходи. Потом всё объясню. Я должен побыть один».

Нилин перезвонил Халлику:

- Что с собаками?

- А ты не знаешь?

- Нет. Я. Вчера поговорил с тобой, утром получил вот это, – и он переслал смс.

– Черную собаку убили, белую скорее всего тоже... только она умирает медленно. Руслан улетел с Майклом туда. – Хотелось ещё наговорить гадостей, но Халлик не стал. Положил трубку.

Нилин перезвонил соседу, потом ветеринару, поехал назад. Было безумно плохо и совесть мучила за то, как он вчера психанул, бросил собак, в намордниках, так, что они даже не могли себя защитить. Да и что они могли против пуля? Поднять шум.

Найти темную BMW, номера которой он не видел, Гарриса, того, кто заказал и сделал эту гадость... как??? Нет ни одной зацепки, чтобы доказать, что это сделал не он. Нилин вспомнил, как сам материл чёрного пса и сказал «чтоб ты сдох».

– Сдохнет белая, – говорил по телефону сосед. Нечего теперь зря деньги тратить.

Когда собаки только нашлись, Нилин представлял, как привезёт их, как обрадуется Руслан и дети... а теперь? Он помнил как заглядывала в глаза белая собака, и как радостно прыгал, пытаясь лизнуть в нос, чёрный. Теперь, как посмотреть людям в глаза?

26. Зачем ты зовёшь меня

- Артур. Приходи пить глинтвейн!
- Тебе нельзя пить. – Старик вышел из-за старой полуразрушенной колонны.
- Нельзя стрелять в собак, а пить глинтвейн можно.
- Алиса вывалила на бетонный пол собранные у моря ветки.
- Зачем ты зовёшь меня?
- В тебе осталось тепло.
- У тебя есть другие, чтобы горевать о собаках.
- Хватит ныть, граф Берг. Принесли бы лучше хороших дров для огня. Я не горюю о собаках. Все собаки попадают в рай.
- Ты же знаешь, что рая нет, и ада нет.
- Как это? А где ты живешь сейчас? – спросила Алиса.
- Старик замер, наблюдая за её движениями.
- Я не могу быть рядом с тобой.
- Не можешь не быть, можешь быть, я только зову – ты сам решаешь прийти или нет, ты сам выбираешь жить в раю, или в аду. Ведь так?
- Она достала из рюкзака маленькую кастрюльку со специями, две кружки, вино и спички.
- Зачем ты решила вчера напугать Форша?
- О, ты знаешь как его зовут?
- Это фамилия.
- Прекрасно. Спасибо большое, ты мне так помог!
- Алиса смотрела на огонь.
- Спасибо, что ты приходишь! Вчера очень весело получилось с этим Форшем. Надеюсь, он не сойдет с ума?
- Не должен. Он психолог, со стажем.
- Ещё смешнее. Начнет изучать феномен наведённых галлюцинаций.
- Ты жестокая, Алиса.
- Я разрушаю иллюзии, ничего личного.

- Проведя ночь и полдня в муках самоанализа Форш пришел к Лейле.
- Привет. Переходим на ты. Так проще.
 - Как скажете.
 - Расследованием буду заниматься я!
 - Почему? Мы же договаривались, что я!
 - Ситуация изменилась!
 - Ничего не изменилось! Если эта группа лиц захватывает несовершеннолетних...
 - А если эта группа лиц захватывает совершеннолетних? Тогда что? Ты думаешь ты рискуешь жизнью, здоровьем и так называемой половой неприкосновенностью, а я тебе говорю что тот, кто связывается с ними рискует не только физическим, но и психическим здоровьем. Физические повреждения полечить можно, а вот если что не так, в мировоззрении дыры кто зашивать будет? Современная психиатрия – не будет.
 - Может быть, Вы расскажете, что произошло вчера? Откуда такие мысли? – спросила Лейла после паузы. Форш выглядел встревоженным. – Раньше вы утверждали, что Руслан хороший человек, и все статьи про него – сплетни. Теперь что?
 - Я поговорил вчера с ним, немного, и с Алисой. И я в замешательстве. Нам надо быть осторожнее, собрать максимум информации.

– Он уехал, кстати. Оставил мне вот что, и деньги, – она показала письмо.

– Странно. Но это нам на руку, понаблюдаем пока за домом. Хотя Вас приглашают в гости, и я тоже вчера получил приглашение. Поэтому я схожу на разведку.

– Так не честно! Почему Вы?

– Это разумно! – сказал Форш.

– Нет! – Лейле было обидно от такой несправедливости, – Вы получили интересный материал, от меня, и хотите отстранить меня от расследования!

– Лейла, мы же не на работе. Ты девушка, молодая. А мне терять нечего. Если со мной что-то случится, например, заберут в психушку – то не ходи туда, ладно. Чёрт с ней, с русской детдомовской девочкой, там заварушка покруче.

– Я Вас не понимаю. Вы были вполне разумным человеком позавчера. Сегодня Вам наплевать на несчастную девочку, которую могут использовать против её воли. Нельзя это вот так бросить, и сделать вид, что ничего не было!

– Мы не бросаем, я иду на разведку. Ты ждёшь меня в отеле. До встречи!

Форш постучал в заветную дверь. Открыл высокий широкоплечий мужчина спортивного вида и яркой южной наружности.

– Добрый день.

– Здравствуйте, – он явно ждал объяснений.

– Я к Алисе, – аккуратно начал Форш.

– Как Вас представить?

– Томас Форш...

– И? Вы откуда? По какому вопросу?

Форш даже смутился. Красавчик-охранник стоял непростым барьером на входе в дом. Лейла не упоминала о нём. Спокойная сила и достаточно глубокий внимательный взгляд. Совсем не обычный охранник. Не из тех, кто формально следует инструкциям. А может и не охранник вовсе. Форш решил проверять дальше.

– Скажите, что из прошлой жизни. По поводу вчерашнего разговора.

– Так прямо и сказать? – не смутился совсем тот, кто стоял напротив Форша. Даже улыбнулся.

– Да.

Красавчик, не двигаясь с места и не оставляя шанса войти, набрал телефонный номер.

– Алиса, к тебе тут пришли. Томас Форш. Говорит, из прошлой жизни.

– Слушай, я пока занята. Пусти его, пожалуйста, пусть подождет. Он не опасен.

Было видно, что красавчик удивился. Форш тоже удивился

– Проходите, – более вежливым тоном сказал красавчик Форшу и указал на диван в гостиной, и совсем как секретарь в приличных заведениях, добавил: – Чай? Кофе?

– Кофе, пожалуйста.

Красавчик набрал другой номер и Форш услышал: «спроси у Ани, у нас есть кофе? И может она сварить? У нас гости.» Форш удивился второй раз.

И третий, когда вместо неизвестной Ани с кофе по лестнице спустился вчерашний громила:

– Какие люди в Голливуде! Тут что, вывеска «кофейня на паях»?

Форшу стало неудобно.

Громила и не менее громильный красавчик, если разозлятся, ему несдобровать.

– Он к Алисе, – пояснил красавчик громиле. Ощущение у Томаса Форша не из приятных – эти двое его изучают и решают, что с ним делать.

– Алиса шляется опять где попало, я пока за неё, – и громила плюхнулся на диван рядом.

– Фома, как на счет кофе? – уточнил у громилы красавчик.

– Забыл. Пофиг. Пиво будете? – громила встал и направился к холодильнику. Достал две баночки.

– Можно хотя бы чаю, – скромно спросил Форш, и добавил, – если с кофе у вас проблемы.

– Ты наши проблемы не трогай лучше, – улыбнулся громила, – а то и Алиса не поможет.

Красавчик сел в кресло на отдалении, громила, которого красавчик звал «Фома» предложил гостю довольствоваться пивом.

«Бардак», – подумал Форш, – «приличия только для видимости. Наглость и бардак».

– Давайте уточним, как Вас зовут и по какому вопросу пожаловали? – начал громила Фома. Теперь он уже напоминал Форшу не громилу, а кота Бегемота из известного произведения.

– Поговорить с Алисой, – ответил Форш, решив говорить правду.

– Зачем? Говорите прямо, сэкономите время себе и нам.

– Вы собственно кто Алисе будете? – поинтересовался Форш, вопросы хотел задавать он.

– А Вы? – не сдавался громила.

– Он из прошлой жизни, – сказал красавчик.

– Ухажёр, что ли? – Фома засмеялся. Может Хэлфа позовем, пока Алисы нет. Пусть разбираются. Зачем нам еще один ухажёр? Вообще, представьтесь!

– Томас Форш.

– Очень приятно, Томас, не Форш, – засмеялся громила.

– Альдо, не Томас, – улыбнулся красавчик.

– Я ничего не понимаю, – честно сказал Форш. – Никакой я не ухажёр. Алиса утверждает, что существуют прошлые жизни, и что...

– Врёт... никаких прошлых жизней не существует. Она над Вами прикалывается, а Вы ведётесь, стыдно в Вашем возрасте, – сказал громила Фома.

– Фома, а ты сейчас что делаешь? – спросил красавчик Альдо, как будто он решил защитить гостя. – Человек пришел к Алисе, по серьезному вопросу, а ты...

И тут случилось страшное.

Фома = кот Бегемот = громила позвонил Алисе, и спросил:

– К тебе по серьезному вопросу пришел человек. Можно мне поприкалываться?

В ответ прозвучал звонкий и немного раздраженный голос, Форш слышал всё:

– Блин, что вы мне всё время звоните! Я занята! Можно, если это Форш. У него должна быть хорошая стрессоустойчивость.

– Она разрешила, – с довольным видом сообщил Фома и красавчику, и Форшу, – приступим...

Терять было нечего. Представлялось, что сейчас начнется сеанс черной магии с последующим разоблачением. Прямо для него. Впрочем, это было интересно. Форш знал, что если ситуацию нельзя контролировать, надо расслабиться. Ненужное напряжение уйдет, ресурсы высвободятся и дадут шанс принять верное решение. Оставалось только узнать, что же с несчастной русской девочкой, чтобы со спокойной совестью можно было расслабиться и получить удовольствие.

Судьба была к нему благосклонна. Как по заказу, русская девочка, точнее девушка, спустилась с лестницы. Она была грустной, хрупкой, и таинственной. При виде её Фома и Альдо затихли, и Форш отметил, что немного напряглись. Наблюдали, ждали, что будет дальше. Девушка увидела незнакомого мужчину, то есть Форша, встревоженно и вопросительно посмотрела на Фому.

– Этот человек пришел к Алисе, – сказал Фома медленно и по-русски. Девушка остановила на Форше взгляд, пронзительный, глубокий, очень странный. Как будто смотрела ему в душу. Стало не по себе.

– Могу я поговорить с Вами? – спросил по-английски Форш. Русского он не знал.

Громила Фома и красавчик Альдо напряглись ещё больше, это ощущалось явно, будто оба взвели невидимые курки. Одно его неверное движение и последует выстрел.

– Я не понимаю, – ответила девушка, показав своим видом что не намерена разговаривать, и подошла к кухонной зоне. Она включила чайник, дождалась пока закипит вода, заварила чай, и медленно пошла с чашкой наверх. Всё это время громила и красавчик молчали, не спуская глаз с неё и Форша.

Тайн добавилось. Расслабиться было нереально. Эта девушка напоминала одновременно и испуганного ребенка, и загадочную русалку, способную взглядом утянуть на дно. Безусловно, она была сексуальна... Была ли она такой сама по себе или стала такой в этом доме? Была ли она свободна и счастлива здесь – скорее нет, чем да. Но и обычной пленницей не выглядела. Поразила её юность, странная тонкость и глаза, чёрные, как омут. Мистика во плоти...

– Что вообще происходит в этом доме? – спросил Форш.

Его вопрос повис в воздухе. После явления русской девушки в помещении было очень необычно и тихо.

Потом громила выдохнул, как будто расслабился, убрал невидимое оружие со взведенным курком и вполне добродушно спросил:

– Скажи лучше, зачем пришел в этот дом ты?

27. Немного поэзии

- Почему здесь? – спросил Артур. – Ты находишь, это хорошее место для встречи?
- Эти декорации отражают суть наших отношений. Запустение, сквозняки, разрушенность.
- Не могу поверить, что это ты среди развалин пьешь вино из кружки. Как же эстетика?
- В этом есть своя эстетика.
- Нет, эстетики тут нет, – вздохнул Артур.
- Мне кажется, ты смотришь на форму больше, чем на содержание. Хотя, конечно, они хороши в единстве.
- Ты была совсем другой раньше.
- Какой?

Он провел рукой и у обшарпанной колонны появился портрет в золоченой резной раме. У Алисы сложилось впечатление, что женщина на портрете, запечатлённая в полный рост тоже «резная и золочёная». Алиса подошла к изображению светской дамы, провела ладонью по нарисованным складкам шикарного длинного платья. Стояла и смотрела даме в лицо. Артур созерцал картину целиком. Серые бетонные стены полуразрушенного здания, окна, давно лишенные стекол, строительный мусор на полу, посреди этого великолепный портрет женщины и беременная девушка, являющая своим поведением примеры поправки правил светской этики, а видом «стиль легкой небрежности», старается узнать в элегантной даме себя.

- Красиво, стильно, но не натурально, – сделала вывод Алиса, – сейчас я более настоящая.

Она, как посетитель художественного музея, прошла мимо картины в одну сторону, в другую, отошла и посмотрела издали.

- Это вызвало у меня следующую ассоциативную связь. Извольте прослушать! – Алиса достала телефон, полистала вкладки, и вскоре заиграла песенка:

*Маленькая девочка
Со взглядом волчицы.
...
...
Ты видишь как мирно
Пасутся коровы,
И как лучезарны
Хрустальные горы.
Мы вырвем столбы,
Мы отменим границы,
О, маленькая девочка,
Со взглядом волчицы.
Спи сладким сном,
Не помни о прошлом.
...*

- Забавно, – сказал Артур, – текст старый, 1985 год. Автор Армен Григорян. музыкант и создатель группы с интересным названием «Крематорий». Тебя всегда привлекало странное искусство. Помню, давно что-то подобное ты мне уже рассказывала. Про «отменим границы».
- Заинтригована.
- Прочитай это сама. Ты наверняка знаешь наизусть.
- Что именно? – удивленно спросила Алиса.

– «Я и Вы», Николай Гумилев.

– О, да! – воскликнула она, и встав рядом с портретом, тихо и вкрадчиво, как будто открывая странный секрет, начала, немного раскачиваясь, изображая то ли змею, то ли боковую волну:

*Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.*

Артур предположить не мог, что так допустимо читать стихи. Эротика закончилась. Алиса победно посмотрела на портрет, и голос её стал звонким и громким. Началась экспрессия.

*– Не по залам и по салонам,
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.!!!*

Я люблю – как араб в пустыне

...

Начиная со слова «араб» Алиса изображала томление и страсть. Было очень сексуально и почти неприлично.

Она сделала паузу, и снова начался танец змеи, и жаркий шёпот.

*– И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой – нибудь дикой щели*

...

Декламация закончилась жестом, уместным на рок-концерте – пальцы сложенные в «козу» или мудру энергии на правой руке, резко поднятой вверх, завершили эпатажное выступление.

Артур сдержанно поаплодировал.

– 1918 год, почти сто лет назад, а как актуально, не правда ли, граф?

– Услышав этот текст из Ваших уст впервые, я не смог предположить, что это Ваш манифест.

– Это не манифест, это, видимо, анализ отношений.

– Тот поэт умер.

– Не важно. Текст гениальный! И так мало оваций мне? Всего три скромных: хлоп-хлоп-хлоп? – обиженно произнесла Алиса.

– Я был смущён вот этим, – Артур рукой изобразил волну.

– Ах этим, так знай, – и волна продолжилась, сопровождаемая горячим шепотом,

*– Как эта женственная кожа
В смуглых отливах
На матовый муар похожа
Для глаз пытливых.*

*Я в запахе прически душиной
Чую жемчужный
Приморский берег, бриз воздушный
В гавани южной,
И расстаюсь с моей печалью
В томленьем странном,
И, словно парусник, отчалию
К далеким странам.
...
...
Какой напиток в терпкой пене
Я залпом выпью,
Какие звезды упоенья
В туман просыплю! (Шарль Бодлер)*

В конце она рассмеялась.

– Вы, видимо, пьяны, – прохладно сказал он.

Алиса усмехнулась.

– Я думаю, каждая женщина мечтает, чтобы ей восхищались так! Хэлф хотя бы пару песенок мне спел. А ты...

– На стихи Бодлера? – усмехнулся Артур.

– Он не знает Бодлера. Он любит другие стихи. Его песни посвящены Звезде, или Луне, в любом случае Любви. Кстати, под гитару. На зурне мне никто еще не играл, – грустно вздохнула Алиса и вернулась к вину.

– Оваций не было, но знай. Последнее выступление было великолепно. Изысканное издевательство, если принять во внимание все, что вокруг и все, что между нами.

В Руке Артура появилось нечто. Он показал ей. Фото – вид сверху – развалины, пожилой джентельмен, сидящий у огня, портрет из старинного замка «золоченой дамы» в золоченой раме и она, застывшая в соблазнительном изгибе.

– Безобразие! – возмутилась Алиса. – Безнравственность со всех сторон. Получается, я тебя соблазняю! Я ухожу, – капризно и обиженно сказала она и взяла с пола свой рюкзак.

– Не огорчайся, глупо искать любовь среди развалин, й – сказал Артур уходящей Алисе. Она обернулась.

– Ты ничего не понял, – Алиса смотрела спокойно, внимательно, долго..., – я её не ищу, я её дарю, – улыбнулась и ушла.

28. Двойственность и недвойственность

Алиса поправила на спине рюкзак, и, заведя с помощью телефона с наушниками в себя одну из любимых песенок, пошла по дороге в сторону города.

Старый грустный маг остался сидеть под разрушенными сводами, смотрел ей вслед, видел, как она поднимает руку в надежде остановить попутку, опускает и идёт дальше, совсем не обращая внимания на чёрный мерседес рядом.

У Алисы в наушниках звучал Ундервуд:

*«У моей головы начинается новая жизнь,
Все вокруг кувырко, а мне хочется с нею дружить.
«Это дело привычки, я сам был таким»,
– говорил мне знакомый вампир;
«Только вниз головой ты поймешь перевернутый мир».*

*Помоги себе сам, раньше времени нервы не рви.
И в страну антиподов что взять с собой, кроме любви?*

...

У Артура в голове вертелись строки Бодлера:

*Я словно царь страны, где дождь извечно льет.
Он слаб, хоть всемогущ, он стар, хоть безбород.
Ему наскучили слова придворной лести.
Он среди псов хандрит, как средь двуногих бестий.
Его не веселят ни звонкий рог в лесах,
Ни всенародный мор, ни вид кровавых плах,
Ни дерзкого шута насмешливое слово, —
Ничто не радует...*

Они говорили о магии и ограниченных возможностях человеческой жизни, о выборе, о том, что он пробовал раньше, о терпении. Алиса рассуждала о двойственности и недвойственности, и вот опять ушла в свою человеческую жизнь, а он остался... что делать? Ждать, когда она позовет его снова?

« – Что ты пробовал делать? Кем ты был на Земле? В смысле, кем ты работал, что ты умел?

– Я был учёным, был директором исследовательского института, был снайпером, ювелиром и хирургом.

– Крутой набор! Потрясающе! – восклицала она. – Все эти такие разные профессии объединяет выдержка и терпение. Во мне нет ни того, ни другого. Мне надо «раз! – и готово» – часть их недавнего диалога.

Ещё её фраза: «сознание или самоощущение мага определяет состояние его формы, то есть тела. Безусловно, есть какие-то глупые земные законы, которые к сожалению, действуют, но сознание первично. Вовне проявляется именно оно. Для мага в особенности».

Что дало ему его самоощущение мага? Его терпение? Его знание? Он выглядит, как человек на склоне лет, Она с новым именем, с новым образом, весела, юна и полна силы и жизни. Ещё и беременна.

Артур «прибрался»: он растворил в пространстве портрет в золоченой раме, фотографию и следы костра. Осталось всё так, как было до их прихода. Запустение и строительный мусор. Почему она выбирает для встреч с ним такие жуткие места? Она всерьёз полагает, что такие, как он, водятся на развалинах?

В ресторане на Dhekelia road Алису ждал молодой адвокат.

– Ну вот, ты тоже в костюме, сегодня же выходной. Зачем официоз? Можно и расслабиться.

– Видишь, верхние пуговицы на рубашке расстегнуты, и отсутствующий галстук? – улыбнулся Роттен, – это свидетельство расслабленности и неформальности встречи.

– Извини, я не вижу отсутствующий галстук, где он?

– Что будешь есть?

– Не знаю, – ответила Алиса. – Вкусную еду. Как дела у Руслана?

– Всё будет хорошо. Наделали шуму, но у них нет никаких серьезных оснований. Всё ограничится проверками и отписками.

– Её будут допрашивать?

– Надеюсь, нет. В деле много нарушений, поэтому постараюсь сделать так, чтобы всё закрылось быстрее.

– Спасибо тебе большое. Руслан уехал в Россию, там проблемы.

– Да, он сказал.

– А ты как? Нравится тебе работа?

– Нравится, – ответил Роттен, – хороший тренажер для мозга, да и посмотреть на вещи под другим углом всегда полезно, причём, в данном случае это имеет практическое значение...

– Более чем.

– Знаешь только во что я не верю?

– Во что?

– Руслан сказал, что эта девочка ... – Бик Роттен замялся, – ну что русская девочка для него та же самая, что та негритянка, и что он с ней не спал. То есть я верю, что он с ней не спал, но мне кажется, что ему надо обратиться, как минимум к хорошему психологу. Я думаю, что все, что происходит с ним и с его женщинами – это непроработанная травма после смерти первой жены. Он её любил, она умерла очень молодой. Он очень долго, почти всю молодость жил один, а теперь ищет её образ в других женщинах.

– Ты так говоришь, как будто сейчас он старый.

– Сорок лет, это возраст, а всем девочкам нет и двадцати. Замерзшая давно любовь... он не смотрит на зрелых женщин.

Алиса усмехнулась.

– Ты сказал ему про психолога?

– Сказал. Даже сказал, что психолог сейчас это лучше, чем психиатр потом.

– Да да, знаю такое. «Плакать у психолога лучше, чем смеяться у психиатра». Беда в одном. Нет подходящего психолога. Нужен человек, способный не только разбираться в особенностях психики, но и видящий переселение душ.

– Что?

– Именно то, что ты услышал, Бик Роттен. Нужен психолог, который посмотрит за тело и проявления нервной системы, ты же понимаешь, что сама психология должна переводиться, кстати с греческого, как наука о душе, а вовсе не как «масло масляное» – «психология изучает закономерности психической деятельности». Бред сивой кобылы. Найди мне нормального настоящего психолога – я сделаю так, что Руслан к нему сходит.

– Странный у тебя подход.

– Это у тебя странный подход.
– Психология – это прикладная наука. Мы изучали её в университете.
– Конечно. Юридическую, социальную, какую еще? Вряд ли вы изучали в юридическом институте души, а именно души творят всё то, что расхлебывают юристы. В этом деле в особенности.
– Ты веришь в души? В их переселение? – удивился Роттен.
– Ты веришь в то, что твое тело сгорит в крематории и ничего не останется? – изобразила удивление Алиса.

Форш размышлял о целях своего визита.
Собрать информацию;
Найти подтверждения или опровержения своим ощущениям;
Составить мнение о людях и ситуации опираясь на что? Свое восприятие? То самое, которое вчера зафиксировало появление мужчины прямо из воздуха? Можно ли такому восприятию доверять и чему вообще можно теперь доверять? Глазам? Чувствам? Логике? Голосу разума? Интуиции?

Как можно вступать в общение не разобравшись в собственном восприятии... ведь если оно дает сбой – то общение бесполезно, а если все зафиксировано верно, и мужчина вчера действительно **просто возник из воздуха** – это значит дает сбой «система», физический мир.

Вся целиком? Или только его система?

?

Если предположить, что мир не такой плотный, как кажется, и паранормальные способности некоторых людей совершенно не изучены, так же как и свойства физического мира, то...? Что тогда? Поверить в это?

Конечно, проще признать у себя наличие подверженности гипнозу или галлюцинации, которые возможны при шизофрении, эпилепсии, опухолях головного мозга, алкогольном психозе, инфекционных заболеваниях, энцефалите, церебральном атеросклерозе, отравлении наркотиками. Но...! хочется быть и чувствовать себя здоровым, и психически здоровым прежде всего.

Простой казалась бы спор с девушкой, и странная ставка, которую он сделал сам, а именно продолжение профессиональной деятельности в области психологии, за несколько дней привели его к сомнениям в себе самом?

Столкновение естественнонаучного и мистического подходов угрожают ему как человеку и специалисту?

Или эти подходы возможно объединить? Такие разные полушария совершенно не изученного наукой устройства «мозг» могут, работая вместе, пустить его в новую реальность? Реальность с новыми возможностями?

Или сделать его психически больным, без осознания своей ущербности?

Всю жизнь Форш рассматривал психологию, в основном, как набор знаний и инструментов для изучения и регулирования взаимодействия индивида и общества...

Есть другая психология?

Психика – как особая форма жизнедеятельности...? Психология... Наука о мышлении? Наука о законах отражения индивидом объективной реальности? Кто знает какова она, эта объективная реальность?

И главный личный вопрос: что случилось вчера? Погрешность в воспринимающем субъекте? Или расширение возможностей реальности? Второе было безусловно приятнее для той самой психики, его психики...

Итак, его любимая психология... основанная на самонаблюдении особых переживаний, не относимых к внешнему миру. Область знаний о внутреннем мире человека? Помнилось, что термин возник где-то в XVI в. Означал ли он науку о душе? Снабженная в конце XIX в. объективными экспериментальными методами психология ушла от внутреннего и стала заниматься деятельностной активностью человека... почему?

По сути, в этой науке сливаются объект и субъект познания; в психологии мысль совершает поворот на себя; научное сознание человека становится его научным самосознанием...

Чем занимается психология? Развивает теоретические исследования и решает конкретные практические проблемы?

Психология уже накопила много фактов о том, как новое знание о себе делает человека другим, меняет его отношения, цели, состояния и переживания. Меняет его действия... Психология одновременно изучает человека и созидает человека?

Работает с тем что есть и конструирует то, чего еще нет???

Чем не мистика?

Душа научно не обнаружена, психика неуловима... но если существование души будет доказано, психология займется экспериментами с душой? С душами?

Люди сосуществуют как социум, но у каждого индивида своя собственная субъективная реальность, свой мир явлений в форме мыслей, переживаний, представлений, чувств, побуждений, желаний...

У всех эти реальности разные.

Формируются ли они по единым принципам и законам, или у каждого свои принципы формирования внутренней реальности, а значит и принципы восприятия внешней???

И принципы действия во внешней реальности???

Вчера его собственная реальность столкнулась с другой... не такой... необычной... непонятной... странной...

Защитный механизм (чего? Стабильности внутренней реальности?) включился и начал ставить диагнозы. Не просто воспринимать, а оценивать?

Безумное зеркало.

И безумная особенность психологии в том, что оставляя психику как объект размышлений, она не может сделать её объектом непосредственного исследования: приходится искать другие объекты и через их изучение делать выводы.

Нет никаких абсолютных истин, нет точек опоры, нет ничего, что было бы неизменным.

Если «появление из ниоткуда» в его реальности признак наличия психического заболевания, то в реальности человека, который спровоцировал это появление – это норма? Нормальная обычная деятельность?

Раньше сознание человека представляло интерес для психологии, потом такой интерес стало вызывать его поведение.

Сознание производит поведение.

С позиций теории деятельности, психика не может существовать вне деятельности, а деятельность – вне психики...

...психически управляемая деятельность...

Деятельность как предмет исследования или деятельность как объяснительный принцип. ???

Деятельность, управляемая психикой или душой...

Бесконечное перетекание влияний внутреннего на внешнее и наоборот...

Игра плавающих друг за другом рыбок инь – ян...

Дух творит материю?

Куда дальше?

Магия?

29. Игры допусками

Всё, что было сейчас нужно – расслабиться. Форш понял, что он действительно ищет ответы на вопросы, ищет их для себя. Когда всё ему стало ясно – он перестал ИСКАТЬ и погрузился в работу, как в рутину – жизнь и стала скучной.

Он сам никогда себя не ограничивал – это сделал за него социум, а Форш не заметил; он жил как все, нормально, привык к рамкам этой нормальности. Именно поэтому вчерашнее происшествие и выбило его из колеи; оно было ненормальным с точки зрения его окружения последних двадцати лет.

Форш смотрел на людей, и его задачей было понимать их мотивы, проверять их профпригодность, иногда он участвовал в спорах коллег, иногда старался определить для себя исход какого-либо дела, иногда читал психологические и психиатрические экспертизы – в них не было ничего о душе. Только информация о нормальности или ненормальности психических реакций... и Форш о душе подзабыл... не до душ ему было.

Хотя за всеми действиями людей – их душевные состояния и особенности, это так понятно и просто, что не нужно никаких психологий.

Когда появилась Лейла – началось приключение. Всё, что она рассказывала, затронуло не только его профессиональный интерес, оно проникло глубже; история с ней, с её отцом, с Русланом, и её отношение к этим историям.

Сейчас он сидел в доме «носителей интереса» ... здесь было необычно, может быть ненормально, неоднозначно... непонятно...

Опасно – вряд ли.

Опасно ли для Лейлы? – зависит от гибкости её установок и способности воспринимать.

С её подачи для Форша Фома стал «громил» – вот Фома сидит рядом – добродушное мягкое существо.

Опять слово «душа» в тексте его мыслей.

Спускалась русская девочка – темная, томная, тонкая... про таких и говорят – чужая душа – потемки.

Вчерашние встречи: Алиса и Руслан – две загадки, они вроде и открываются и идут на контакт, но вопросов становится больше, чем ответов. Форш пришел сюда разгадать хотя бы одну загадку. Значит будет разгадывать, вот только как сказать об этом?

Фома потягивал пиво. Красавчик Альдо наблюдал со стороны. Просто охрана. Никаких громил. Ни один серьезный источник не написал об уголовном деле. Только желтая пресса. Форш говорил об этом Лейле два дня назад! Сам говорил, сам запутался. Поддался на что? Желая защитить девушку от возможной опасности поверил в реальность этой опасности.

– Вчера случилась странная вещь на пляже, когда Вы ушли и я остался с Алисой, – сказал Форш Фоме.

– У Алисы на пляже регулярно случаются странные вещи, не обращайтесь внимания.

– Это была «совсем странная вещь»...

– Хватит играть со мной в прятки, ходить кругами и тянуть кота за хвост, – сказал Фома, – хотите – говорите как есть, не хотите – ждите Алису.

– Вы сами хотели «прикалываться», – заметил Форш.

– Расхотел.

Напряжение чувствовалось в доме, что-то было не так. Форш это видел.

Громил» ушел наверх, красавчик остался. Стало тихо. Через несколько минут началось движение, спустилась женщина, начала готовить, потом парень – подросток, фото которого они

видели с Лейлой, и маленькая девочка, они сели пить чай и есть горячие бутерброды с яблоками, пригласили к столу Форша. Пахло корицей.

– Не грусти, папа скоро вернётся, – говорил парень маленькой девочке, совсем не похожей на Руслана.

Люди приходили, здоровались с ним, уходили, ели, пили, говорили, жили... как в большой семье. Никаких притонов; никаких развратных действий и несчастных несовершеннолетних. Разве что маленькая девочка тяжело переживала внезапный отъезд отца. Алиса задерживалась. Снова спустился Фома. Позвал красавчика играть в футбол на пляже, тот отказался. Фома сел пить чай с остывшими бутербродами. Алиса позвонила и попросила передать, чтобы Форш её обязательно дождался, она скоро приедет.

Форш спросил:

– Есть у вашей Алисы профиль в соц сети. Можно мне посмотреть?

– Ноутбук валяется на диване, он общий; можете взять. Не предложил сразу, думал такие взрослые дяди не зависают в соц сетях. Но я не знаю, как найти там Алису. Надо спросить у молодежи.

Про взрослого дядю Форш проглотил молча. Добродушный громила был помоложе, аккаунта в сети не имел, но сходил наверх и вернулся с запиской, где было нацарапано: Мастер Шифу Alice Zetta + на фото Firefox.

– Это чтобы найти.

Форш хмыкнул, поблагодарил громилу и действительно нашёл. Красная панда с фотографии хитро смотрела в мир и ела апельсин. Надписи совпадали. На странице висело размещенное два дня назад сообщение:

«Друзья!

В связи с последними событиями, помните! Информация – как вода!

На грязную и отравленную можно только посмотреть, пить – только чистую воду! Купаться – только в чистой воде; прозрачной, красивой, волшебной!!!

И важно понимать, где источник :)

У нас все хорошо!!!

Звоните, пишите, приезжайте в гости!

Пусть все существа будут счастливы!

P.s.

Кто пока не друзья!

Запомните раз и навсегда – дела у нас идут хорошо!

Наше дело маленькое – мы победим!

Я желаю вам любви!»

В конце сообщения солнышко – смайлик.

Как всё просто. Никаких оправданий, опровержений.

Нашел у Алисы в друзьях Руслана, легко узнаваемого по фото. Страница не содержала следов активности пользователя, но содержала перепост Алисиной записи. Комментарии везде были отключены.

– Вы давно живете здесь? – решил Форш завязать разговор с Альдо, когда Фома ушел. Красавчик Альдо сделал отрицательный жест; был не настроен разговаривать.

Форш подошёл к окну – на пляже Фома и парень пинали мяч. Маленькая девочка сидела на стуле у дома с игрушками. Женщина готовила ужин. Снова спустилась вниз русская девушка, говорила с женщиной на русском, видимо обсудили Форша, потом она отказалась от еды, смотрела в свой телефон, вышла на порог дома. Приехала ещё одна молодая девушка, ей объяснили, что Миши сегодня нет и заниматься будут только Рита и Даниэла. Трое: приехавшая, русская девушка и маленькая девочка ушли наверх.

– Чем они занимаются? – полюбопытствовал Форш.

– Английским.

Форш старался определить национальность красавчика.

– Вы грек?

– Нет, – всё таки красавчик был не настроен разговаривать, хотя обычно похожие люди редко бывают замкнуты. Это вскоре подтвердилось, красавчик оставил свой пост, и Форша под надзор женщины на кухне и вышел на улицу к футболистам. Конкуренция за мяч обострилась. Она сопровождалась разговорами, шутками. Со своими красавчик был общительным. «Итальянец» – решил Форш. Имя итальянское и футбол любит».

– Хотите ещё чай? – спросила женщина у скучающего Форша. Он решил попробовать разговорить её, пользуясь отсутствием мужчин, и согласился.

– Вы не знаете, куда уехала Алиса?

– К сожалению нет, но она обещала скоро вернуться.

– Вы здесь работаете?

Женщина непроизвольно пожала плечами. Как будто не знала.

– То есть? – не понял Форш.

– Да, – не очень уверенно ответила женщина, – готовлю еду.

– Все выглядят немного грустными сегодня, – сказал Форш, – особенно девушка, и Вы тоже. Извините, что я спрашиваю. Может быть я пришел не вовремя и лучше уйти? Я могу зайти к Алисе в другой раз.

– Оставайтесь, – сказала женщина. – Алиса скоро вернётся.

– Что-то случилось плохое? – спросил Форш.

– Детей жалко, – вздохнула женщина. – Собака у них была, собаку убили. Даниэла то не знает, а Мишу отец с собой взял. Зачем ребёнку смотреть на такое?

– Где убили собаку?

– В России, дом там у них был.

– Они сами вроде из Франции.

– Да кто их разберет, не поймешь. Все люди одинаковые, говорят только на разных языках.

– А эти мужчины – кто?

– Светленький – воспитатель, тёмный – охрана наша, – мягко сказала женщина.

– Воспитатель? – удивился Форш. Так и хотелось спросить «громилы – воспитатель?»

– Да какой он воспитатель, – вздохнула женщина, – самого воспитывать надо. Ему лишь бы пиво пить, да мяч гонять. Перекинет детей на кого-нибудь и отдыхает. А отчего устать-то? Лентяй! Хоть бы раз в магазин без напоминания сходил! Пользуется чужой добротой...

– Чьей? – осторожно уточнил Форш. «Болтун – находка для шпиона, женщина любила поговорить»

– Чьей-чьей, Руслана, да и Рэнди теперь, лишь бы самому не работать.

– Бездельник, говорите? – изображал Форш участие.

– Ох, бездельник, – вздохнула женщина.

Форш узнал, что ей жалко маленьких детей оставшихся без мамы, жалко сиротку Риту, жалко Алису, Руслана, Рэнди, Вернера Хэлфа, в общем всех. Жалости были не удостоены только громилы Фома и красавчик Альдо; они, по мнению женщины очень хорошо устроились.

Аня готовила ужин и щедро делилась информацией. Форш узнал достаточно много из того, что хотел. Оставалось загадкой только то, как в этом доме Лейла смогла разглядеть пристанище злодеев, да ещё так, что внушила опасения ему.

Пожалуй, он правильно сделал, что заключил с Лейлой пари, с такой организацией психики Лейле не стоит сейчас работать в силовых структурах, сила, амбиции и решимость у Лейлы есть, а вот внимательности и гибкости не хватает, так можно наломать много дров, конечно, она не виновата в своем восприятии, оно обусловлено трагедиями в судьбе, но тем более, сначала надо решать проблемы в себе, а не отвлекаться на решение мировых.

Алиса появилась, извинилась за то, что Форшу пришлось её ждать. Отметила, что он сидел вдвоём с Аней. Поняла то, что они разговаривали.

- Давайте пройдемся, мистер Форш, – строго сказала она, Форш согласился.
- Вы, похоже, много успели выведать у Анны.
- Это заметно? – удивился Форш.
- Это понятно; Вы – профессиональный психолог, Аня – человек простой.
- Я же не собираюсь использовать полученную информацию во вред, – оправдался Форш.
- Конечно. Иначе бы я не пустила Вас в дом.
- Вы тоже профессиональный психолог? – спросил он.
- Любитель, – пояснила Алиса.
- А как с фокусами? Вчера у костра?
- Мне помогли. Это была маленькая шалость. Забудьте.
- Думаете такое легко забыть?
- Элементарно. Приклеивайте наклейку «бред» и выкидывайте в чулан для забытого.

У вас в голове разве нет такого?

Форш посмеялся.

- Есть. Я как раз его обнаружил с Вашей помощью.
- Что там валялось?
- Много интересного.
- Они шли вдоль моря.
- Почему вы сказали что знали меня в прошлой жизни?
- Вы верите в прошлую жизнь?
- Допустим, да.
- Допустим, я знала Вас в прошлой жизни. Мы были знакомы.
- А если я отвечу – допустим, нет.
- Допустим, я не знала Вас в прошлой жизни. Мы не были знакомы.
- Игры словами?
- Допусками... – серьезно ответила Алиса, – согласитесь, опасная игра. – и смотрела

Форшу внутрь.

- Любите опасные игры?
- Люблю весёлые.
- Не верю, ... вчера Вы играли с одной девушкой, вы вероятно веселились, но игра вышла опасной.
- Какой такой девушкой?
- Девушка живёт со мной в одном отеле. Случайно познакомились.
- И что с ней?
- Расстройство желудка.
- Бывает, – спокойно сказала Алиса, – не смогла переварить информацию. Психосоматика.

- Как-то вы жестоко с ней.

– Вот только не надо давить мне на совесть, которой нет. Лейлу я тоже знаю с прошлой жизни. Она получает то, что заслуживает.

– Мне безумно интересно, КАК Вы все это знаете?

– Я не хочу сейчас объяснять, это разрушит интригу. Нам еще надо с Лейлой повеселиться.

– Вы с Русланом веселитесь?

– Нет. Руслан у нас веселиться разучился. У него всё серьезно. Это я с другим товарищем веселюсь; хотите принять участие? Расскажите, как познакомились с Лейлой и что она Вам рассказала?

– Случайно я встретился с ней в самолете, когда летел сюда, – у Форша была заготовлена легенда.

Алиса остановилась и уставилась на него, смотрела прямо ему в глаза. Форшу почудился сначала детектор лжи и он старался сохранять спокойным сердцебиение и дыхание, взгляд проникал в него глубже, казалось в самые мысли и вот Алиса сказала.

– Ложь, мистер Форш. А я то хотела пригласить Вас на ужин... встретимся, когда будете готовы говорить правду. До связи, – она помахала рукой и пошла прочь.

Форш остался стоять. Не такая уж это была и ложь про Лейлу... он встречался с ней в самолете, а познакомился на пару дней раньше случайно. И этот нюанс по нему заметен? Как?

Лейла была права? В номере прослушка? Или Алиса настолько крута, что определяет ложь? Настолько принципиальна, даже в мелочах, правда?

Алиса ушла уже достаточно далеко, несмотря на свою беременную полноту. Форш ждал её так долго для того, чтобы не пройти собеседование? Из-за малюсенькой лжи, которую она раскрыла, свернулся разговор, на который он так надеялся? Ждать несколько часов чтобы поговорить меньше пяти минут. Было смешно и обидно одновременно.

– Алиса, почему ты вернулась одна? – спросила Аня, – даже не пригласила человека на ужин?

– Хитро... опый слишком, – продолжил за Алису Томас.

– Нефиг врать по телефону, – сказала Алиса. – Нашли с кем играть в игры. Я же не Руслан.

– Тебе показалось что-то не так? – вступил Альдо.

– А тебе?

– Я согласен, что он не простой... он пришел что-то выведать... весь вопрос от кого он пришёл... и почему ты сказала, что он не опасен?

– Да пошел он в... опу! – опять включился Халлик.

– У тебя прям классовая ненависть.

– Типа того, – согласился Томас, – вроде он и нормальный, но что-то не так.

– Загадка, – сказала Алиса. – Вчерашнюю девчонку что ли позвать и развлечься? Или вот еще мысль. Жука на него прицепить. Или на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.